

Негр: проблема южанина

Томас Нельсон Пейдж

THE NEGRO:

THE SOUTHERNER'S PROBLEM

BY

THOMAS NELSON PAGE

CHARLES SCRIBNER'S SONS

NEW YORK ::::::::::::::: 1904

The Project Gutenberg eBook of The negro: the southerner's problem.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Негр: проблема южанина

Автор: Томас Нельсон Пейдж

Дата выхода: 22 мая 2023 года [eBook #70834]

Язык: Английский

Оригинальное издание: United States: Charles Scribner's Sons, 1904

Кредиты: Бобу Тейлору, Тиму Линделлу и группе онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE NEGRO: THE SOUTHERNER'S PROBLEM ***

НЕГР: ПРОБЛЕМА ЮЖАНИНА

НЕГР: ПРОБЛЕМА ЮЖАНИНА

АВТОР: ТОМАС НЕЛЬСОН ПЕЙДЖ

CHARLES SCRIBNER'S SONS
NEW YORK ::::::::::: 1904

Авторское право, 1904 г.
CHARLES SCRIBNER'S SONS

Опубликовано, ноябрь, 1904 г.

СПРАВОЧНИК ТРОУ

ВСЕМ ТЕМ, КТО ИСКРЕННЕ ЖЕЛАЕТ ПОМОЧЬ В РЕШЕНИИ РАСОВОЙ ПРОБЛЕМЫ, С
УВАЖЕНИЕМ ПОСВЯЩАЮТСЯ ЭТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

В этом томе эссе, посвященном одной из самых жизненно важных и насущных проблем, когда-либо стоявших перед народом, нет никаких претензий на то, что эта тема была полностью обсуждена. Все, что утверждается, - это попытка после многих лет изучения и более или менее близкого знакомства с некоторыми фазами проблемы изложить их ясно, откровенно и, насколько это возможно, сдержанно. При этом даже не утверждается, что это полностью возможно. Ни один человек не может полностью отрешиться от условий, в которых он вырос, или освободиться от влияния, которое окружало его в юности. Самое большее, что он может сделать, - это искренне стремиться к открытому и расширенному разуму и стараться смотреть на все с самой высокой и здоровой точки зрения, которой он может достичь. Если он будет делать это и стараться говорить правду абсолютно так, как он ее видит, то, хотя он, возможно, и не даст точной правды, он, возможно, внесет свою лепту в то, чтобы помочь другим найти ее.

При этом не утверждается, что автор абсолютно прав во всех своих утверждениях. Иногда информация, на которой они основаны, возможно, неверна, классификация фактов неполна или неточна, и, несомненно, его умозаключения иногда ошибочны; но нет ни одного предложения, для которого, по его мнению, он не имел бы веских оснований; ни один факт не был изложен без, как ему кажется, убедительных доказательств, и какие бы ошибки ни содержали его умозаключения, они могут быть легко обнаружены, поскольку они ясно изложены.

Хотя в то или иное время казалось, что расовый вопрос находится в процессе урегулирования, но всегда, как только эта надежда казалась наиболее яркой, она разбивалась о землю, и вопрос появлялся вновь в новой форме, такой же угрожающей, как и прежде. На самом деле он слишком весомый и далеко идущий, чтобы решить его за короткое время. Там, где десять миллионов представителей одной расы, численность которой увеличивается вдвое каждые сорок лет, противостоят в пределах одной страны другой расе, самой противоположной ей на земле, должен существовать вопрос, достаточно серьезный в настоящем и способный стать грандиозным в будущем. Наряду с представительным правительством, сегодня это самый грандиозный вопрос, который стоит непосредственно перед одной третью народа Соединенных Штатов, и лишь в меньшей степени - перед всеми ними. Он включает в себя трудовой вопрос Юга и со временем должен затронуть трудовой вопрос всей страны. Но это еще не все; он затрагивает все те условия, которые делают жизнь приемлемой и, возможно, даже возможной в дюжине штатов Союза. Везде, где он существует, он настолько важен, что на время поглощает все силы народа и исключает должное рассмотрение любого другого вопроса.

При решении этого вопроса в прошлом были допущены почти все ошибки, которые только можно было совершить, и сегодня, после более чем тридцати пяти лет мира и материального процветания, этот вопрос, очевидно, так же жив, как и поколение назад, когда национальным страстям было позволено узурпировать область обсуждения, а негру внушили две фундаментальные ошибки: во-первых, что белый южанин по своей природе является его врагом, и, во-вторых, что его раса может быть законодательно уравнена с белыми.

К сожалению, та часть белой расы, которая живет вдали от региона, где проблема является наиболее жизненно важной, была обучена придерживаться почти повсеместно одной теории в отношении этого вопроса, в то время как та часть, которая сталкивается с проблемой каждый день своей жизни, твердо придерживается абсолютно противоположного мнения.

Необычной особенностью этого различия во взглядах двух групп населения является то, что все, что южане говорили об условиях на Юге, касающихся негров, обычно воспринималось на Севере с недоверием, и только когда кто-то из северян видел эти условия своими глазами и находил взгляды южан обоснованными, эти взгляды принимались. Таким образом, мы наблюдали любопытный факт, когда свидетельства по важнейшим вопросам принимались скорее с учетом секционного статуса свидетеля, чем его возможности получить точные знания.

Южанин может быть высокодуховным и филантропическим джентльменом, чье мнение будут добиваться и чье слово будет принято по любому другому вопросу; он может содержать своих старых рабов в качестве пенсионеров; он может относиться к самым слабым и худшим из них с тем смешанным вниманием и снисходительностью, которые так часто встречаются на Юге; но если он выражает результаты пожизненного знания характера негра, это ничего не значит для многочисленного класса, который считает себя единственным другом негра.

Причиной этого, несомненно, была вера многих северян в то, что южане по своей природе неспособны поступать справедливо с неграми. К счастью для правильного решения вопроса, за исключением той части людей, которые принадлежат к поколению, к которому баптист взывал в пустыне, это состояние ума более или менее проходит, и люди всех слоев пробуждаются к необходимости правильного решения.

В этой дискуссии необходимо помнить об одной вещи: Характеризуя негров в целом, не следует включать в их число респектабельный элемент, за исключением тех случаев, когда это явно подразумевается. На всем Юге есть такой элемент, причем элемент не только респектабельный, но и всеми уважаемый. Сказать, что негры составляют большую часть насильников, не значит утверждать, что все негры - насильники. Сказать, что они невежественны и лишены первого элемента нравственности, не значит утверждать, что все они таковы. Расовый вопрос, однако, в том виде, в каком он существует на Юге, вызван огромным количеством представителей этой расы, и после сорока лет, в течение которых деньги и забота неустанно направлялись на их возвышение, те, кто обладает знаниями и добродетелью, не обладают достаточным количеством и влиянием, чтобы предотвратить рост расового вопроса, а не его уменьшение.

Более века назад де Токвиль заявил, что вынужден признаться, что не считает отмену рабства средством предотвращения борьбы двух рас в южных штатах. Томас Джефферсон придерживался того же мнения и заявлял, что они должны быть разделены. В свете современных условий кажется, что, если условия не изменятся, эти взгляды могут быть подтверждены. Возможно, некоторые считают, что при нынешнем увеличении численности двух рас, независимо от того, будет ли негритянская раса образованной и просвещенной или

нет, самые опасные фазы проблемы все равно будут существовать при простом продолжении существования двух рас вместе.

Именно с надеждой пролить свет на этот великий вопрос и были проведены эти исследования.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. Рабство и старые отношения между белыми и неграми Юга	3
II. Некоторые трудности и ошибки	29
III. Ее нынешнее состояние и перспективы, как показывает статистика	56
IV. Линчевание негров - его причины и предотвращение	86
V. Частичное лишение негров избирательных прав	120
VI. Негр старого времени	163
VII. Расовый вопрос	205
VIII. О решении вопроса	286

НЕГР: ПРОБЛЕМА ЮЖАН

НЕГР: ПРОБЛЕМА ЮЖАН

ГЛАВА I РАБСТВО И СТАРЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЮЖНЫМИ БЕЛЫМИ И ЧЕРНЫМИ

I

Среди главных проблем, которые беспокоят страну на протяжении последнего столетия и грозят доставить еще больше проблем в будущем, есть то, что обычно называют "негритянским вопросом". Для Юга он на протяжении почти сорока лет был главным общественным вопросом, затмевая все остальные и лишая его возможности принимать должное участие в управлении и обеспечении интересов национального правительства. Он поддерживал междоусобные чувства; разжигал партийную рознь; искажал политику партий; препятствовал полному примирению; стоил сотен миллионов денег и сотен, если не тысяч жизней, и всегда готов, подобно призраку Банко, вырваться наружу даже во время пира.

В течение последних нескольких лет казалось, что эта проблема находится в процессе урегулирования, и урегулирования в соответствии с линиями, которые более консервативный элемент белой расы на Юге считал для постоянного блага обеих рас, и мнение, в котором наиболее информированный элемент на Севере, очевидно, соглашался.

Штаты, в которых проживала большая часть наиболее невежественного элемента негритянской расы, в значительной степени устранили этот элемент от участия в политическом управлении, но обеспечили квалификацию для получения избирательного права, которая допускала к участию в нем любой элемент расы, достаточно образованный, чтобы соответствовать тому, что беспристрастному человеку может показаться разумным требованием. [1] В то же время белые облагали себя высокими налогами и делали все возможное, чтобы дать всей расе образование, которое позволило бы им соответствовать этому требованию.

Те белые, кто лучше всех знает расу и придерживается наиболее глубокой концепции, утверждают, что это лишение прав было необходимо, и даже те, кто мудрее негров и придерживается самых высоких идеалов для своего народа, соглашались с этим - по крайней мере, в той мере, в какой признавали, что негры в целом нуждаются в более существенном фундаменте для полноценного гражданства, чем они еще не достигли, и проповедовали и учили настоятельной необходимости того, чтобы раса направила свои основные силы на промышленное строительство.

Юг, действительно, после многих лет борьбы считал, что вопрос, который стоял перед ним и в значительной степени влиял на его политику на протяжении более чем трети века, достаточно решен, чтобы белые снова разделились по великим экономическим вопросам, от которых зависят благосостояние и прогресс народа. Однако внезапно этот вопрос вновь стал актуальным, и тем, кто основывает свое мнение исключительно на публичных публикациях, может показаться, что за последнее поколение ничего не было сделано для его окончательного решения.

Буквально на днях президент передал случайное приглашение на прием самому выдающемуся педагогу цветной расы: тому, кто, возможно, считается на Юге самым мудрым и здравомыслящим цветным человеком в стране и кто, возможно, больше, чем кто-либо другой, сделал для реализации идей, которые южные доброжелатели его расы считают самыми здоровыми и обещающими хорошие результаты. И эффект оказался настолько неожиданным и далеко идущим, что поразил и озадачил всю страну. С другой стороны, этот просветитель, выступая в Бостоне перед представителями своей расы в разумной манере по вопросам, в которых он является высоким авторитетом, был оскорблен элементом, лидерами которого были не невежественные представители его расы, а скорее более просвещенные люди с высшим образованием и редакторы, и в церкви, где он выступал, произошел бунт, в ходе которого использовались красный перец и бритвы, как если бы это была игра в кости в южном негритянском поселении. Беспорядки были подавлены полицией, но, если бы дело происходило в небольшом городке, убийство могло бы быть легко совершено.

Учитывая эти факты, становится очевидным, что дело обстоит сложнее, чем кажется на первый взгляд, и его нужно решать с особой тщательностью.

Одна большая беда заключается в том, что люди на Севере и на Юге по-разному относятся к этой проблеме. Перед нами необычный факт, что две части одной и той же расы, с одинаковыми манерами и обычаями, одинаковыми чертами характера, одинаковой историей и, до недавнего времени, когда расхождения остались в памяти живых людей, одинаковым историческим отношением к негритянской расе, должны рассматривать столь важный вопрос с таких противоположных точек зрения; одна считает, что вопрос касается только юридического равенства рас, а другая страстно убеждена, что это вопрос, который касается самой основы расового доминирования и расовой целостности. Аномалию усугубляет тот факт, что будущее этих двух секций в дальнейшем должно идти вместе; их

интересы все больше и больше отождествляются, и если одна из них права, утверждая, что ее позиция основана на расовом инстинкте, то другая, выступая против нее, борется против позиции, которую она должна в конечном итоге занять. Однако до сих пор их взгляды настолько расходились - более того, они были настолько диаметрально противоположны друг другу, что если одна из них права, то другая должна быть радикально неправа.

Еще одна трудность на пути к здравому решению проблемы - слепой фанатизм доктринера, которым заражено так много достойных людей. Один уважаемый джентльмен из Бостона, имеющий вполне национальную репутацию, заметил некоторое время назад, что необычно, что южане, прожившие всю свою жизнь среди негров, так мало их понимают, в то время как северяне, знающие их так мало, тем не менее понимают их так полно. Он говорил серьезно, и это, без сомнения, было его искренним убеждением. Это было бы достаточно забавно, если бы не имело столь печальных последствий. Это убеждение значительной части населения. Из-за того, что их в время бросали в компании нескольких воспитанных, уважающих себя негров или у них были хорошо обученные цветные слуги, они думают, что знают всю тему лучше, чем те, кто, прожив всю жизнь в контакте с ее самыми насущными проблемами, всеми фибрами своего существа ощутил глубокую значимость ее проявлений. Такой настрой - самое неутешительное предзнаменование, с которым сталкиваются те, кто искренне хочет решить этот вопрос на основе здравых принципов.

При негритянском населении, выросшем за последние сорок лет с четырех с половиной миллионов до девяти миллионов, из которых восемь миллионов проживают на Юге, а четыре с половиной миллиона - в шести южных штатах Атлантического океана и Персидского залива, где в крупных районах их численность превышает численность белых два и три к одному, а в некоторых приходах - десять к одному; [2] при этом население владеет менее чем 4 проц. собственности и составляет от 85 до 93 процентов от общего числа преступников; при этом две расы все больше отдаляются друг от друга, расовые чувства растут, а изнасилования и самосуды распространяются по стране как мор, - настало время, когда все здравомыслящие люди должны постараться, насколько это возможно, развеять предвзятые теории и взглянуть на этот вопрос откровенно и рационально.

Всем, кроме доктринеров и тех, в чьи глаза, испепеленные раскаленными страстями войны и еще более яростными страстями периода Реконструкции, не может попасть ни один луч света, должно казаться, что достижение разумного решения этой проблемы имеет жизненно важное значение. Всем, кто обсуждает ее, следует делать это в максимально беспристрастном и католическом духе. Прошло время для того, чтобы рассматривать этот вопрос либо в духе страсти, либо в духе самоуверенного чванства. Благонамеренные теоретики и те, кого Хоторн назвал "этими стальными машинами дьявольского производства, филантропами", из самых лучших побуждений "путают советы" и вносят путаницу в дело. И после почти сорока лет, в течение которых деньги, мозги, филантропия и неустанные усилия лились щедрым потоком, самое большее, что мы извлекли из этого, - это опыт, который дали сорок лет, и опыт этот печален. Самые информированные, самые дальновидные и здравомыслящие люди Севера с горечью признают, что эксперимент с избирательным правом для негров, проведенный с таким энтузиазмом и поддержанный такой страшной ценой, оказался неудачным, как и предсказывали те, кто знал негров, когда этот эксперимент был предпринят. Только те, кто, имея глаза, не видят, и уши, но не слышат, все еще затыкают свои чувства и, отказываясь внять очевидным доказательствам перед ними, лепечут об устаревших мерах - мерах, которые никогда не имели ни капли экономической правды в своей основе, и, основанные изначально на страсти, принесли только бедствие белым и мало лучшего тем, кого они должны были возвысить.

II

Можно сформулировать два принципа, с которыми, возможно, согласятся все. Во-первых, абсолютно необходимо правильно понимать суть вопроса; во-вторых, единственное правильное решение - это решение, основанное на справедливости и мудрости - справедливости, которая охватывает все заинтересованные стороны.

Важно, чтобы с самого начала мы исходили из правильных представлений. Поэтому, хотя вряд ли стоит затрагивать историческую сторону вопроса, но в ходе дискуссий проявляется так много невежества, что, возможно, изложение нескольких простых исторических фактов прольет свет на эту тему и поможет нам начать правильно действовать.

До недавнего времени рабство существовало как институт почти во всем мире. Христианство, хотя и изменило его статус, признавало его, и вплоть до отмены этого института те, кто защищал его, черпали свои самые сильные аргументы из священных писаний. Благочестивые пуритане отправляли свои корабли курсировать по среднему пути и считали, что оказывают услугу Богу и людям, перевоза заблудших дикарей на службу просвещенному и христианскому народу. Благочестивые и филантропические церковники покупали этих рабов, как могли бы купить любое другое имущество.

Отмена рабства происходила постепенно и была обусловлена скорее экономическими, чем моральными причинами. Когда в 1790 году в северных штатах рабство было отменено более или менее постепенно, это было вызвано главным образом экономическими причинами. В то время во всех северных штатах насчитывалось менее 42 000 рабов, и эта система была невыгодна; в то время как в южных штатах насчитывалось более 700 000 рабов, и казалось, что эта система была выгодна. Но тогда баланс еще не был достигнут.

Хотя в то время респектабельная партия представителей южных штатов выступала за ее отмену, она была сохранена в силу экономических условий. Из этих фактов, которые являются элементарными, нельзя не сделать вывод, что все различия, существовавшие в отношениях между расами в разных частях света, были вызваны скорее экономическими причинами, чем моральными или религиозными чувствами. На самом деле, в колониальный период рабство не имело никакого морального аспекта для большинства людей, оно в целом рассматривалось как благотворное учреждение. Исключение составляли квакеры, секта, которая, познав угнетение, умела сочувствовать угнетенным, и небольшая часть наиболее дальновидных представителей обеих секций. Томас Джефферсон, например, был таким же ярким сторонником эмансипации, как Джеймс Отис, и гораздо более ярким, чем Джон Адамс.

[3]

Когда принцип, что все люди созданы равными, был провозглашен в Декларации независимости, подавляющее большинство тех, кто ее подписал, не думали о том, чтобы включить в эту категорию поработанных африканцев. Поступить так означало бы одурманить себя. И независимо от того, чувствовал ли Томас Джефферсон в глубине души далеко идущие масштабы своего заявления, в то время он не подавал никаких признаков этого.

Негр обсуждался и законодательно закреплялся в качестве домашнего имущества теми самыми людьми, которые издали эту великую хартию. Белые отвоевали эту страну у дикарей и диких народов, и у них не было никаких сомнений в своих правах.

Джефферсон заявил, что включение трех пятых негров в представительство нескольких штатов было вызвано требованием Адамса и некоторых других представителей Севера, что они должны облагаться налогами так же, как и белые, причем каждый раб должен учитываться для этой цели так же, как и каждый белый рабочий. Южане выступили против этой точки зрения, и вопрос был урегулирован компромиссом, согласно которому рабами считались только трое из каждых пяти. [4] Представительство, естественно, последовало.

Однако невозможно было допустить, чтобы дух свободы стал таким всепроникающим и со временем не распространился на всех людей, даже на рабов; но эта идея развивалась медленно, и она была так неразрывно связана с партийными вопросами, что ее трудно было рассматривать по существу. Чтобы показать это, достаточно вспомнить, что в 1832 году Виргиния через свой законодательный орган приблизилась на расстояние одного голоса к отмене рабства в своих границах, а в 1835 году Уильяма Ллойда Гаррисона протащила по улицам Бостона толпа - возмущение, которое, по его словам, было спланировано и осуществлено не сбродом или рабочими, а "имущественными и состоятельными джентльменами со всех концов города". [5]

Законы о беглых рабах нашли свои первые примеры в колониальных договорах Массачусетса; однако со временем законы о беглых рабах и попытки применить их вопреки настроениям общин, где рабство ушло в прошлое, сыграли свою роль в формировании настроений первенства негритянской расы.

Затем появилась "Хижина дяди Тома", которая стала тем гвоздем, который в руках женщины пригвоздил Сисера к земле. Она представляла только одну сторону вопроса и сделала больше, чем любая другая вещь, которая когда-либо происходила, чтобы ускорить войну. Он пробудил и кристаллизовал чувства против Юга во всем мире. Впервые мир увидел вообразимые ужасы рабства, представленные в манере, одинаково привлекательной для стариков и молодых, ученых и невежд, высокородных и низких. Это очернило славу южан в глазах Севера и закрепило в сознании северян представление не только об институте рабства, но и о южанах, которое сохранялось на протяжении более чем одного поколения и начало развеиваться лишь в последнее время, в свете более полных знаний". [6]

III

Мистер Линкольн был настолько широко объявлен эмансипатором негритянской расы, что, вероятно, факты во всей их значимости никогда не будут восприняты в целом. Отмена рабства, несомненно, была его желанием; но сохранение Союза было его страстью. И что бы ни чувствовал мистер Линкольн по поводу эмансипации, он был слишком хорошим юристом и слишком здравым государственным деятелем, чтобы действовать с необдуманной поспешностью, которую ему обычно приписывают. Скорее то, что он мог сделать, чем то, что он сделал на самом деле, встревожило Юг и привело к отделению. А угроза разрушения Союза вскоре потребовала всех его сил и заставила отодвинуть на задний план даже вопрос об освобождении рабов". [7]

22 декабря 1860 года, после того как Южная Каролина отделилась, он заявил, что при республиканской администрации Юг будет подвергаться не большей опасности вмешательства в дела рабства, чем во времена Вашингтона. В своей инаугурационной речи он заявил: "У меня больше нет цели, прямо или косвенно, вмешиваться в институт рабства в тех штатах, где он сейчас существует. Я считаю, что у меня нет на это права, и у меня нет к этому склонности". Эту декларацию он уже делал ранее. Более того, он прямо заявил, что выступает за исполнение закона о беглых рабах.

В июле 1861 года Конгресс принял резолюцию, которую подписал Линкольн, заявив, что война ведется не для "свержения или вмешательства в права или установленные институты" южных штатов, "а для защиты и поддержания верховенства Конституции и сохранения Союза со всеми достоинствами, равенством и правами нескольких штатов без ущерба" и т. д. Уже в марте 1862 года он заявляет: "По моему мнению, постепенная, а не внезапная эмансипация будет лучше для всех". Специальное послание Конгрессу по этому вопросу Таддеус Стивенс назвал "самым разбавленным молочного-водяной кашей предложением, которое когда-либо делалось американскому народу". Война продолжалась более года, прежде чем был принят законопроект, согласно которому все "рабы упорных мятежников, обнаруженные в любом месте, занятом войсками Союза или под их командованием, не должны быть возвращены своим хозяевам (как это делалось до сих пор по закону), и они могут быть призваны на службу в ряды Союза". Прокламация об эмансипации г-на Линкольна от 1 января 1863 года на своей лицевой стороне утверждает, что она была издана по "военной необходимости".

На самом деле эта прокламация вовсе не эмансипировала, поскольку распространялась только на тех рабов, которые содержались в тех штатах и "частях штатов", которые в то время "восставали", и в виде прямого исключения не распространялась на негров на территории, находящейся под контролем федерального правительства.

Известно, что в некоторых случаях владельцы, находившиеся вблизи федеральных границ, отправляли своих слуг на территорию, занятую федеральными войсками, чтобы обойти прокламацию.

Рассказывают историю об офицере под командованием генерала Батлера на реке Джеймс, который, получив на руки негритянского ребенка, оставленного матерью-беженкой, вернувшейся в свой дом, отправил ребенка обратно к ней. Кто-то донес, что он отправляет беженцев-негров обратно, и это дело было расследовано. Его защита заключалась в том, что он отправил ребенка в единственное место, где он был свободен, а именно: в район, занятый повстанцами.

Тем временем южане много размышляли и обсуждали этот вопрос. Преданность негров произвела на них глубокое впечатление, и они начали понимать, что чувствуют европейские страны, когда речь заходит о рабстве. [8]

Тринадцатая поправка (отменяющая рабство) не прошла весной 1864 года и была принята только 31 января 1865 года, когда за нее проголосовали все республиканцы и тринадцать демократов. Однако рабство было отменено в результате окончательного завоевания Юга и вынужденного молчаливого согласия южан, которые признали, что распад Конфедерации привел к тому, чего не смогли добиться законодательные акты. Возвращавшиеся солдаты привозили своих слуг-телохранителей домой и по прибытии сообщали им, что они свободны; в некоторых случаях они отдавали им лошадей, на которых ездили, или делили с ними все

деньги, которые у них были. [9] По всему Югу хозяева сообщали неграм, что они свободны, в некоторых случаях они получали обычные документы о прохождении манумиссии.

IV

Ни одна раса не вела себя лучше, чем негры во время войны. Не только не было резни и вспышек насилия, но даже количество дезертиров было невелико. Хотя число вступивших в армию северян было значительным, [10] оно не было таким большим, как можно было бы ожидать, если принять во внимание все факты. Приличное количество пришло с Севера, в то время как большинство других пришли из тех районов Юга, которые уже были захвачены армиями Союза, и где применялись смешанные методы убеждения и принуждения. [11] Конечно, никто не может винить их за то, что они поддались на аргументы. Их дома были более или менее разрушены, организация и дисциплина ослаблены, а сами средства существования стали нестабильными; с другой стороны, им предлагались щедроты и блестящие награды, которые привлекли в армию сотни тысяч представителей других национальностей. Писатель считает, что число беженцев, покинувших родину в первую очередь для того, чтобы добровольно сражаться за свободу, невелико; лично он не знал ни одного. Как бы ни было велико это число, число тех, кто мог бы уйти, но бросил свой жребий вместе со своими хозяевами и никогда не мечтал поступить иначе, было гораздо больше. Многие хозяева, уходя на войну, поручали свою жену и детей заботам слуг с такой же уверенностью, как если бы они были его собственной крови. Они вели себя скорее как сородичи, чем как кабальеры. Они не только хранили верность, но и почти всегда были верны любому оказанному им доверию. Они были верными хранителями домов и семей своих хозяев, доверенными агентами и проникательными советчиками своих госпож. Они собирали урожай, который кормил армии Конфедерации, и безропотно терпели лишения, которые в равной степени выпадали на долю белых и черных в связи с военными действиями. При приближении врага доверенные домашние слуги прятали семейное серебро и ценности, охраняли лошадей и другое имущество и противостояли соблазну дезертировать или предать. Разумеется, все упиралось в предположения, но писатель считает, что если бы неграм разрешили воевать за Юг, то большее число из них добровольно последовали бы за своими хозяевами, чем когда-либо добровольно служили Союзу. Многие из них отправились на поле боя вместе со своими хозяевами, где часто проявляли не только мужество, но и героизм, и, несмотря на все искушения, преданно служили им до конца. Как однажды сказал Генри Грейди: "Тысяча факелов распустила бы армию южан, но не было ни одного". [12]

Выводы, которые делаются из этого, как правило, полностью в пользу цветной расы. Однако это скорее дань уважения обеим расам. Если бы рабство на Юге было таким страшным институтом, каким его обычно изображают, с рабовладельцем и ищейкой на переднем плане, то вряд ли можно поверить, что неспособность негров воспользоваться возможностями свободы, которые им так часто предлагали, была бы такой общей, а преданность своим хозяевам - такой преданной.

Еще одна причина обычно упускается из виду. Инстинкт командования белой расы - по крайней мере, той ее части, к которой принадлежат белые жители этой страны, - удивительная вещь: безмятежная уверенность в себе, не считающаяся ни с какой оппозицией, но стремящаяся занять самое высокое место, впечатляет. Она создала расу в прошлом; она сохранила ее в наше время. Негры знали о мужестве и постоянстве своих

хозяев. На протяжении многих поколений они имели множество доказательств этого, и теперь их хозяева были вооружены.

Неспособность подневольного населения восстать против своих хозяев во время войны - явление не новое. История дает множество иллюстраций. Плутарх рассказывает, как осаждающие некий город предложили рабам не только свободу, но и обещание отдать им имущество и жен их хозяев, если они покинут их. Однако это предложение было с презрением отвергнуто. Во время революции свободу на тех же условиях предлагали британцы рабам в Вирджинии и Каролинах, но это не принесло особых результатов, разве что раззадорило хозяев на более жестокое сопротивление. [13] Такой же результат был и во время Гражданской войны.

V

Военные действия, возможно, сблизили расы больше, чем когда-либо прежде. В прошлом между неграми и простыми белыми существовало некоторое враждебное чувство, вызванное, главным образом, известным высокомерием рабского населения по отношению к бедному, свободному, рабочему населению. Во время войны эти чувства были в значительной степени развеяны, с одной стороны, благодаря героизму, проявленному бедными белыми, а с другой - благодаря доброте, проявленной неграми к своим семьям, пока мужчины находились в армии. Когда война закончилась, дружба между расами никогда не была так сильна, а отношения никогда не были так тесно сплетены. Верность негров на протяжении всей войны была полностью оценена и вызвала более теплую привязанность со стороны хозяев и хозяек, а забота и самоотречение белых были в равной степени признаны неграми. Эти отношения не прекратились и после эмансипации негров. Возвращение хозяев с радостью приветствовалось в кварталах, как и в особняке. Когда измученный и удрученный ветеран преодолевал последнюю милю по возвращении из Аппоматтокса, его затуманенный взор часто встречал группу негров, которые ждали его у ворот плантации, и их приветственные крики впервые звучали в его ушах.

Произошел необычный факт, который до сих пор не получил широкого понимания. Радость, с которой рабы приветствовали освобождение, не ослабила узы привязанности между ними и их бывшими хозяевами и хозяйками. Разумеется, в стране *царили ex necessitate rei*, дезорганизация и непонимание. Белые, побежденные и сломленные, но не сломленные и не сломленные, были несказанно огорчены; негры, внезапно освобожденные и оказавшиеся в неизвестном положении, естественно, находились в состоянии возбуждения. Но переход прошел без вспышек и возмущений, и, насколько можно судить по опыту и информации писателя, с обеих сторон было мало случаев наглости, грубости или плохого поведения, связанных с разрывом старых отношений. Это было отложено на более позднее время, когда в сознание негра был внедрен новый яд и он начал действовать. Такие беспорядки случались в связи с прохождением через страну расформированных войск, возвращавшихся домой без средств к существованию, но даже они были единичными и временными.

В течение многих лет после войны пожилые негры, мужчины и женщины, оставались верными опекунами белых женщин и детей из семей своих хозяев. [14]

Можно назвать одну из причин доброжелательности, сохранявшейся во время этого кризиса и способствовавшей сохранению добрых отношений с тех пор: среди рабовладельческого класса не было ни одного ребенка, которого не качала бы на руках цветная мамочка и чья первая прогулка не проходила бы с негром во главе лошади; ни одного ребенка, чьими

ближайшими товарищами по играм в юности не были бы молодые негры с плантации. Все поколение, выросшее во время и сразу после войны, росло вместе с молодыми неграми и сохранило к ним те чувства и симпатию, которые испытывали к ним их отцы до . Это чувство трудно объяснить тем, кто его не знал. Тем же, кому оно знакомо, объяснения не нужны. Возможно, оно в какой-то степени напоминает феодальный инстинкт, а возможно, и клановый. Это не просто привязанность, ведь она может существовать там, где привязанность исчезла, и даже там, где ее объект вызывает личную неприязнь. Что бы это ни было, оно существует повсеместно у тех, кто вышел из рабовладельческого класса на Юге, кто в юности знал негров, принадлежавших к их семье, и, независимо от провокации, они не могут избавиться от него больше, чем от любого другого принципа в своей жизни.

ССЫЛКИ:

[1] См. главу "Лишение негров избирательных прав".

[2] Негритянское население в 1860 году составляло в рабовладельческих штатах 4 215 614 человек, в других штатах - 226 216 человек, итого 4 441 830 человек. В 1900 году негритянское население южных штатов и округа Колумбия составляло 8 081 270 человек.

[3] По данным переписи 1781 года, в Виргинии насчитывалось 12 866 свободных негров.

[4] См. "Жизнь Джефферсона" Рэндольфа, том I, стр. 22-24.

[5] "Жизнь Уильяма Ллойда Гаррисона", том II, с. 35, и Liberator, No. 5, p. 197.

[6] Иллюстрацию этого можно найти в статье Т. В. Дуайта о деле Дреда Скотта в "Универсальной энциклопедии Джонсона", где он ссылается на тот факт, что в деле Дреда Скотта мнение Верховного судьи Тейни, в котором исторически рассматривается отношение народа к африканской расе на момент принятия Конституции, обычно принимается за его собственное мнение. Даже покойный старший сенатор от Массачусетса, как недавно сообщалось, процитировал это мнение главного судьи Тейни. Но см. "Жизнь верховного судьи Тейни" Тайлера.

[7] Старая газета Хораса Грили, "Нью-Йорк Трибьюн", недавно, комментируя заявление преемника Генри Уорда Бичера, сочла необходимым заявить, что война была предпринята в первую очередь для спасения Союза, а не для эмансипации рабов. Но самым убедительным свидетельством является письмо Линкольна к Горацию Грили от 22 августа 1862 года. Главной целью Линкольна, как он смело заявлял в письме Горацию Грили от 22 августа 1862 года, было "спасти Союз, а не сохранить или уничтожить рабство" -Cong. Globe, 2nd Session, 37th Congress, Pt. II, p. 1154.

[8] Генерал Р. Э. Ли эмансипировал своих слуг в течение восьми дней после выхода прокламации. 8 января 1863 года он написал из своего лагеря, что оформил и вернул своему адвокату подготовленный им акт об освобождении. Он обнаружил пропуск некоторых имен и вставил их. И добавил, что если были пропущены другие имена, то он желает, чтобы был составлен дополнительный акт, содержащий все, что было пропущено. "Все они имеют право на свободу, - пишет он, - и я хочу дать им ее. Те, кого унесли, надеюсь, свободны и счастливы. Я не могу передать им их документы, да они их и не требуют. Я отдам их, если они потребуют". См. "Жизнь генерала Р. Э. Ли", автор Фицхью Ли.

Генерал Генри А. Уайз, один из самых ультрадемократических лидеров Юга, утверждает, что, если бы Юг преуспел в своей борьбе, он намеревался освободить своих рабов и агитировать

Виргинию за отмену рабства. См. доклад Объединенной комиссии по реконструкции, 1-я сессия, 39-й Конгресс, с. 70.

[9] Писатель живо вспоминает один из таких случаев, когда его отец вернулся из Аппоматтокса: "Ральф, - сказал он, выходя из дома, - ты свободен. Ты был хорошим слугой. Выводи лошадей". Ральф жив до сих пор.

[10] Общее число цветных солдат, зачисленных в армию во время войны, составило 186 097 человек - "Статистические отчеты армий Соединенных Штатов" Фредерика Фистерера, бывшего капитана армии США.

[11] Растут настроения в пользу призыва негров на борьбу с Конфедерацией, и было набрано несколько полков. Один из них был зачислен в Новом Орлеане, два - в Вирджинии.

[12] Писатель никогда не слышал, чтобы телохранители дезертировали, и ему известно множество случаев, когда у них было достаточно возможностей. В некоторых случаях они исчезали на несколько дней, а затем появлялись вновь, нагруженные добычей, которую они получили от врага. Телохранитель отца писателя, наказанный за неисполнение обязанностей перед Петербургом в 1865 году, сбежал, но, хотя он мог легко перебраться через линию фронта в трех милях, он прошел шестьдесят миль и вернулся домой.

[13] Trevellyan's "History of the American Revolution", Part 2, Vol. I.

[14] Во время беспорядков после войны пожилые негры в доме писателя были вооружены и стояли на страже созревшего урожая.

ГЛАВА II НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Таковы были отношения между белыми и черными на Юге, когда наступила эмансипация. Теперь остается показать, какие изменения произошли с тех пор, как они произошли и какие ошибки были допущены в решении расового вопроса, которые до сих пор влияют на обе расы.

Разногласия, возникшие между двумя расами, либо были посеяны после эмансипации негров, либо заложены в новых условиях, которые возникли.

Когда война закончилась, и эмансипация негров стала установленным фактом, первой насущной необходимостью на Юге стало обеспечение средств к существованию; ведь в тех районах, где находились армии, страна была вычищена, и во всех частях вся система труда была дезорганизована. Внутреннее управление всего Юга, от генерального правительства Конфедеративных Штатов до внутреннего устройства простейшего домашнего хозяйства рабовладельческого класса, развалилось на куски.

В большинстве случаев - более того, во всех, о которых известно писателю, - старые хозяева сообщали своим слугам, что их дома по-прежнему открыты для них и что, если они готовы остаться и работать, они сделают все возможное, чтобы помочь им. Но оставаться в первый лучезарный праздник свободы было, пожалуй, выше человеческих сил, и большинство негров на время ушли, хотя позже многие из них вернулись. [Через некоторое время страна была заполнена оккупационной армией, и негры, движимые отчасти любопытством, отчасти

странностью ситуации и, возможно, главным образом соблазном пайков, которые правительство немедленно начало раздавать, неестественно стекались на посты местных гарнизонов, оставляя поля необработанными, а урожай - уничтоженным.

С этого времени начались перемены в неграх и в старых отношениях между ними и белыми; перемены, поначалу не очень значительные, и они никогда не становились значительными, пока над неграми не поработал невежественный или расчетливый класс, который в том или ином обличье стал их учителем и руководителем. В некоторых местах действия военных командиров уже заложили почву для серьезных недоразумений такими приказами, как те, что были изданы в Южной Каролине для передачи неграм во владение земель, которые с некоторой иронией были названы "заброшенными". Широко распространилась идея о том, что правительство собирается разделить земли белых между неграми. Вскоре по всему Югу распространилось мнение, что каждый негр должен получить "сорок акров и мула"; это убеждение, несомненно, поддерживалось некоторыми американскими чиновниками. Но, в основном, военные командиры действовали мудро и с похвальной широтой взглядов, а прорыв был совершен гражданскими лицами.

С самого начала поведение Севера в отношении негров основывалось на следующих принципах: Во-первых, что все люди равны (что бы это ни значило), и негр равен белому; во-вторых, что он нуждается в поддержке правительства; в-третьих, что интересы негра и белого обязательно противоположны, и негр нуждается в защите от белого.

Юг всегда утверждал, что это фундаментальные ошибки.

Писателю представляется, что позиция Юга по этим вопросам обоснована; что, как бы ни казались представители одной расы равными представителям другой расы, сами расы по сути своей неравны.

Главная проблема, возникшая между двумя расами на Юге после войны, была вызвана незнанием Севером реальных условий на Юге, а также незнанием Югом нравов и силы Севера. Север верил, что негр был или может быть сделан фактически равным белому, а Юг не только отвергал эту догму, но и не принимал эмансипацию искренне, и делал все возможное, чтобы свести на нет уже проделанную работу и держать негров в квазирабочем положении. Юг считал, что негр не равен белому, и, кроме того, полагал, что, внезапно освободившись из рабства, он должен, чтобы не стать обузой и угрозой, контролироваться и принуждаться к труду.

На самом деле, как незнание друг друга привело к возникновению условий, породивших войну между секциями, так оно привело и к большинству проблем после войны.

Основная трудность на пути к правильному решению негритянской проблемы заключается, как уже говорилось, в том, что две части американского народа до сих пор смотрели на нее со столь разных точек зрения.

Север, в настоящее время далекий и хорошо защищенный от каких-либо серьезных практических последствий и даже от временного дискомфорта от политики и условий, которые он отстаивал, действуя на основе теории, наполненный духом традиционной опеки над неграми и рассуждая на основе ограниченных примеров прогресса и добродетели, всегда настаивал на одном принципе и одной политике, основанной на концепции абсолютного равенства двух рас. Юг, находящийся в непосредственном контакте с практической работой на каждом этапе этого вопроса, затронутый в своей повседневной

жизни всеми формами и изменениями, которые этот вопрос принимает, решительно утверждает, что концепция, на которой основывается эта политика, в корне ошибочна, и что эта политика разрушит не только белую расу Юга, но даже цивилизацию, которую эта раса помогла установить, и за которую она выступает, и так, со временем, неизбежно приведет к деградации и разрушению самой нации.

Таким образом, Юг считает, что этот вопрос гораздо более далеко идущий, чем полагает Север; что, по сути, он затрагивает саму основу сохранения расы. И это утверждение, отнюдь не являющееся простым политическим догматом, воспринимается всем белым населением Юга как самая страстная догма белой расы.

Эта путаница в определениях в прошлом привела к неисчислимым бедам, и нельзя слишком часто повторять, что крайне важно установить истину, какой бы она ни была. Когда это будет сделано, и сделано настолько ясно, что обе стороны примут это, главная трудность на пути к полному взаимопониманию между секциями будет устранена. До тех пор, пока обе части разделяются по этому вопросу, он никогда не будет решен. Как только они объединятся в едином мнении, он встанет на единственную прочную основу - на неопровержимую экономическую истину.

К этому невежеству и противоположности взглядов двух секций, к несчастью, с самого начала добавились непонимание и страсти, порожденные войной, которые не позволили разуму играть сколько-нибудь значительную роль в работе, которая должна была повлиять на все будущее нации. С твердой мыслью о том, что в отношениях с бывшими хозяевами негров не может быть никакой справедливости, все вопросы, связанные с неграми, правительство поручило организации, которая недавно была создана именно для этой цели под названием Бюро освобожденных. Это был вопрос, который требовал самых широких знаний и самой широкой мудрости, и, к несчастью, и знания, и мудрость, похоже, были решительно изгнаны при рассмотрении этого вопроса.

В основе создания Бюро вольноотпущенников лежало предположение, что интересы черных и белых обязательно противостоят друг другу и что черные во всех случаях нуждаются в защите от белых. Преобладало глубочайшее незнание материала, на котором должна была работать организация, а персонал организации был настолько непригоден для работы, насколько это вообще возможно. К небольшому числу здравомыслящих людей примешивался значительный элемент энтузиастов, которые считали себя призванными быть восстановителями рабов и бичом их бывших хозяев, а вместе с ними - большой элемент безрассудных авантюристов, которые, признавая поле для реализации своих особых талантов, шли в дело ради того, что могли на нем заработать. Были приняты меры, которые сами по себе могли бы быть достаточно разумными, если бы ими управляли с практической мудростью. Но мудрости в управлении не было. Те, кто советовал проявлять умеренность и советоваться с белыми, были отброшены в сторону. Воспитанные на идее рабства, изложенной в "Хижине дяди Тома", и разгоряченные страстями, вызванными войной, энтузиасты искренне верили, что они правы, всегда становясь на сторону обездоленного негра; в то время как авантюристы, безошибочно оценивая чувства на Севере, деловито принимались за дело, чтобы разжечь междоусобную рознь и собрать с обильной жатвы все, что можно. И из этих двух вариантов один принес не меньше вреда, чем другой.

Ни одно заявление белого южанина, каким бы чистым в жизни, возвышенным в морали, принципиальным он ни был, не принималось. Его опыт, его положение, его характер ничего не значили. Предполагалось, что он настолько расчетлив или настолько предвзят, что его советы не имеют никакой ценности.

Это та фаза дела, которая еще не полностью исчезла, и даже сейчас в значительной части страны мы наблюдаем необычное зрелище, когда доказательства взвешиваются скорее по географическому положению человека, чем по его характеру и возможностям получения знаний.

Это самодовольное невежество является одним из факторов, препятствующих полному пониманию проблемы и способствующих увековечиванию ошибок, которые так дорого обошлись в прошлом и, если их не исправить, могут оказаться еще более дорогостоящими в будущем.

Поведение Бюро свободных людей ввело негров в заблуждение и стало причиной первого разрыва между ними и их бывшими хозяевами. Невежество и бесцеремонность характеризовали почти все действия того несчастного времени. Почти все ошибки, которые можно было допустить, были сделаны с обеих сторон. Меры, задуманные с самыми лучшими намерениями, проводились так, что приводили к крушению этих намерений.

После эмансипации рабов более просвещенные белые Юга так же ясно, как и любой человек на Севере, увидели необходимость какой-то замены прежнего руководства и обучения негров, и во многих местах старые хозяева открыли школы для цветных детей. [16]

С Севера приехали учителя и деньги для обучения негров, и было открыто множество школ. Но поначалу учителя, как бы преданны они ни были, своей неразумностью оттолкнули от себя добрую волю белых и расстроили многое из того, что могли бы сделать. В любом случае к ним можно было отнестись с недоверием, ведь ни один народ не смотрит с благосклонностью на миссионеров, которые приходят наставлять его в вопросах, в которых, по их мнению, они знают гораздо больше, чем миссионеры, а на Юге ревниво относятся к любому учению негров, направленному на достижение равенства. Новые миссионеры шли вразрез с самыми глубокими предрассудками южан. Они жили с неграми, общались с ними, появлялись вместе с ними на условиях кажущейся близости, и считалось, что они учат социальному равенству - учению, которое тогда, как и сейчас, было самым верным, чтобы вызвать вражду. В результате на некоторое время возникла враждебность к системе государственных школ. В некоторых районах грубые элементы прибегали к насилию, хотя оно было непродолжительным и всегда ограничивалось небольшой территорией. [17] Однако вскоре эта форма противодействия исчезла, и система государственных школ стала общепризнанным фактом.

Следующим шагом в отчуждении рас стало создание тайного ордена Лиги Союза. Собрания проводились по ночам, при закрытых дверях, с пикетами, охранявшими подходы, и, как правило, под руководством наиболее враждебно настроенных членов Бюро по делам вольноотпущенников. Белые относились к этому движению с серьезными опасениями, что и следовало ожидать, поскольку, имея в качестве основного принципа консолидацию негритянской расы против белой, оно объединило негров в организацию, которая, за исключением армии Конфедерации, была самой полной из всех, когда-либо существовавших на Юге, и плоды которой сохранились до наших дней. Не вдаваясь в подробности обвинений в том, что Лига преподавала самые подстрекательские доктрины, можно утверждать, не боясь сомнений, что ее учение было направлено на отчуждение негров от белых, на то, чтобы полностью лишить их надежды на своих прежних хозяев и вбить в их сознание настоятельную необходимость следовать за своими новыми лидерами и теми, кого эти лидеры представляли.

Затем появился самый страшный враг, который когда-либо был у обеих рас: политик постбеллумского периода. Проблема и так была достаточно сложной, когда в нее вмешалась

политика. Генерал Ли мог бы сказать с мудрым знанием людей: "Настоящая война только началась".

Не успели южные армии сложить оружие, а великие армии Севера, спасшие Союз, распуститься, как стервятники, поджидавшие в безопасном отдалении, собрались на пир. Поступок безумца устранил самого мудрого, самого католического, самого консервативного и самого способного лидера, чьи последние мыслями было "восстановление Союза" путем восстановления правительства южных штатов на конституционных началах; и политики прекрасно использовали эту несчастную трагедию в своих целях. Те, кто был самым трусливым в войне, стали самыми храбрыми в мире, когда наступил мир. Еще во времена Линкольна радикальные лидеры в Конгрессе вели упорную борьбу за реализацию своих взглядов, и их враждебность к его плану умиротворения и реконструкции выражалась едва ли не с меньшей злопамятностью, чем впоследствии по отношению к его преемнику.

[18]

Южане, к несчастью, действовали именно так, как хотел этот элемент; они были раздражены, неуспокоены и разгневаны. Они встретили осуждение с пренебрежением.

Зная настоящую необходимость того времени так, как не мог знать ни один северянин; опасаясь последствий освобождения нескольких миллионов рабов и не зная глубоких чувств северян, южане поспешно приняли законы, регулирующие труд, которые, безусловно, были неразумными с учетом последствий, которые последовали, и, возможно, в случае их применения, могли оказаться угнетающими, хотя они никогда не были опробованы. Большинство этих законов были просто повторением старых законов о бродягах, а некоторые из них до сих пор действуют; но теперь они были приняты специально для того, чтобы контролировать негров; они демонстрировали враждебность основной массы белых, вызывали глубокое чувство недоверия и недовольства среди северян. И, наконец, они сыграли на руку политикам, которые искали любой предлог, чтобы укрепить свою хватку на Юге.

В это время обострилась борьба между президентом и его оппонентами в Вашингтоне, на кону стояли президентство и контроль над правительством, а баланс сил был на Юге; и, к несчастью, негры показали политикам элемент, который можно было использовать в своих интересах, сделав "постоянными союзниками" того, что мистер Стивенс, мистер Уэйд и мистер Самнер называли "партией Союза".

Таким образом, негр представлялся политикам полезным инструментом, а доктринерам - "человеком и братом", равным своему бывшему хозяину, и, если он будет "вооружен оружием" избирательного права, сможет защитить себя и неизбежно поднимется до уровня белого человека.

Значительная часть жителей Севера, несомненно, была вдохновлена миссионерским духом, под которым скрывались высокие мотивы. Но миссионерский дух, не опирающийся на знание реальных условий, - опасный проводник. И эта опасность никогда не была продемонстрирована лучше, чем в этой революции. Несомненно, некоторые из политиков отчасти были вдохновлены той же идеей; но у основной массы была лишь одна правящая страсть - добиться власти и умерить пыл южных белых. [19]

Затем произошла ошибка, ставшая венцом: практическое воплощение теорий путем включения в политическое тело целой расы, только что вышедшей из рабства. Самый

интеллигентный и консервативный класс белых был лишен избирательных прав; все взрослое негритянское население получило избирательные права.

Бесполезно обсуждать мотивы, по которым это было сделано. Независимо от мотивов, это была национальная ошибка; по своему значению она не уступала сецессии.

Нередко предполагается, что инициатором этой идеи был мистер Линкольн. Неосведомленные люди часто придают его имени вес. Однако мистер Линкольн был слишком уравновешенным и дальновидным государственным деятелем, чтобы совершить такую большую глупость. Дальше всего он зашел в своем письме губернатору Луизианы Хану, в котором "предложил" провести эксперимент по передаче избирательных бюллетеней "некоторым цветным, например... очень умным", в качестве награды тем, кто сражался за Союз. [20]

На самом деле в течение года или двух после войны никто из власть имущих не мечтал о том, чтобы сразу же предоставить негритянской расе избирательное право. Это произошло после того, как южане отказались терпеть идею предоставления избирательного права кому-либо из них, и после того, как страсти накалились. [21]

Восемь лет Реконструкции, возможно, обошлись Югу дороже, чем четыре года войны. Если выразить это в цифрах, то можно сказать, что по истечении восьми лет негритянского господства под руководством вождей с коврами мешками государственная задолженность южных штатов увеличилась примерно в четыре раза, в то время как стоимость имущества во всех штатах сократилась, а в тех штатах, которые находились под властью негров, упала менее чем наполовину по сравнению с тем, что было на момент вступления Юга в этот период. В Луизиане, например, стоимость негритянского правления за четыре года и пять месяцев составила 106 020 337 долларов, помимо привилегий и франшиз, отданных тем, кто "тянет", и украденных государственных франшиз. За эти восемь лет богатство Нового Орлеана сократилось со 146 718 790 до 88 613 930 долларов, а стоимость недвижимости в сельских округах - с 99 266 083 до 47 141 699 долларов. [22]

В Южной Каролине и Миссисипи, двух других штатах, которые полностью находились под властью негров, ситуация была, если не хуже, чем в Луизиане, в то время как в других южных штатах она была не такой плохой, хотя и достаточно плохой.

Но приведенные статистические данные не дают представления о том, что пережили жители Юга, пока их государственные органы власти контролировались неграми.

Говорят, что один дикий южный политик однажды неосторожно похвастался, что объявит перекличку своих рабов у подножия монумента на Банкер-Хилле. Если предание правдиво, то это была дерзость, которая, естественно, глубоко оскорбила чувства жителей гордого Содружества Массачусетс. Но это была всего лишь газонада. Если бы ему удалось осуществить свою угрозу, а затем он посадил своих негров в здание штата Массачусетс и, пародируя закон, заполнил законодательные залы ворами и приступил к лишению гражданских прав лучших и гордых людей Содружества; тогда он, поддерживаемый штыками, в течение восьми лет грубо ездил по ним; снизил стоимость их собственности вдвое; в четыре раза увеличил их налоги; распродал более двадцати процентов земельной собственности штата, назначили более двухсот негров-судей, которые не умели ни читать, ни писать, посадили негра на скамью высшего суда и провели по штату около 80 000 негров-ополченцев, вооруженных украденными у штата деньгами, чтобы оскорблять и угрожать людям, а весь Юг спокойно наблюдал за этим и заявлял, что такое обращение справедливо;

тогда можно было бы провести частичную, но не полную параллель с тем, что пережили некоторые штаты Юга во времена правления негров.

Неудивительно, что губернатор Чемберлен, республиканец и ковровый баггер, каким бы он ни был, должен был заявить в письме к Обществу Новой Англии следующее: "Цивилизация пуритан и кавалеров, круглоголовых и гугенотов находится под угрозой". [23]

Юг не считает, что негритянская раса несет главную ответственность за эту пародию на правительство. Мало кто из здравомыслящих людей сейчас обвиняет негров в чем-то большем, чем невежество и непобедимая способность к работе над собой. Но последствия были не менее катастрофическими.

Ущерб, нанесенный белым, был не единственным ущербом, причиненным системой реконструкции. Для негров, объектов ее щедрот, она была не меньшим бедствием.

Какими бы высокими ни были мотивы, нельзя было совершить большую ошибку; ничто не могло быть более губительным для будущего негра, чем то учение, которое он таким образом получил. Его учили, что белый человек - его враг, в то время как его должны были научить укреплять дружбу с ним. Ему сказали, что он равен белому, хотя он ему не равен; ему дали понять, что он подопечный нации, хотя его следовало бы обучить самостоятельности; его заставили поверить, что правительство будет содержать его, когда он не мог содержать себя сам. В законодательстве его учили воровству; в политике его учили не думать самостоятельно, а рабски следовать за своими лидерами (и такими лидерами!); в личной жизни его учили наглости. Рабочий, зависящий от своего труда, он не мог испытать большего несчастья, чем отчуждение от белых южан. Внушить ему убеждение, что белый южанин - его враг, что его интересы обязательно противоположны интересам белого и что он должен всеми силами мешать белому человеку, значило лишить его лучшего друга и настроить против него самого сильного врага.

Учения, которые заставили негра почувствовать, что он "подопечный нации"; что он - особый народ, который нация взяла под свое крыло и будет поддерживать и опекать; и что он может, по ее решению, стать равным белым, и будет, по ее сильной руке, поддерживаться как таковой, могут, вероятно, проследить большинство несчастий негритянской расы, и, более того, всего Юга, после войны. Негр увидел, что эксперимент опробован; он увидел, как его бывший хозяин, который был для него образцом всего сильного, гордого, храброго и властного, был низложен и удержан правительством Соединенных Штатов, в то время как он сам был поставлен и объявлен равным себе. Он быстро учится, и в этот период, когда его поддерживало правительство, он был настолько наглым, насколько осмеливался. Единственным сдерживающим фактором для него было скрытое признание доминирующей силы южан.

Южан спасало лишь то, что они знали: не негры, а федеральное правительство держит их в подчинении.

В тот день, когда штыки были убраны с Юга, негритянская власть, которая всего за день до этого была такой высокомерной и наглой, как никогда за все время своего недолгого правления, рассыпалась на куски.

Не менее удивительно, что белые жители Юга после всего, что им пришлось пережить в период реконструкции, сохранили добрые чувства к неграм и не только сохранили, но и укрепили свою лояльность Союзу. По мнению писателя, это одна из самых высоких похвал

белым жителям Юга, что их патриотизм остался таким сильным после всего, что они пережили.

Объясняется это тем, что враждебность южан была направлена не столько против Соединенных Штатов или их правительства, в формирование которого они внесли столь большой вклад и которым так гордились, сколько против того элемента среди жителей Севера, который всегда выступал против них, особенно там, где речь шла о рабстве. Отделяясь, южане действовали в соответствии с доктриной, провозглашенной таким выдающимся северянином, как Джон Куинси Адамс, в 1839 году, когда он заявил, что для штатов было бы лучше "расстаться в дружбе друг с другом, чем держаться вместе с помощью принуждения," и с нетерпением ожидать, "чтобы снова сформировать более совершенную дружбу, расторгнув то, что не может связать, и оставить разделенные части воссоединяться по закону политического тяготения к центру", [24] а теперь, когда рабство и сецессия были окончательно решены, они естественно и неизбежно тяготели обратно к старому чувству к Союзу.

Не менее примечательно, что, несмотря на все унижения, которые им пришлось пережить в период господства негров, они все же сохранили чувство доброты к этой расе. Факт, однако, заключается в том, что они не обвиняли расу в целом в преступлениях, совершенных ею в этот период. Как бы они ни возмущались их дерзостью и поступками, они обвиняли в этом скорее лидеров, чем последователей. Южане знали негров, знали их слабости и достоинства, знали, как легко их ввести в заблуждение. И всегда было заметно, что, хотя негры повсеместно следовали за своими лидерами и, когда чувствовали свою власть, вели себя с невыносимой наглостью, в другое время они проявляли прежнюю доброту, и стоило только устранить подстрекательство, как они были готовы возобновить прежние отношения зависимости и привязанности.

Действительно, те, кто вел себя хуже и революционнее всех, не успевали вернуться на прежние позиции вежливости, как их прощали и относились к ним с добродушной терпимостью". [25]

После свержения правительств "ковровых мешков" и уничтожения негритянского господства на Юге, Юг начал подниматься к свету нового процветания. Обремененный долгами, пошатывающийся от бедствий, которые почти уничтожили, покрытый шрамами от борьбы, через которую он прошел, и опаленный страстями того страшного времени, он направил все свои силы на то, чтобы вернуть с помощью искусства мира свое прежнее место на пути прогресса. Бремя, которое она несла, было тяжелым, но она несла его мужественно и победоносно.

Стоимость ее имущества неуклонно растет. Были открыты мельницы и мануфактуры, причем не только южными инвесторами, но и, в значительной степени, северным капиталом, пока Юг не стал одним из признанных мест для инвестиций. Это, среди прочих причин, сделало Юг беспокойным под влиянием электората, который ограничил его одной политической партией, лишил возможности разделять экономические вопросы и, в определенной степени, отстранил его от должного участия в национальном правительстве. С этим связана еще одна причина - изменение отношений между двумя расами. Бесполезно замалчивать этот вопрос. Старые отношения близости и привязанности, в значительной степени пережившие даже напряжение и стресс периода реконструкции и последовавшие за ним репрессивные меры, ушли в прошлое, а на их место пришло чувство безразличия или презрения с одной стороны и равнодушия или зависти - с другой. В некоторых местах и при некоторых условиях старое отношение к людям и старое чувство привязанности все еще

сохраняются. Например, во многих семьях могут сохраняться старые отношения хозяина и слуги, начальника и подчиненного. В некоторых районах или городах представители цветной расы благодаря своим способностям и характеру добились положения, которое принесло им уважение и искреннюю доброжелательность белых. Посещение Юга покажет любому, что, в основном, чувство доброты и благожелательности пережило все доводы политиков и все учения доктринеров. Как правило, дети по-прежнему играют вместе, мужчины работают вместе, старики сохраняют прежнюю добрую волю. Белые посещают больных и страждущих, помогают несчастным, облегчают страдания, утешают погибших и выполняют старые добрые обязанности. Но это в определенной степени исключение. В основном это касается совсем маленьких, пожилых или несчастных и зависимых людей. Правило - это изменившиеся отношения и расширяющаяся брешь. Молодое поколение негров учат быть грубыми и наглыми. В основном только там, где белые имеют неоспоримый авторитет, сохраняются старые отношения. Там, где белые настолько превосходят их по численности, что не возникает никаких вопросов; или же там, где, несмотря на обратные условия, белые занимают настолько доминирующее положение, что не допускают сомнений, царит гармония.

Когда отношения меняются на противоположные, возникает опасность вспышки. Негр, введенный в заблуждение учениями своих друзей-доктринеров и считающий себя равным белому, утверждает себя, а белый возмущается. Следствием этого является столкновение, и негр становится главным страдальцем, настолько неизменным, что это должно пролить свет на доктрину равенства.

СНОСКИ:

[15] То же самое произошло в России при освобождении крепостных. См. "Воспоминания" Кропоткина.

[16] Писатель лично знал несколько таких школ, которые сразу после войны начали работать как воскресные школы. Действительно, по вдохновению одной благочестивой дамы весной 1865 года все молодые люди в округе были призваны помочь в организации воскресной школы для негритянских детей, которых поначалу учили буквам на песке. Чуть позже, благодаря доброте друзей на севере, было получено достаточно денег, чтобы построить здание школы, которое стоит до сих пор и использовалось сначала для воскресной школы, а затем для дневной.

[17] См. отчет комитета Конгресса по правительственным делам ку-клукс-клана.

[18] См. "Реконструкция на Юге во время войны".

[19] См. дебаты в Конгрессе и вопросы, заданные свидетелям в различных высоких комиссиях, организованных Конгрессом для расследования дел на Юге в 1865 и 1866 годах.

[20] См. письмо г-на Линкольна губернатору Б. Ф. Хану от 13 января 1864 года. Это было в то время, когда для восстановления Луизианы необходимо было иметь 10 000 голосов.

[21] См. главу "Лишение негров избирательных прав".

[22] См. "Известные люди о твердом Юге", с. 427.

[23] Губернатор Чемберлен недавно написал открытое письмо мистеру Джеймсу Брайсу, в котором он горячо поддерживает взгляды, которых придерживаются белые южане по этому вопросу.

[24] См. дебаты в Конгрессе 3 апреля 1839 г., 23 января 1842 г. и т. д.: когда Джон Куинси Адамс представил Конгрессу петицию из Хаверхилла, штат Массачусетс, с просьбой, чтобы Конгресс "немедленно принял меры, возможные для расторжения союза штатов".

[25] В течение многих лет одним из популярных разносчиков газет в Ричмонде был некий Льюис Линдсей, который в ранний период реконструкции был одним из самых жестоких негритянских лидеров и прославился своей речью, в которой заявил, что хотел бы по колено утонуть в белой крови. В Чарльстоне другой лидер, не менее жестокий, впоследствии продавал рыбу на рынке, и среди его покупателей были те самые люди, по отношению к которым он когда-то был столь возмутителен. В Новом Орлеане другой был хостлером. Подобные случаи можно было бы легко перечислить.

ГЛАВА III

ЕГО НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ И АСПЕКТ, КАК ПОКАЗЫВАЕТ СТАТИСТИКА

В двух предыдущих статьях мы попытались показать отношения между белыми жителями Юга и неграми на момент отмены рабства, проследили изменения в этих отношениях и указали на ошибки, которые, по мнению писателя, в основном послужили причиной всех проблем, возникших между ними с тех пор, теперь остается выяснить, каково их нынешнее состояние, насколько оно объясняется этими причинами и что обещает будущее в плане исправления.

Прошло тридцать восемь лет с тех пор, как негр был освобожден и стал сам себе хозяином. Сентименталисты, негритянские писатели и ораторы обычно обвиняют в большинстве недостатков негра рабство, и, несомненно, рабство оставило определенные черты, которые студент может легко обнаружить. Но большинство из упомянутых писателей игнорируют тот факт, что негр к моменту окончания рабства находился в более высоком состоянии цивилизации, чем когда он пришел дикарем из диких земель Африки. О рабстве можно сказать, что оно было величайшим злом, когда-либо постигшим эту страну. Оно поддерживало разделение на части и в конце концов ввергло нацию в разрушительную гражданскую войну. Этого достаточно для обвинения. Но для негра оно было далеко не безоблачным злом. Именно этот период рабства в Америке дал ему единственное подобие цивилизации, которым негритянская раса обладала с самого начала истории.

Какое бы зло ни повлекло за собой рабство для негра, можно с уверенностью сказать следующее: оно оставило его обученным рабочим и в хорошем физическом состоянии. Он вступил в новую эру, получив большую долю дружелюбия со стороны Юга и восторженную добрую волю со стороны Севера. У него было мало имущества, и не более двух-трех процентов людей умели читать; но он командовал всем полем труда на Юге, а определенный процент, состоявший из домашних слуг, обладал знаниями, которые приходят с ответственных постов и от постоянного общения с образованными людьми.

Когда война закончилась, среди четырех миллионов негров, населявших тогда Юг, не было, за исключением инвалидов, калек и пенсионеров, почти ни одного взрослого человека, который не был бы обученным рабочим или искусным ремесленником. В хлопковом секторе они знали, как выращивать и готовить хлопок; в сахарном поясе - как выращивать и молотить сахар; в табачном, кукурузном, пшеничном и сенокосном поясах - как выращивать и готовить

к продаже эти культуры. Они были пастухами, скотоводами, тренерами лошадей и животноводами. Вся промышленная работа на Юге выполнялась ими. Они были обученными домашними слугами - прачками, медсестрами и акушерками. Они были плотниками, кузнецами, печниками, пильщиками, колесниками, каменщиками и лодочниками. Они были кожевниками и сапожниками, шахтерами и каменотесами, портными и вязальщицами, прядильщицами и ткачами. Почти все дома на Юге были построены ими. Они производили большинство товаров, которые изготавливались на Юге.

Точных статистических данных о расе того времени получить невозможно, но на основе известных фактов можно сделать достаточно приблизительную оценку количества рабовладельцев и общего соотношения домашних слуг, механиков, и т.д. ко всему населению. Известно, например, что рабовладелец, независимо от того, мало или много у него рабов, неизменно использовал своих лучших рабов в качестве домашней прислуги. Столь же хорошо известно, что крупные плантации нанимали слуг на более крупные поместья.

В 1860 году в южных штатах насчитывалось от пяти до шестисот тысяч рабовладельцев и рабовладельцев-нанимателей, а также четыре миллиона с четвертью рабов, то есть примерно по восемь рабов на каждого владельца. [26] Из этих рабовладельцев, пожалуй, каждый имел по крайней мере одного домашнего слугу, а большинство - нескольких. Если взять среднее между мелким рабовладельцем и крупным, то, вероятно, окажется, что доля механиков и ремесленников среди всего населения была примерно такой же, как в любой сельскохозяйственной общине, или, поскольку известно, что раб обычно не так трудолюбив и эффективен, как свободный работник, этот процент был, возможно, выше, чем сегодня на Западе или в сельскохозяйственных районах Юга. Мы не претендуем на то, что это более чем предположение, но это предположение, основанное на консервативной оценке.

С тех пор, согласно переписи 1900 года, Юг потратил на образование негров более 109 000 000 долларов, кроме того, что было потрачено на частную благотворительность, которая оценивается в 30 000 000 долларов.

Все эти годы Юг добросовестно работал над тем, чтобы предоставить неграм все возможные возможности для получения образования, и это одна из самых похвальных страниц его истории, когда перед лицом ужаса негритянского господства в период Реконструкции; разочарования от незначительных результатов; того факта, что образование негров, похоже, использовалось ими только как оружие для противостояния белой расе, последний должен был упорно отдавать так много из своих запасов на обеспечение этого неправильно используемого образования. Из 109 000 000 долларов, которые южные штаты после войны направили на образование негров путем добровольного налогообложения, более 100 000 000 долларов были собраны голосами белых за счет налога на имущество белых. Несколько раз в последние годы в различных законодательных органах Юга выдвигались предложения направить деньги, собранные путем налогообложения имущества каждой расы, исключительно на образование этой расы, но в каждом случае, к их чести, эти предложения были подавляющим большинством голосов отклонены. [27] Общие расходы на государственные школы на Юге в 1898-1899 годах составили 32 849 892 доллара, из которых 6 569 978 долларов были направлены на содержание негритянских школ.

Ознакомление с документами позволит узнать о плодах 140 000 000 долларов, потраченных на образование негров на Юге, а остальное можно узнать от тех, кто изучал этот вопрос из первых рук.

Писателю кажется, что одна из фундаментальных ошибок, которая вкралась во все дискуссии по негритянскому вопросу, заключается в том, что негры рассматриваются как абсолютно один класс. Краткое рассмотрение этого вопроса покажет, что цветное население Юга, хотя оно, за исключением нескольких арабов, все негритянской крови, было, когда они приехали в эту страну, разных племен; и даже во времена рабства, и еще более заметно сейчас, среди них существовали классы: классы интеллекта, характера и способностей, которые указывают если не на различие расовых, то, по крайней мере, на различие племенных сил. И как бы ни казалось, что они все вместе и смотрят на большинство вопросов не с индивидуальной и рациональной, а с расовой точки зрения, при внимательном изучении можно обнаружить определенные различия, которые носят отпечаток племенных различий, в то время как другие покажут элементы классовых различий. Эти классовые различия, хотя они еще элементарны, уже начинают проявляться.

Линия раскола, к сожалению, не следует за линией поведения или хороших манер, а тем более характера, но, возможно, со временем она приблизится к ним, и высший класс узнает и поймет, что поведение, характер и хорошие манеры - это ключ к поступлению.

В намерения писателя входит признать это различие, и, когда он говорит о "неграх", он хочет, чтобы его понимали, как относящегося к основной массе расы, а не как включающего то, что можно назвать высшей фракцией - то есть тех, которые по причине интеллекта, образования и характера составляют настолько явное исключение, что их следует рассматривать как отдельный класс.

Негров, действительно, можно разделить на три класса.

Первый - это сравнительно небольшой класс, более или менее образованных людей, одни из которых хорошо образованы и хорошо ведут себя; другие имеют видимость образования и не слишком хорошо себя ведут. Первые составляют то, что можно назвать высшей фракцией; вторые обладают лишь поддельной культурой и лишены основных элементов характера и даже морального восприятия.

Второй класс состоит из респектабельного, воспитанного, уважающего себя элемента; разумного, хотя и малообразованного, и, за исключением случаев, когда над ним властны страсти, добропорядочного гражданина. Этот класс включает в себя большинство более интеллигентных представителей старшего поколения, которые были воспитаны в рабстве, и значительную часть интеллигентных консервативных работников среднего возраста, которые были воспитаны этим поколением. Этих двоих вместе можно назвать костяком расы.

Третий класс состоит из тех, кто полностью невежественен, или тех, кто, хотя и получил то, что они называют образованием, это так называемое образование не сопровождается никакими плодами характера, которые, как предполагается, должно давать образование. Среди них много тех, кто причисляет себя к первому классу, и из-за напускной образованности их нередко путают с ними.

К первым двум классам можно смело отнести. Они содержат в себе элементы, которые делают их хорошими гражданами и которые должны позволить им добиться должного признания и уважения. Им не нужно никакого оружия, кроме того, которым они обладают, - хорошей гражданской позиции.

К сожалению, большая часть расы и огромный процент подрастающего поколения принадлежат к третьему классу. Именно с этим классом необходимо считаться.

Он подобен огромной вялотекущей массе неостывшей лавы на большом участке страны, которая погребает некоторые части и влияет на всю страну. На первый взгляд она безвредна, но под ее поверхностью тлеет огонь, который в любой момент может неожиданно вспыхнуть и посеять опустошение вокруг. Именно эта масса, растущая снизу, а не сверху, и составляет негритянский вопрос.

В дискуссиях, которые ведутся в периодической прессе и на съездах, посвященных прогрессу цветной расы, много говорится о прогрессе расы после отмены рабства. Утверждается, что раса накопила многие сотни миллионов долларов. Сколько именно, сказать трудно. Данные по этому поводу сильно расходятся. Последний негр-член Конгресса [28] в своей речи, произнесенной в Палате представителей 29 января 1901 года, взялся рассказать об успехах своей расы за тридцать два предшествующих года. "С тех пор, - говорит он, - мы сократили неграмотность расы по меньшей мере на 45 процентов. Мы написали и опубликовали около 500 книг. У нас почти 300 газет, три из которых - ежедневные. Сейчас у нас более 2 000 адвокатов и столько же врачей. Мы накопили более 12 000 000 долларов школьной собственности и около 40 000 000 долларов церковной собственности. У нас около 140 000 ферм и домов стоимостью около 750 000 000 долларов, а личное имущество оценивается примерно в 170 000 000 долларов..... В школах страны работают 32 000 учителей. С помощью наших друзей мы построили около 20 000 церквей, поддерживаем 7 колледжей, 17 академий, 50 средних школ, 5 юридических, 5 медицинских и 25 теологических семинарий. Только на Юге у нас более 600 000 акров земли".

Можно было бы предположить, что, поскольку он прославлял свою расу, это внешняя оценка того, чего они достигли, если бы другие цветные лидеры и учителя с того времени не утверждали, что эти цифры слишком занижены. Писателю эти оценки кажутся сильно преувеличенными. Конечно, достижения в области образования, которыми они хвастаются, не могут быть справедливо приписаны, в основном, негритянской расе. Белая раса обеспечила 95 процентов средств на школы и еще большую часть - на колледжи.

Утверждается, что "до войны на Юге проживало более четверти миллиона свободных негров", и, согласно оценке, сделанной одним из выдающихся представителей расы, стоимость имущества, принадлежащего свободным неграм, составляла от 35 000 000 до 40 000 000 долларов. [29] Хотя точная сумма должна быть основана на предположениях, несомненно, что в то время в стране было значительное количество свободных негров, владевших значительной собственностью. Некоторые из них на Юге были землевладельцами и рабовладельцами, а из 226 216 человек, проживавших за пределами рабовладельческих штатов, значительная часть была обеспечена. Согласно отчету комиссии, назначенной г-ном Линкольном в 1863 году для "изучения и составления отчета о состоянии недавно освобожденных свободных людей Соединенных Штатов", комиссия установила, что свободные цветные жители Луизианы в 1860 году заплатили налогов на сумму тринадцать миллионов. [30] К этой сумме следует добавить сумму, которая была накоплена в период Реконструкции иными способами, кроме честной бережливости. Оставшаяся сумма знаменует собой продвижение негритянской расы в материальном прогрессе.

К несчастью для тех, кто утверждает, что негритянская раса проявила необычайную бережливость после своей эмансипации тридцать восемь лет назад, изученные записи не подтверждают это утверждение.

29 июня 1903 года мистер Чарльз А. Гардинер, адвокат из Нью-Йорка, выступил в Олбани перед Советом Университета штата Нью-Йорк с заметной речью на тему "Конституционное и образовательное решение негритянской проблемы", в которой он представил несколько замечательных заявлений, касающихся состояния негров. Он показал, что в 1890 году реальная и личная собственность пятнадцати старых рабовладельческих штатов составляла 13 380 517 311 долларов, из которых негры владели только 3,3 процента, в среднем 64,20 доллара на душу населения. Шесть штатов Атлантического океана и Персидского залива имели 3 215 127 929 долларов, из которых негры владели только 3,5 процента, в среднем 28,60 доллара на душу населения. Писатель пытался получить более поздние статистические данные, но ему не удалось получить полную статистику, поскольку Бюро переписи населения Соединенных Штатов еще не завершило свои расчеты по этому вопросу, а также потому, что многие штаты не ведут отдельный учет имущества, принадлежащего белым и неграм. Тем не менее, он получил из архивов штатов Арканзас, Джорджия, Северная Каролина и Вирджиния, где учет ведется отдельно, статистику, показывающую фактический и относительный объем имущества, принадлежащего неграм, за 1902 год:

ОЦЕНОЧНАЯ СТОИМОСТЬ ВСЕГО ИМУЩЕСТВА, ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО НЕГРАМ.

	Население.	Оценочная стоимость.
Арканзас	366,856	\$11,263,400 [31]
Джорджия	1,034,813	15,188,069
Северная Каролина	624,468	9,765,986
Вирджиния	660,722	17,580,390
Всего	2,686,859	\$53,797,845

Возможно, штаты Арканзас, Джорджия, Северная Каролина и Вирджиния можно считать вполне репрезентативными для всего Юга. Считается, что в этих штатах негры живут так же хорошо, как и в других. В этих четырех штатах проживает 2 686 859 негров, что составляет 30,39 процента от всего негритянского населения Соединенных Штатов, и статистика показывает, что эти 30,39 процента от всего негритянского населения владеют в настоящее время недвижимым и личным имуществом, подлежащим налогообложению, на сумму всего 53 797 845 долларов, что составляет всего 20,02 доллара на душу населения. Можно утверждать, что оценочная стоимость имущества в южных штатах, как правило, составляет не менее трех четвертей от фактической.

В интересной и ценной статистике "Негр-фермер", собранной профессором У. Э. Б. Дю Буа из университета Атланты, мы находим множество интересных фактов:

ДОЛЯ РАБОВЛАДЕЛЬЦЕВ И РАБОВ В НАСЕЛЕНИИ ЮГА, 1850 И 1860 ГГ.

		В процентах.		
ГОД ПЕРЕПИСИ.	В процентах. Владельцы -		Рабы-	Среднее
	Форма		Форма	Количество
	Всего	Белые	Всего	Рабов на
	Население.	Население.	Население.	Владелец.
1860	3.2	5.1	34.5	11

"Эти цифры показывают, что рабы составляли около трети всего населения этой части, но владельцы этих рабов составляли лишь 5-6 процентов белого населения и 3-4 процента всего населения, причем в 1860 году эта доля была еще меньше, чем в 1850 году".

"В 1900 году насчитывалось 187 799 ферм, принадлежащих неграм, что составляло 25,2 процента всех ферм, управляемых неграми. В 1900 году негры-фермеры, владеющие всей обрабатываемой ими землей, составляли 83,3 процента всех негров-собственников.

"Если вы хотите оценить возможный общий уровень благосостояния негров-фермеров на 1 июня 1900 года, к нему следует добавить стоимость живого скота на арендованных фермах, большая доля которого обычно принадлежит арендаторам. Эта стоимость для цветных арендаторов составила 57 167 206 долларов. Если добавить эту сумму к предыдущему итогу, то окажется, что на 1 июня 1900 года стоимость фермерской собственности, принадлежащей неграм, составляла примерно 200 000 000 долларов, или чуть меньше 300 долларов на каждого негра-фермера.

"Эта оценка, однако, не учитывает собственность, принадлежащую неграм и сдаваемую в аренду как неграм, так и белым..... Поэтому мы, вероятно, вправе добавить 15 процентов к вышеприведенной оценке стоимости имущества, принадлежащего неграм-фермерам в континентальной части Соединенных Штатов, доведя таким образом общую сумму до 230 000 000 долларов.

"Стоимость земли в фермерских хозяйствах всех цветных владельцев в континентальной части Соединенных Штатов в 1900 году - включая стоимость дополнительной земли, взятой в аренду, которая, если предположить, что она имеет такую же среднюю стоимость, как и остальные, составила около \$7,500,000 - составила \$102,022,601. Хотя некоторые из этих земель очень хороши, большинство из них бедны, часто практически изношены или невыгодно расположены с точки зрения рынка сбыта." [32]

Статистические данные о количестве ферм, площадях и стоимости всей фермерской собственности, включая землю, улучшения, инвентарь, машины и скот, можно найти в Двенадцатой переписи населения и в Бюллетене переписи № 8, посвященном неграм в Соединенных Штатах в 1900 году, таблица 69, страница 308.

В этой таблице показано, что общее число владельцев фермерской собственности, включая негров, индейцев и монголов, составляет 174 434 человека, владеющих землей, улучшениями, инвентарем и машинами на сумму 150 557 251 доллар, а частичных владельцев - 30 501 человек, владеющих 27 358 225 долларами.

Джорджия нередко упоминается как штат, в котором негры процветают в исключительных условиях. В ней проживает больше негров, чем в любом другом штате: по данным переписи 1900 года, здесь насчитывалось 1 034 813 негров. В 1860 году в нем проживало 465 698 человек, так что с тех пор численность негров увеличивалась на 142 279 человек каждые десять лет. Бюллетень Министерства труда, № 35, июль 1901 года, содержит ценную статью профессора Дю Буа о неграх-землевладельцах в Джорджии, основанную на тщательном изучении условий жизни негров в этом штате. Среди прочего он приводит таблицу, содержащую оценочную стоимость всего имущества, принадлежащего неграм в Джорджии с 1874 по 1900 год:

ОЦЕНОЧНАЯ СТОИМОСТЬ ВСЕГО ИМУЩЕСТВА, ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО НЕГРАМ ДЖОРДЖИИ, С 1874 ПО 1900 ГОД.

Год.	Оценочная стоимость.	Год.	Оценочная стоимость.
1874	\$6,157,798	1888	\$9,631,271
1875	5,393,885	1889	10,415,330
1876	5,488,867	1890	12,322,003
1877	5,430,844	1891	14,196,735
1878	5,124,875	1892	14,869,575
1879	5,182,398	1893	14,960,675
1880	5,764,293	1894	14,387,730
1881	6,478,951	1895	12,941,230
1882	6,589,876	1896	13,292,816
1883	7,582,395	1897	13,619,690
1884	8,021,525	1898	13,719,200
1885	8,153,390	1899	13,447,423
1886	8,655,298	1900	14,118,720
1887	8,963,479		

Из этой таблицы видно, что налогооблагаемая стоимость всего имущества, принадлежащего неграм в Джорджии, в 1874 году составляла 6 157 798 долларов. В 1890 году негритянское население составляло 858 815 человек. В 1892 году стоимость имущества выросла до \$14 869 575, , а в 1900 году, когда население составляло 1 034 813 человек, она составила всего \$14 118 720, или фактическое падение, хотя негры, похоже, выросли на 23,9 процента за это время. [\[33\]](#)

Таковы данные статистики, свидетельствующие о прогрессе, отмеченном накоплением собственности. Она не подтверждает утверждение о том, что негритянская раса продемонстрировала значительный прогресс в этой области. Следует также заметить, что при составлении отчета об имущественном положении не учитываются ипотечные и другие долги владельцев недвижимости.

Но под этим экономическим представлением скрывается более глубокий вопрос. Что дали тысячи церквей, школ и колледжей, на содержание которых было потрачено более ста пятидесяти миллионов долларов? Каких мужчин и женщин они выпустили? Какие плоды они принесли: моральную стойкость, характер, чистоту жизни, возвышенность или даже правильность идеалов? Это и есть истинные критерии прогресса.

Чтобы получить правильный ответ на эти вопросы, мы можем сначала поинтересоваться: снизился ли процент преступности в расе в целом? Увеличилась ли в целом способность расы к заработку пропорционально росту заработной платы? Улучшилась ли раса в целом в моральном и умственном отношении? Стало ли относительное положение расы по отношению к белой расе выше, чем было?

Несомненно, определенная часть негритянской расы значительно выросла с эпохи эмансипации. Часть цветного населения - то есть верхняя часть - не только накопила

собственность, но и, в основном в городах, достигла более высокого положения, основанного частично на собственности, частично на характере и частично на интеллектуальных достижениях. Но, если только всеобщее свидетельство белых жителей Юга не является недостоверным, этот подъем в основном ограничивается теми регионами, где негры пользовались помощью, сочувствием и поощрением белых. И писателю кажется, что этот элемент не так велик, как принято считать, и что именно это продвижение еще больше отделило их от основной массы цветной расы. Изучение вопроса, кроме того, раскрывает тот факт, что почти весь интеллектуальный прогресс в негритянской расе ограничивается этой верхней частью расы; что, возможно, девять десятых накопленной собственности было накоплено этим классом и другой частью, принадлежащей ко второму классу, которая была обучена в рабстве, и что, если судить по обычным стандартам характера, интеллекта и гражданского положения, остальные девять десятых расы, так далеко не продвинувшиеся в каком-либо отношении, либо застоялись, либо отступили назад.

Согласно переписи населения США 1890 года, белых преступников в Соединенных Штатах насчитывалось 40 471 человек; белых преступников, чьи родители также были коренными уроженцами, - 21 037 человек; негров-преступников (чьи родители были коренными уроженцами) - 24 277 человек. [34]

Сравнение сельского цветного населения покажет, что, возможно, более девяноста процентов имущества, которым сейчас владеют негры, было накоплено теми, кто либо был воспитан в рабстве, либо вырос сразу после войны, так что они получили благотворное влияние привычки к промышленности, к которой их раса была приучена в то время. Далее будет показано, что доля осужденных в государственных пенитенциарных учреждениях южных штатов из числа негров составляет от 85 до 93 процентов от общего числа заключенных. В Луизиане эта доля составляет 85 процентов от общего числа государственных преступников. В Алабаме - 85,4 процента. Во Флориде - 86,4 процента. В Миссисипи - 91 процент. В Джорджии - 90 процентов, а в Южной Каролине - 93,2 процента. [35] В округе Колумбия, где негры, как считается, имели исключительные преимущества и где, возможно, определенная их часть живет так хорошо, как нигде в стране, год или два назад они составляли 86 процентов преступников. Из этих осужденных более девяти десятых выросли после отмены рабства.

Тем временем негр деградировал как работник, пока не только не потерял поле, в котором у него когда-то не было конкурентов, но и рискует потерять даже способность конкурировать за его восстановление. Превосходство старших фермеров над молодым поколением настолько повсеместно утверждается на Юге, что ему следует придать некоторую обоснованность общей репутации. И если, как было показано, поколение назад вся механическая работа на Юге находилась в руках негров, то сегодня ими выполняется лишь небольшая ее часть.

Пятнадцать лет назад один из пригородов Ричмонда был в значительной степени построен подрядчиком, бригадиром которого был негр. Никаких вопросов по этому поводу не возникало. Прораб знал свое дело, вырос среди белых, умел ладить с белыми людьми, пользовался их уважением и почетом. В то время это было не редкостью.

Какова же ситуация сейчас? Расы разделены гораздо сильнее, чем когда-либо прежде. Белые механики и негры уже не работают вместе, как раньше. Ни один подрядчик не сможет сейчас сделать то, что сделал человек, построивший "Бартон Хайтс" пятнадцать лет назад. Число негров-плотников и механиков сильно сократилось; и интеллигентные негры

сообщают писателю, что они работают в основном среди своих. Причины этого искать далеко не надо. Отчасти это связано с неспособностью негра занять свое место в конкурентной борьбе, а отчасти - с изменившимися отношениями между ним и белыми. Старое чувство дружелюбия и приязни сошло на нет, и на его место пришло холодное безразличие, а то и настоящая враждебность. Новому негру внушили, что он равен белому, и он постоянно утверждает это и пытается доказать любым способом, кроме правильного - равенством своего труда.

Вашингтон-Сити со времен освобождения стал для многих представителей негритянской расы своего рода Меккой. Там многие представители этой расы получили возможности, которых им не хватало на Юге, и сегодня там можно найти, пожалуй, самый образованный элемент расы, который только можно найти. В течение последнего года негритянская организация, известная как "Истинные реформаторы", построила в этом городе красивое и дорогое здание для использования своей расой, и построила его полностью с помощью негритянского труда. Однако, когда потребовались рабочие, способные выполнить такую работу, оказалось, что за ними нужно ехать на Юг.

Однако даже на Юге негр-ремесленник, достаточно подготовленный, чтобы конкурировать сейчас со своим белым соперником, встречается сравнительно редко.

"Дисциплинированный рабами механик не имеет преемника в рядах вольноотпущенников...." [36]

Таким образом, пока, как показывает статистика, улучшение, существующее среди негров, не проявляется в целом по расе, как обычно утверждается, а проявляется, в основном, в верхней части.

Это утверждение подтверждается также свидетельствами подавляющего большинства белых южан, которые живут в постоянном контакте с неграми; которые знают их во всех отношениях жизни так, как не может знать никто, кто не жил среди них. Все они скажут вам, что если негры прежних времен были трудолюбивыми, экономными и, когда их не вводили в заблуждение, хорошо воспитанными, добрыми, уважительными и уважающими себя, и если остатки их, которые еще остались, в целом сохранили эти черты, то "новое поколение", в большинстве своем, лениво, бережливо, несдержанно, нагло, бесчестно и лишено самых элементарных элементов морали.

Они также едины во мнении, что образование, получаемое ими в государственных школах, не только не возвышает их, но и не оказывает заметного благотворного влияния на их нравственность и положение как граждан. Но не только это; повсеместно они отмечают общую испорченность и регрессию негров в целом в тех частях, где они предоставлены сами себе, что очень напоминает возвращение к варварству.

Принято считать, что прогресс, применительно к классу или расе, означает некоторое улучшение морального состояния или, по крайней мере, улучшение тех элементов характера, на которых основывается мораль.

К сожалению, статистические данные в области морали получить невозможно; но в этой области, как и в других, свидетельства тех, кто имел наилучшие возможности для наблюдения, свидетельствуют в одну сторону. Южане всех классов и сословий, без исключения, свидетельствуют о том удручающем факте, что, за исключением небольшой

высшей фракции, негритянская раса нисколько не продвинулась в нравственном отношении.

К несчастью, фонтан загрязнен у самого источника. Большая часть расы почти не имеет представления об основополагающих принципах чистой семейной жизни. Похоже, они не только не имеют представления о нравственности, но и лишены инстинкта, на котором эта идея могла бы быть основана. Обычно обвиняют, что рабство стало причиной отсутствия нравственности в расе. Некоторые негритянские писатели даже говорят о том, что "древнее африканское целомудрие" было развращено рабством. Несомненно, во время рабства было достаточно безнравственности, чтобы стать основой для почти любого разумного обвинения, однако изучение этого вопроса убедило по крайней мере одного исследователя, что незаконные отношения между двумя расами в период рабства были, вероятно, сильно преувеличены. Он также пришел к убеждению, что, хотя незаконных связей между двумя расами сейчас меньше и, возможно, заметно меньше, чем в период рабства, безнравственность огромной части негритянской расы с тех пор возросла. О том, что эта безнравственность существует, свидетельствуют не только белые, но и представители расы, которые непредвзято изучили условия жизни своего народа. Возможно, самым замечательным исследованием о неграх, которое появилось, является книга под названием "Американский негр" Уильяма Ганнибала Томаса из Массачусетса. Незначительная часть ее ценности объясняется тем, что автор, свободный цветной человек, имел возможность внимательно наблюдать и смело фиксировать результаты своих наблюдений. В главе "Моральные промахи" автор говорит: "Все, кто знает негра, признают, однако, что главным и непреодолимым элементом в его характере является властный сексуальный импульс, который, возбуждаясь при малейшем побуждении, сметает все ограничения в погоне за физическим удовлетворением. Мы можем сказать, что этот элемент негритянского характера является главным стимулом к вырождению расы и главным препятствием для ее социального подъема.....

"Этический кодекс негра сурово порицает танцы, посещение театра и все азартные игры. Однако он не запрещает лгать, пить ром или воровать. Более того, мужчина может проникать в своем отвратительном виде в святая святых частных домов, безнаказанно соблазнять жену, сестру или дочь, быть отцом десятка незаконнорожденных детей от стольких же матерей и при этом быть учеником святости и пользоваться доверием общества".

Его глава на эту тему покажется тем, кто не знаком с ней, ужасным разоблачением развращенности негров в их социальной жизни, но это лишь то, что известно тем, кто изучал этот вопрос.

Проклятие этой ужасающей безнравственности нависло над церковью и школой и не подает признаков ослабления.

"Простая истина, - признает уже цитированный нами писатель, - заключается в том, что в негритянском народе бок о бок идет минимальный прогресс с максимальным регрессом". "Поэтому, - говорит он, - [37] практически невозможно найти человека любого пола старше пятнадцати лет, который не имел бы плотских сношений". И снова [38] он заявляет: "Брачная аморальность, однако, не ограничивается бедняками, невеждами и деградантом среди свободных людей, но в равной степени распространена среди тех, кто претендует на образованность и утонченность".

К несчастью для расы, это удручающее мнение подтверждается ростом преступности среди них; ростом суеверий с их черным шлейфом безымянной безнравственности и порока; убийствами и убийствами, вспышками и ростом жестокой преступности, которая в основном

привела к страшному преступлению линчевания, запятнавшему доброе имя Юга и распространившемуся на север вместе с распространением негров-бездельников.

Никто не станет отрицать тот факт, что преступление изнасилования было практически неизвестно в период рабства и почти не было известно в первые годы свободы: это роковой продукт новых условий. Двадцать пять лет назад женщины на Юге ходили без присмотра, опасаясь нападения не больше, чем в Новой Англии. Сегодня ни одна женщина на Юге не ходит одна шоссе вне поля зрения белых мужчин, кроме как по необходимости, и ни один мужчина не оставляет своих женщин одних в доме, если он может помочь этому. За это время на Юге негры напали на более чем 500 белых женщин и детей.

Это ужасное зрелище, и самая удручающая его часть - неспособность негров в целом заняться нравственным совершенствованием своей расы.

Все это не повлияет на взгляды политиков или доктринеров, но должно, по крайней мере, дать пищу для размышлений остальным людям, что этих взглядов придерживаются почти все интеллигентные белые люди Юга, независимо от их различных политических или религиозных взглядов; независимо от их социального или делового положения; И далее, что, по существу, этих взглядов придерживаются почти все чужаки, которые посещают Юг и видят его достаточно, чтобы иметь возможность для внимательного и общего наблюдения; и именно потому, что их опыт широк, а средства получения информации обширны, их взгляды приближаются к тем, которых придерживаются белые жители.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[26] В Джорджии, например, в 1860 году насчитывалось 462 198 рабов, которыми владели 41 084 хозяина.

[27] Согласно отчету Бюро образования США за 1898-1899 годы, "общее число учащихся в государственных школах Юга (шестнадцать бывших рабовладельческих штатов и округ Колумбия) в 1898-1899 годах составило 5 662 259 человек; число белых детей - 4 150 641, а число негритянских детей - 1 511 618". Из белого населения (5 954 400 человек) в государственных школах обучалось 69,71 процента, а из негритянского (2 912 910 человек) - 51,89 процента.

[28] Джордж Х. Уайт, Северная Каролина.

[29] "The American Negro," by William Hannibal Thomas, p. 74. Macmillan & Co.

[30] Wrong of Slavery and Right of Emancipation: R. D. Owen, Lippincott, Philadelphia, 1864.

[31] В Арканзасе общая стоимость всего имущества, включая железнодорожную собственность штата, составляет 225 276 681 доллар. Налоги, начисленные на имущество белых, составили 3 699 025 долларов, а налоги, начисленные на имущество негров, - 205 954 доллара. Стоимость имущества негров была получена путем отнесения на них суммы, пропорциональной уплаченным ими налогам.

[32]

	Количество Фермы.	Стоимость фермы Собственность.
Владельцы	174,434	\$150,557,251
Частичные владельцы	30,501	27,358,225

Собственники и арендаторы	1,582	1,881,163
Менеджеры	1,824	9,777,377
Денежные средства Арендаторы	274,663	178,300,242
Арендаторы акций	284,760	178,849,250

[33] Генеральный контролер штата Джорджия сообщает, что оценочная стоимость имущества белых налогоплательщиков штата Джорджия в 1902 году составила 452 122 577 долларов. Имущество негров-налогоплательщиков штата Джорджия за тот же год было оценено в 15 188 069 долларов. Эта сумма, хотя и значительно больше той, что оценил профессор Дю Буа, составляет всего 3,25 процента от общей оценки штата.

[34] Всемирный альманах, 1903 год.

[35] Выступление Чарльза А. Гардинера, цитировалось ранее.

[36] "Американский негр", Уильям Ганнибал Томас, стр. 68.

[37] Страница 183.

[38] Страница 184.

ГЛАВА IV

ЛИНЧЕВАНИЕ НЕГРОВ - ЕГО ПРИЧИНЫ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ

[39]

Затрагивая этот вопрос, писатель хочет, чтобы его понимали так, что речь идет не о респектабельном и законопослушном элементе среди негров, который, к сожалению, так часто путают с представителями расы, из которой происходит большинство злоумышленников. Сказать, что негры составляют большинство насильников, не значит сказать, что все негры - насильники.

Преступления линчевания в этой стране в то или иное время стали настолько частыми, что вызвали интерес всего народа и даже привлекли внимание людей в других странах. Как правило, это было вызвано дерзостью, с которой совершались преступления, и неэффективностью закона в борьбе с нарушителями закона в его обычных формах. Таковы, например, действия "Дружинников" в Калифорнии в былые времена, и таковы же действия "Дружинников" в других частях страны. В этих случаях всегда существовала форма судебного разбирательства, которая, пусть и поспешная, была убедительной по основным пунктам: совершение преступления, идентификация заключенного, приговор "судьи Линча", то есть толпы, и упорядоченное исполнение этого приговора. И в таких случаях большинство людей, хорошо осведомленных обо всех условиях и обстоятельствах, находят некоторое оправдание этому "дикому правосудию".

Однако линчевание никогда не было столь распространено и не существовало на столь обширной территории, как в последние годы в южных штатах. И оно вызвало больше чувств за пределами этого региона, чем раньше вызывала работа мстителей. Это чувство,

несомненно, вызвано главным образом убеждением в том, что линчевание было направлено почти исключительно против негров; хотя, возможно, часть его вызвана предположением, что законы были полностью эффективными, и что, следовательно, линчевание негров было результатом иррациональной враждебности или беспричинной жестокости. Таким образом, вопрос в некоторой степени осложняется скрытой идеей о том, что он имеет политическую подоплеку.

Это главная причина для жалоб в высказываниях самих негров, а также значительной части внешней прессы. И действительно, некоторое время казалось, что линчевание негров ограничивается Югом, хотя линчевание белых отнюдь не было монополией этого региона, как могут вспомнить те, кто знаком с историей Индианы и некоторых других северо-западных штатов.

В последнее время, однако, несколько отвратительных случаев линчевания негров в его самой ужасной форме - сожжения на костре - произошли в регионах, где до сих пор такие формы варварского наказания были неизвестны; и, похоже, настало время для эффективного объединения действий, чтобы искоренить то, что, по мнению здравомыслящих людей, является пятном на нашем добром имени и серьезной угрозой для нашей цивилизации.

При обсуждении средств, способных положить конец этому варварству, прежде всего необходимо, чтобы этот вопрос был ясно и тщательно понят.

Невежество, проявляемое во многих дискуссиях, вызванных этими линчеваниями, казалось бы, оправдывает прямое высказывание.

Все здравомыслящие люди знают, что уважение к закону - это основной принцип цивилизации, и согласны с тем, что любое отступление от закона - это зло. Все разумные люди знают, что отмена закона легко порождает дух беззакония, при котором прогресс тормозится, а цивилизация страдает и угасает. Это так же ясно осознается на Юге, как и на Севере. Чтобы преодолеть это убеждение и поднять разумных людей на такой уровень, когда закон попирается ногами, на служителей закона нападают, а их пленников забирают и казнят, должна быть какая-то настоящая причина.

И все же в прошлом подобные случаи отступления от закона были ужасны.

В течение некоторого времени газета "Чикаго Трибьюн" собирала статистику по вопросу о самосудах, и следующая таблица, взятая из этой газеты и показывающая количество самосудов за ряд лет, считается достаточно точной:

1885	184	1895	171
1886	138	1896	131
1887	122	1897	166
1888	142	1898	127
1889	176	1899	107
1890	127	1900	115
1891	192	1901	135
1892	235	1902	96
1893	200	1903	104

Всего линчеваний.		Белые.	Негры.	В Юг.	На Север.
1900	115	8	107	107	8
1901	135	26	107	121	14
1902	96	9	86	87	9
1903 - 14 сентября)	76	13	63	66	10

Причины назначения.

	1900.	1901. [40]	1902. [41]	1903.
Убийство	39	39	37	32
Изнасилование	18	19	19	8
Попытка изнасилования	13	9	11	5
Расовые предрассудки	10	9	2	3
Нападение на белых	6	-	3	3
Угрозы убийством	5	-	1	-
Кража со взломом	4	1	-	-
Покушение на убийство	4	9	4	6
Информирование	2	-	-	-
Ограбление (кража)	2	12	1	-
Соучастие в убийстве	2	6	3	5
Изнасилование и убийство	-	-	-	1
Подозрение на убийство	2	3	1	3
Подозрение на ограбление	1	-	-	-
Нет преступления	1	-	-	-
Поджог	2	4	-	-
Подозрение на поджог	1	-	-	-
Помощь в побеге убийцы	1	-	1	-
Оскорбление белой женщины	-	1	-	-
Угон скота и лошадей	-	7	1	-
Ссора из-за распределения прибыли	-	5	-	-
Подозрение в изнасиловании	-	1	-	-
Подозрение в изнасиловании и убийстве	-	1	-	-
Неизвестные преступления	2	6	-	4

В 1900 году в различных штатах и территориях были совершены следующие линчевания:

Алабама	8	Нью-Йорк	0
Арканзас	6	Невада	0
Калифорния	0	Северная Каролина	3
Колорадо	3	Северная Дакота	0
Коннектикут	0	Огайо	0
Делавэр	0	Орегон	0
Флорида	9	Пенсильвания	0
Джорджия	16	Род-Айленд	0
Айдахо	0	Южная Каролина	2
Иллинойс	0	Южная Дакота	0
Индиана	3	Теннесси	7
Айова	0	Техас	4
Канзас	2	Вермонт	0
Кентукки	1	Вирджиния	6
Луизиана	20	Западная Вирджиния	2
Мэн	0	Висконсин	0
Мэриленд	1	Вашингтон	0
Массачусетс	0	Вайоминг	0
Мичиган	0	Аризона	0
Миннесота	0	Округ Колумбия	0
Миссисипи	20	Нью-Мексико	0
Миссури	2	Юта	0
Монтана	0	Индейская территория	0
Небраска	0	Оклахома	0
Нью-Джерси	0	Аляска	0
Нью-Гэмпшир	0		

Из этих таблиц можно сделать вывод о некоторых фактах. Во-первых, в год, за который приводится анализ (1900), более девяти десятых линчеваний произошло на Юге, где проживало лишь около одной трети населения страны, но где было девять десятых негров; Во-вторых, из этих линчеваний около девяти десятых приходится на негров, а одна треть - на три штата, где негры наиболее многочисленны; в-третьих, если на Юге количество линчеваний уменьшается, то на Севере их соотношение, по крайней мере, увеличивается.

Из всех линчеваний в 1903 году 12 произошло на Севере и 92 - на Юге. Из общего числа 86 были неграми, 17 белыми и 1 китаец. Среди предполагаемых причин - убийство, 47; преступное нападение, 11; попытка преступного нападения, 10; нападение с убийством, 7; "расовые предрассудки", 5. В 1904 году было 82 негра и 4 белых; 81 произошло на Юге и 5 на Севере.

Далее выясняется, что, хотя после войны линчевание на Юге, возможно, началось как наказание за нападение на белых женщин, оно распространилось до тех пор, пока в последнее время менее одной четверти случаев приходится на это преступление, в то время как более трех четвертей - на убийство, покушение на убийство или какое-либо менее ужасное преступление. Отчасти это можно объяснить тем, что часто убийства на Юге носят характер расовых конфликтов.

Более 2700 линчеваний за восемнадцать лет, с постоянным ростом варварства метода и с последним, самым позорным примером этого варварства, достаточно, чтобы поразить разум. Либо мы снова погружаемся в варварство, либо существует какая-то потрясающая причина нашего возвращения к методам средневековья, и наши законы неэффективны для ее устранения. Единственный проблеск света заключается в том, что в последние годы их число, похоже, уменьшилось.

Чтобы найти средство, мы должны сначала разобраться с причиной.

Хотя в ранние времена иногда случались нападения и даже сожжения на костре, эти преступления, похоже, вышли из моды, и наступило время, когда преступление нападения было практически неизвестно на всем Юге. Хотя в свое время преступные нападения были достаточно распространены, чтобы многие штаты приняли законы драконовской строгости, касающиеся их, однако в более поздний период рабства преступление изнасилования не существовало, и оно не существовало в значительной степени в течение нескольких лет после эмансипации. [42] Во время войны мужчины уходили в армию, и негры были верными стражами женщин и детей. На изолированных плантациях и в одиноких кварталах женщины были в такой же безопасности, как и на улицах Бостона или Нью-Йорка, более того, они были в большей безопасности.

Затем наступил период и процесс Реконструкции с его учениями. Среди них было учение о том, что негр равен белому, что белый - его враг и что он должен отстаивать свое равенство. В сознании негра эта идея развивалась постепенно. За этим последовал ряд случаев, когда члены негритянского ополчения насиловали белых женщин, причем в некоторых случаях в присутствии членов их семей. [43]

Результатом вражды между белыми Юга и правительством в то время стало то, что первые стали полагаться на свои собственные действия для защиты или мести, с последующим обучением незаконному наказанию за действия, которые должны были быть наказаны по закону. И здесь линчевание, в его постбеллумской стадии, имело свое злое происхождение. [44]

Некоторое время назад в одной из глубокомысленных статей, прочитанных профессором Уилкоксом из Вашингтона, было высказано предположение, что состояние, подобное тому, которое существует на Юге в настоящее время, возникло во Франции во время религиозных войн.

Первый случай изнасилования, не связанный с нападениями вооруженных негров и последующим линчеванием, который привлек внимание страны после войны, произошел в Миссисипи, где учение о равенстве и насилии нашло одно из своих самых плодотворных полей. Негр затащил женщину в лес и, связав ее, держал там в плену несколько дней, а потом зарезал. Его поймали и линчевали.

С восстановлением власти белых на местах наступило временное и частичное прекращение преступлений, связанных с нападением и линчеванием.

Когда старые отношения, пережившие даже напряжение Реконструкции, сошли на нет с уходом со сцены старого поколения, а на их место пришла "Новая проблема" с новым учением, преступления вспыхнули вновь с новой силой. Идея равенства стала все шире распространяться среди негров. Об этом свидетельствует тот факт, что с тех пор, как нападения снова начались, они в основном направлены против простых людей, случаи нападения на женщин из высшего класса, хотя и небезызвестные, встречаются редко. [45]

Условия на Юге делают совершение этого преступления особенно легким. Белое население малочисленно, леса обширны, служители закона далеки и труднодоступны; но, прежде всего, негритянское население оказалось склонным потворствовать факту простого нападения.

Двадцать пять лет назад женщины ходили без сопровождения и без страха по всему Югу, как и сейчас по всему Северу. Сегодня ни одна белая женщина, ни девушка, ни ребенок женского пола не выходит одна из дома, кроме как по необходимости; и ни один мужчина не оставляет свою жену одну в доме, если может помочь. Бывали случаи нападения и убийства среди бела дня, в пределах видимости и слышимости от дома жертвы. Действительно, не так давно в округе Колумбия, в сотне ярдов от фешенебельного дома, произошел случай, когда около трех часов яркого июньского дня на молодую девушку напали в пределах видимости и слышимости от ее дома, а когда она закричала, ей перерезали горло. Это произошло так близко от ее дома, что ее мать и офицер, услышав ее крики, успели добраться до нее, прежде чем жизнь угасла.

Некоторое время в основном полагались на обычный ход закона, чтобы справиться с бедой; но оказалось, что, несмотря на неизбежность смертного приговора, из этого вытекает несколько зол. Главное из них заключалось в том, что число случаев изнасилования женщин, вместо того чтобы уменьшаться, неуклонно росло. Преступник под руководством своих проповедников обычно исповедовал, что "обрел религию", и из тени виселицы призывал своих друзей следовать за ним к славе. Таким образом, наказание теряло для этих эмоциональных людей большую часть своей сдерживающей силы, особенно там, где реальные симпатии расы были в основном на стороне преступника, а не его жертвы. Другим злом была ужасная необходимость призывать невинную жертву, которая, если и выживала, что случалось редко, то уже была приклонена к земле от стыда, к публичному рассказу о нападении - испытание, которое было хуже смерти. Еще одной проблемой была постоянная задержка в исполнении закона. Вместе с ними, однако, существовало еще одно, которое, возможно, сделало больше, чем все остальные вместе взятые, чтобы вырвать суд и наказание из рук судов и привести их в исполнение с помощью насилия толпы. Это была безымянная жестокость, с которой почти в каждом случае сопровождалось преступление. Смерть жертвы насильника, как правило, была наименьшим из сопутствующих ужасов. В Техасе, Миссисипи, Джорджии, Кентукки, Колорадо, а затем и в Делавэре факты были настолько невыразимы, что их никогда не печатали. Они просто не могли быть напечатаны. Именно эти безымянные ужасы возмутили умы тех, кто живет в регионах, где они произошли

и где в любой момент могут произойти снова, и, расстроив разум, выбили из колеи хладнокровных мужчин и превратили их в безумцев, опьяненных яростью и жадой мести.

Неудивительно, что такое варварство, как сожжение на костре, потрясло чувства остальных жителей страны, да и всего мира. Но для остальной страны и для всего мира полезно знать, что оно также потрясло чувства южан, а в более спокойные моменты - даже чувства тех людей, которые в своем неистовстве были виновны в этом. Но в основе их свирепой ярости лежит более глубокое потрясение, чем даже это, - потрясение, вызванное изнасилованием и убийством их женщин и детей.

Не обязательно быть апологетом варварства, если прямо указать его причину. Суровый принцип людей, совершающих эти варварства, коренится глубоко в основных страстях человечества: решимость положить конец изнасилованию своих женщин представителями низшей расы или любой другой расы, какими бы ни были последствия.

Некоторое время быстрая казнь через повешение была единственным способом возмездия, к которому прибегали линчеры; затем, когда этот способ не оправдал себя, был применен более дикий метод, порожденный дикой яростью из-за неудачи первого и суровой решимостью навести еще больший ужас на тех, кого не смог утратить другой метод.

В качестве иллюстрации можно привести следующий случай. Десять или двенадцать лет назад писатель читал лекцию в один из дней ранней весны в городке в хлопковом поясе Техаса - одном из самых красивых городов на Юго-Западе. Лекция была прочитана в здании суда. Писателя представил джентльмен, который был членом кабинета министров Конфедерации и сенатором Соединенных Штатов. Аудитория состояла из утонченных и культурных людей, представлявших, пожалуй, все штаты от Мэна до Техаса.

Через два дня в газетах появилось сообщение о сожжении на костре негра в этом городе. Он подхватил маленькую девочку пяти-шести лет на улице, когда она играла перед своим домом, и унес ее, сказав, что мать послала его за ней; а когда она заплакала, он успокоил ее конфетами, которые, с умыслом и дьявольским предвидением, купил для этой цели. Когда ребенка нашли, он был неузнаваем. Ее маленькое тело было изломано и изуродовано, он перерезал ей горло и бросил в канаву.

Были предприняты мощные усилия, чтобы спасти негодяя для закона, но безрезультатно: люди вернулись к первобытному закону личной и ужасной мести. Фермеры съехались с пятидесяти миль вокруг, чтобы увидеть, как свершится возмездие. Они решили вселить ужас в груди всех, кто мог подумать о столь отвратительном преступлении, чтобы подобное никогда больше не повторилось.

Это был, пожалуй, второй или третий случай сожжения в стране после войны.

В последнее время самосуд на костре распространился за пределы региона, где он имеет такие основания для существования, которые могут быть обусловлены условиями, преобладающими на Юге. Три страшных случая сожжения на костре произошли недавно в северных штатах, в общинах, где эти условия частично отсутствовали. В двух случаях ужас главного преступления - линчевания - был усилен согласованным нападением на большой элемент негритянского населения, который был полностью невиновен. Даже не совершившие преступления негры были изгнаны из своих домов, чего никогда не происходило на Юге, где, казалось бы, для этого было больше поводов.

Таким образом, оказывается, что первоначальное преступление, а также последующее в его наиболее жестокой форме не ограничиваются Югом, а, возможно, встречаются там чаще только из-за большего количества негров в этой части. Глубокие расовые инстинкты не ограничены географическими рамками.

Эти последние линчевания были настолько свирепыми и настолько не оправданными никакой реальной или надуманной необходимостью, которая, как можно предположить, существует на Юге в силу частоты нападений и отсутствия сильной полиции, что они, несомненно, вызвали почти всеобщее осуждение. Президент счел нужным написать открытое письмо, в котором высоко оценил действия губернатора Индианы по надлежащему и эффективному использованию своих полномочий по поддержанию закона и восстановлению порядка в своем штате. Но кто когда-либо считал нужным похвалить губернаторов южных штатов в подобных обстоятельствах? Ополченцы некоторых южных штатов - почти ветераны, так часто их призывали защищать несчастных, чьи преступления смердели в ноздрях всех порядочных людей. Недавний позорный случай, когда офицера обвинили в попустительстве толпе, - единственное исключение из правил верности, которое можно вспомнить, но даже в этом случае люди проявили верность, заметно контрастирующую с этой слабостью. Губернатор Виргинии несколько лет назад похвастался, что за время его пребывания на этом посту не должно произойти ни одного самосуда, и он почти оправдал свое обещание; правда, для этого ему пришлось в тот или иной момент призвать на помощь почти все вооруженные силы штата.

В редакционных статьях некоторых восточных газет с удивлением отмечаются недавние случаи, когда служители закона на Юге защищали своих заключенных или ускользали от толпы. Авторы этих редакционных статей так мало знают о Юге, что не приходится удивляться их невежеству. Но за такое преступление, как нападение, людей вешают по закону каждые несколько месяцев в каком-нибудь штате Юга. Несколько лет назад шериф Смит из Бирмингема защитил убийцу ценой многих жизней; чуть позже мэр Праут из Роанока всеми силами защищал негра-насильника и убийцу, и, хотя толпа в конце концов добила своего, шесть человек были убиты стражниками, прежде чем тюрьма была взята. Это лишь два из многих случаев, когда храбрые и верные офицеры, рискуя жизнью, защищали своих подопечных от самого страшного из всех нападавших - решительно настроенной толпы. [46]

Некоторое время нападения негров касались только молодых женщин, которые оказывались в одиночестве в уединенных местах. Даже компания ребенка была достаточна для их защиты. Затем насильники стали смелее, и нападения последовали на женщин, когда они находились в компании. А затем, не удовлетворившись этим, насильники стали нападать на женщин в их собственных домах. За последние несколько лет произошло несколько таких случаев. В качестве примера можно привести нашумевший случай с Сэмюэлем Хоузом, , который, поспорив с негритянским проповедником, что сможет получить доступ к белой женщине, вошел в дом фермера, когда семья - отец, мать и ребенок - ужинала; зарубил мужчину топором; бросил ребенка в угол с силой, от которой тот потерял сознание, изнасиловал жену и мать с немыслимыми ужасами и, наконец, зарезал ее. Он был пойман и сожжен.

Другой случай, только менее ужасный, произошел два года назад в Линчбурге, штат Вирджиния, где цветной уборщик белой женской школы, который был воспитан и продвинут суперинтендантом школ и считался ярким примером того, что образование может сделать с его расой, однажды утром вошел в дом уважаемого человека, после того как муж, мастер на фабрике, ушел на работу; изнасиловал жену и, положив колено на ее грудь, спокойно перерезал ей горло, как он мог бы сделать это теленку. Попыток самосуда не было, но

губернатор, решив сохранить доброе имя Содружества, счел необходимым выставить два полка солдат, и в этом его поддержали все жители штата.

Эти случаи были не хуже и не лучше многих из тех, что произошли на Юге за последние двадцать лет, и за это время сотни женщин и множество детей были изнасилованы и убиты.

Как же остановить это преступление? Оно должно быть остановлено, и оно будет остановлено, чего бы это ни стоило. Одно из предложений заключается в том, что единственным средством является разделение рас, полное разделение путем депортации негров. Эта теория, хотя и поддерживается многими здравомыслящими людьми, представляется утопической. Колонизация была мечтой некоторых филантропов на протяжении ста лет. А тем временем негры выросли с менее чем миллиона до девяти миллионов. Они никогда не будут депортированы; не потому, что у нас нет денег, ведь сумма, равная той, что тратится на пенсии в течение трех лет, окупит расходы на такую депортацию, а сумма, равная той, что выплачивается в течение шести лет, позволит обустроить их в новой стране. Но у негров есть права; многие из них - достойные граждане; и даже большая их часть, когда они хорошо управляются, являются ценными работниками. Поэтому можно предположить, что этот план никогда не будет осуществлен, если только случай не станет настолько настоятельным, что все другие права уступят место высшему праву необходимости.

Таким образом, очевидно, что мы должны решать этот вопрос более практичным способом, принимая условия такими, какие они есть, и применяя к ним законные методы, которые будут эффективными. Линчевание не положит конец опустошению, и это главная необходимость. Большинство здравомыслящих людей согласны с этим. Действительно, самосуд, лишенный высшего принципа закона, обдуманности, из которой, как предполагается, вытекает уверенность в идентификации, совершенно не отвечает требованиям дела даже в качестве сдерживающего фактора, хотя следует признать, что есть приличное количество здравомыслящих людей, которые не согласны с этим мнением. Рост настроений, которые, по крайней мере, одобряют линчевание в качестве наказания за нападение на женщин, является важным и тревожным фактом. Мало того, что нападения происходят снова и снова в тех же районах, где за подобным преступлением следует линчевание; несколько лет назад было публично заявлено, что негр, который только что стал свидетелем линчевания за это преступление, на самом деле совершил нападение по дороге домой. Как бы там ни было, самосуд как средство защиты - это ужасный провал; и его жестокое воздействие на общество неисчислимо.

Часто выдвигаемое обвинение в том, что иногда линчуют невинных, имеет под собой мало оснований. Ярость толпы направлена не против невинных, а против виновных; и ее ярость не будет удовлетворена никакой другой жертвой, кроме смерти настоящего преступника. Преступник также не заслуживает никакого внимания, каким бы страшным ни было наказание. Настоящий ущерб наносится тем, кто совершает преступление, разрушая закон, и обществу, в котором этот закон убит.

В целом признано, что "задержка закона" частично ответственна за "дикую справедливость" мести толпы, и это, несомненно, стало причиной многих толп. Но далеко не факт, что какие-либо изменения в методах отправления правосудия приведут к прекращению самосудов; в то время как, исправляя это зло, мы можем навлечь на себя еще большую опасность. Суд присяжных - основа наших свобод, и неотъемлемым принципом такого суда является его

обдуманность. Говорят, что вся цель Конституции Великобритании заключается в том, чтобы двенадцать человек могли сидеть в зале суда присяжных. Методы судопроизводства вполне можно реформировать, но любое движение, затрагивающее главный оплот свободы, должно быть ревностно отслежено.

Поэтому первым шагом должно стать создание системы, обеспечивающей разумно быстрое судебное разбирательство и скорейшее исполнение закона, а не массовая революция существующей системы.

Было предложено множество вариантов; некоторые из них - самые радикальные - были предложены людьми Севера. Один из них не так давно предложил, чтобы для борьбы с духом толпы законодательно установить суд, подобный военному трибуналу с барабанной боеголовкой, на котором обвиняемый может быть судим и, если его признают виновным, немедленно казнен. Другие предлагали в качестве средства правовой защиты освобождение от должности по закону; а один из судей Верховного суда недавно высказал все свое личное мнение в пользу быстрого суда и отмены апелляций в таких случаях. Было высказано даже ужасное предположение, что сожжение на костре может быть снова узаконено!

Эти предложения свидетельствуют о том, насколько серьезным считают этот вопрос те, кто их выдвигает.

Но ни одно из них, за исключением того, что касается , не является более чем целесообразным. Проблема лежит глубже. Преступление линчевания вряд ли прекратится, пока преступление изнасилования и убийства женщин и детей не станет менее частым, чем в последнее время. А это преступление, почти полностью присущее негритянской расе, не уменьшится до тех пор, пока сами негры не возьмут его в руки и не искоренят.

Из последних событий можно сделать правильный вывод, что отсутствие этого преступления в поздний период рабства объяснялось скорее чувствами самих негров, чем какими-либо репрессивными мерами со стороны белых. В рабстве у негра были те же животные инстинкты, что и сейчас; наказание, которое следует за преступлением, сейчас столь же определено, столь же ужасно и столь же быстро, как и тогда. Так чем же вызван тревожный рост этой ужасающей жестокости?

Писателю кажется очевидным, что это связано с двумя причинами: во-первых, с расовым антагонизмом и разговорами о социальном равенстве, которые разжигают невежественного негра, выросшего без контроля и дисциплины; и, во-вторых, с отсутствием сильного сдерживающего общественного мнения среди негров любого класса, которое одно может искоренить преступление. Во-первых, негр, как правило, не верит в добродетель женщин. Это выходит за рамки его опыта. Он, как правило, не верит в существование реального нападения. Это недоступно его пониманию. Во-вторых, его страсть, всегда управляющая им, теперь, с тех пор как появилось новое учение, направлена на белых женщин". [47]

То, что есть много законопослушных негров, чье влияние направлено на благо, никто из тех, кто знает достойных представителей расы - тех, кто представляет собой лучший элемент, - не станет отрицать. Но хотя, конечно, есть заметные исключения, они не часто принадлежат к "Новому вопросу" и, к несчастью, даже в целом не входят в число видных лидеров: тех, кто издает газеты и контролирует съезды.

Как преступление изнасилования в последние годы получило свое пагубное возрождение благодаря учению о равенстве и передаче власти в руки невежественных негров, так и его

увековечение и рост, несомненно, во многом обусловлены тем же учением. Умный негр может понять, что на самом деле означает социальное равенство, но для невежественного и жестокого молодого негра оно означает только одно: возможность пользоваться наравне с белыми мужчинами привилегией сожителства с белыми женщинами. Это понимают белые Юга; и если бы это поняли за границей, это объяснило бы некоторые вещи, которые до сих пор не были поняты. Отчасти это объяснит всеобщую и яростную враждебность Юга даже к малейшему намеку на социальное равенство.

Внимательное изучение случаев изнасилования и линчевания, а также последовавших за ними общественных дискуссий привело писателя к болезненному осознанию того, что даже лидеры негритянской расы - по крайней мере, те, кто достаточно заметен, чтобы проводить съезды и писать статьи на эту тему, - редко когда делом или словом демонстрировали истинное понимание чудовищности преступления, связанного с изнасилованием и убийством женщин. Их обсуждения и осуждения почти всегда посвящены исключительно преступлению линчевания. В основе большинства их протестов лежит предположение, что жертва толпы невиновна и является мученицей. Время от времени можно встретить мягкое обобщение о зле нарушения закона и насилия над женщинами; но для одного сурового слова протеста против насилия над женщинами и перерезания им горла в протоколах негритянских собраний можно найти множество резолюций против нападения толпы на преступника. Что же касается серьезных и решительных усилий по борьбе с преступлением, которое сегодня чернит доброе имя всей негритянской расы и возбуждает против них смертельную и, возможно, неистребимую вражду более сильной расы, то, за исключением высказываний нескольких десятков человек, таких как Букер Т. Вашингтон, который всегда выступает за правое дело, Ганнибал Томас и епископ Тернер, от них не осталось и следа. Крестовый поход против линчевания проповедовался даже в Англии; но против изнасилования и разрывания на куски белых женщин и детей не было предпринято ни одной попытки.

К счастью, есть элемент здравомыслящих, законопослушных негров, представителей старого негритюда, которые без парада выступают за хороший порядок и делают все возможное, чтобы подавить беззаконие среди своего народа. Если бы не этот класс и не те добрые отношения, которые сохраняются между ними и белыми, ситуация на Юге давно бы стала невыносимой. Однако эти люди, как правило, не входят в число лидеров, и, к сожалению, их влияние не настолько велико, чтобы противостоять дурному влиянию, которое приводит к таким фатальным результатам.

Тот, кто читает высказывания негритянских ораторов, редакторов и проповедников на тему линчевания, и кто знает негритянскую расу, не может сомневаться, что в основе своей они, как правило, сочувствуют "жертве" толпы, а не ее жертве.

Можно бесконечно принимать осуждающие резолюции, а газеты могут восторженно писать о возвращении к варварству, которое проявляется в преобладании духа толпы. Но можно с уверенностью утверждать, что пока негры не создадут среди себя здоровое общественное мнение, которое, вместо того чтобы поощрять, будет порицать и сурово пресекать преступление нападения на женщин и детей, это преступление никогда не будет искоренено, и пока это преступление не будет остановлено, преступление линчевания никогда не будет искоренено. С линчеванием никогда не удастся покончить, пока белые сочувствуют линчевателям, как и с изнасилованием, пока негры сочувствуют изнасилователям. Когда негры перестанут направлять все свои силы на укрывательство и оправдание негров, независимо от того, какое преступление они совершили против белых, и будут различать законопослушного негра и нарушителя закона, будет сделан большой шаг.

Если бы негры твердо и добросовестно взялись за предотвращение преступления изнасилования представителями этой расы, его можно было бы искоренить. Если бы белые настроились против линчевания, оно было бы прекращено. И хотя в настоящее время самосуд не ограничивается наказанием за это преступление, именно это преступление дает единственное оправдание самосуду. Значит, средство защиты простое. Пусть негры возьмут на себя ответственность за преступление изнасилования и решительно избавятся от него, а белые возьмут на себя ответственность за преступление линчевания и избавятся от него. Настало время, чтобы расы взялись за дело; ведь с нациями, как и с отдельными людьми, что посеешь, то и пожнешь".

Писатель убежден, что арест и быстрая передача негров в руки закона за нападение на белых женщин сделают больше для прекращения изнасилования и восстановления дружеских отношений между двумя расами, чем все резолюции всех съездов и все проповеди всех политиков.

В разных штатах пытались положить конец самосудам, сделав округ, в котором происходит самосуд, ответственным за возмещение ущерба, причиненного преступлением. Это хорошая теория; и если она не сработала, то только из-за сложности выполнения этого положения. Если бы был разработан план по защите каждой расы от преступлений, к которым она склонна, изнасилования и самосуды можно было бы уменьшить, если не полностью предотвратить.

Практическое применение такого принципа затруднительно, но, возможно, и не невозможно. Вполне возможно, что в каждой общине негры могут быть назначены служителями закона, чтобы следить исключительно за нарушителями закона своей расы. Англичане на Востоке прекрасно справляются с подобными вопросами в не менее сложных и деликатных условиях. Например, на острове Мальта, где население состоит из разных классов, между которыми существует определенная ревность, существует несколько классов полиции: морская полиция, военная полиция и гражданская или муниципальная полиция. Каждому из них вменяется в обязанность следить за одним из трех классов, из которых состоит население острова. В Гонконге, где ситуация еще более деликатная, существует несколько классов полиции: английская, китайская и индийская. Только первая из них имеет право производить общие аресты; остальные имеют полномочия, связанные исключительно с поддержанием порядка в расах, к которым они принадлежат, хотя в любом случае они могут быть призваны на помощь английской полиции.

Точно так же негры могут быть наделены в пределах своей провинции полномочиями, достаточно полными для того, чтобы они могли поддерживать порядок среди своего народа, и, с другой стороны, они могут нести определенную ответственность за этот порядок. Можно даже потребовать, чтобы каждый человек был внесен в список и постоянно отслеживался, как это делается в Германии в настоящее время. Недавние законы о бродягах в Джорджии, где негров больше, чем на всем Севере, представляют собой попытку в этом направлении.

Кроме того, белым чиновникам, отвечающим за порядок в округе или городе, можно было бы предоставить более широкие полномочия по вызову *особей*, а также установить для них высокую ответственность. Например, в качестве наказания за увод людей из-под их контроля можно было бы предусмотреть *фактическую* конфискацию служебного залога и отстранение от должности с вечной невозможностью снова занимать какой-либо пост.

Не так уж много негров будет совершать изнасилования, если наиболее влиятельным представителям расы будет поручено следить за порядком в каждой общине; и не так уж много линчеваний будет происходить, по крайней мере после того, как заключенные окажутся в руках служителей закона, если эти служители за сам факт выдачи заключенных будут лишены права когда-либо снова занимать должность.

Эти предложения могут быть столь же утопичны, как и другие, которые были высказаны; но если они не могут быть осуществлены, то это потому, что изнасилования неграми и убийства толпой уходят корнями так глубоко в расовые инстинкты, что ничто не может их искоренить, и в таком случае конечным вопросом будет обращение к последнему испытанию силы, которая, в конечном счете, лежит в основе всего.

ССЫЛКИ:

[39] Интересная статья о "Законе Линча" Альберта Мэтьюса из Бостона была опубликована в "Нейшн" 4 декабря 1902 года. Мистер Мэтьюс, приведя многочисленные предполагаемые производные термина и перечислив около десятка случаев, когда "закон Линча" применялся (его первая ссылка - на "Жизнь Патрика Генри" Вирта, 1818, стр. 372), излагает свои выводы следующим образом:

"Из этих доказательств и других материалов, имеющихся в моем распоряжении, следует, что первоначально термин был "Закон Линча"; что вскоре он был сокращен до "Закона Линча (или Линча)", а затем до "Линча"; что первоначально "Закон Линча" был поркой или другим личным наказанием; что закон Линча первоначально применялся только в пограничных поселениях, где отправление правосудия было или предполагалось неопределенным; что в первые дни существования закона Линча иногда наказывали невинных людей, и иски о возмещении ущерба были далеко не безызвестны; что около 1830 года писатели считали, что эта практика идет на убыль и, вероятно, скоро исчезнет совсем; что примерно до 1835 года жертвами закона Линча становились, как правило, белые, иногда индейцы, но никогда не негры; что вскоре после 1830 года произошло возрождение закона Линча, вызванное агитацией против рабства, и эта практика распространилась по всей стране; В 1830-1840 годах термин "линч" претерпел изменения в значении, и "линчевать" стало означать предавать смерти; в этот же период впервые линчевали негров; около 1835 года мы впервые слышим о "судье Линче"; в последние годы линчевание в основном, но далеко не полностью, ограничивалось неграми на Юге и Западе. Кроме того, оказывается, что существует прямая историческая связь между убийством негра в высокоцивилизованном обществе в 1902 году и поркой белого человека на границе в 1817 году. Шаг за шагом незаконные порки 1817 года привели к незаконным сожжениям заживо 1902 года. Короче говоря, чем более цивилизованной становилась страна, тем более жестокими были наказания по закону Линча".

[40] В 1901 году были линчеваны один индеец и один китаец.

[41] В 1902 году был линчеван один индеец.

[42] Интересное исследование ранней истории линчевания и его причин см. в примечании, с. 86.

[43] О бесчинствах в Арканзасе см. раздел "Война Брукса и Бакстера".

[44] Мистер Мэтьюс отмечает, что, хотя изнасилования существовали и были часто законодательно запрещены в колониальный период, он не может найти ни одного случая незаконного наказания за это преступление в период с 1676 по 1825 год.

[45] Примечательно, что на крупных плантациях, где негры, хотя и в большом количестве, все еще находятся на положении старых плантаторских слуг, преступление в виде нападения почти неизвестно.

[46] Следующая таблица взята из газеты "Чикаго Трибьюн". Число законных казней в 1900 году составило 118, по сравнению с 131 в 1899 году, 109 в 1898 году, 128 в 1897 году, 122 в 1896 году, 132 в 1895 году, 132 в 1894 году, 126 в 1893 году и 107 в 1892 году. В 1900 году в нескольких штатах и территориях были приведены в исполнение следующие смертные приговоры:

Алабама	4	Нью-Йорк	3
Арканзас	0	Невада	0
Калифорния	5	Северная Каролина	9
Колорадо	0	Северная Дакота	1
Коннектикут	1	Огайо	1
Делавэр	0	Орегон	1
Флорида	1	Пенсильвания	15
Джорджия	14	Род-Айленд	0
Айдахо	2	Южная Каролина	3
Иллинойс	0	Южная Дакота	0
Индиана	0	Теннесси	4
Айова	0	Техас	18
Канзас	0	Вермонт	0
Кентукки	0	Вирджиния	7
Луизиана	6	Западная Вирджиния	0
Мэн	0	Висконсин	0
Мэриленд	3	Вайоминг	0
Массачусетс	0	Вашингтон	2
Мичиган	0	Аризона	4
Миннесота	0	Округ Колумбия	3
Миссисипи	1	Нью-Мексико	0
Миссури	3	Юта	0
Монтана	3	Индейская территория	0
Небраска	0	Оклахома	0
Нью-Джерси	4	Аляска	0
Нью-Гэмпшир	0		

На Юге было повешено 80 человек, на Севере - 39, из них 60 белых, 58 черных и один китаец. Преступления, за которые они были казнены: убийство - 113, изнасилование - 5, поджог - 1. Таким образом, из 119 повешенных около двух третей (80) пришлось на Юг и одна треть (39) -

на Север; около половины (60) от общего числа - на белых, а половина (58) - на черных. Таким образом, Юг, похоже, внес свою лепту в дело наказания как законом, так и насилием".

[47] См. "Американский негр" Уильяма Ганнибала Томаса, стр. 65, 177.

ГЛАВА V

ЧАСТИЧНОЕ ЛИШЕНИЕ НЕГРОВ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Среди различных факторов, способствовавших возобновлению негритянского вопроса в последние год-два, видное место занимает движение на Юге, направленное на лишение прав невежественного элемента негритянской расы. Обычно это называют "лишением негров избирательных прав". Но хотя цель движения откровенно состоит в том, чтобы лишить права голоса большой невежественный элемент этой расы, в то время как невежественному элементу среди белых оставляют право голоса, этот термин отнюдь не точен.

Мало что встречается реже, но нет ничего более важного, чем точность в определениях. В рассматриваемом нами вопросе существует много заблуждений относительно масштабов лишения избирательных прав, и, возможно, еще больше - относительно его последствий.

Пачки бумаги были исписаны яростными обличениями; были поданы апелляции в суды; угрожали южным штатам сократить их представительство в Конгрессе, и все же движение продолжалось под руководством самых просвещенных и консервативных людей Юга. И, насколько удалось проверить, оно осуществлялось законными методами.

Пункты о лишении избирательных прав не только вызвали взрыв негодования со стороны политиков, белых и цветных, и доктринеров, воспитанных на враждебности к Югу, но и вызвали неблагоприятные комментарии даже среди достаточно дружелюбно настроенных к Югу людей, которые, признавая, что прежний "эксперимент" оказался катастрофически неудачным для Юга, все же считают, что по отношению к остальной части страны допущена явная несправедливость, поскольку одна из ее частей имеет представительство в Конгрессе, которое, судя по поданным за нее голосам, превышает то, которое имеет остальная часть страны.

Необычная особенность этого случая заключается в том, что разделение мнений "за" или "против" этой меры обусловлено не столько партийной принадлежностью, сколько знакомством с условиями, которые привели к изменениям в конституциях южных штатов.

В течение последнего года человек с национальной репутацией, джентльмен с высоким положением, широкими симпатиями и большой образованностью, [48] чьи приверженцы принадлежат к партии, доминирующей на Юге, в своем выступлении перед Конференцией суфражистов Новой Англии горячо одобрил меры Таддеуса Стивенса по реконструкции, отменяющие гражданские правительства на Юге, ставящие южные штаты под военный контроль и предусматривающие систему реконструкции Конгресса, основанную на избирательном праве негров. "Принятая в итоге мера, - говорит он, - была вызвана доказанной необходимостью. Таким образом, и только таким образом, можно было защитить жизни цветного населения и белых членов Союза. Им нужно было любое оружие, которое мы могли бы дать им в руки, и это оружие было одним из них".

В этом заявлении четко прослеживается основная ошибка, которая лежит в основе всех остальных. Она заключается в том, что негру нужно "оружие", с помощью которого он мог бы противостоять белым, и что "мы" должны вложить его в его руки.

Еще один джентльмен с разнообразным опытом и обширными общими знаниями, [49] чьи приверженцы иногда принадлежали к одной партии, недавно опубликовал статью, написанную со всем его известным умением, основанную, однако, в основном на исследовании условий на Юге, которое он сделал во время быстрого тура в 1865 году. Ни один из этих джентльменов не пополнил свои знания по негритянскому вопросу с тех пор. То, что люди такого положения, как эти джентльмены, могут в наши дни действительно верить в изложенные ими факты, свидетельствует о безнадёжности того, что этот вопрос когда-либо будет ясно рассмотрен большим числом благонамеренных людей.

Оружие, которым сторонник всеобщего избирательного права аплодирует себе за то, что помог вложить его в руки негра, было уничтожено. Это был факел, вложенный в руки ребенка, с которым он опустошил все вокруг и втянул себя во всеобщее пламя.

К счастью, этот несколько устаревший взгляд на условия на Юге не является взглядом всей массы американского народа, который хоть немного знаком с этой темой, или той его части, которая имела опыт работы в условиях, существовавших при негритянском режиме.

Среди белых республиканцев Юга есть достойные представители, которые отказались от этой идеи. Один из самых выдающихся и вдумчивых северян в стране, республиканец со стажем, человек с одобрением относящийся к республиканцам, не так давно заявил в ведущем республиканском клубе страны, что "эксперимент, начатый с таким энтузиазмом", несомненно, оказался неудачным.

Оглядываясь на этот период, непредубежденный студент не сможет не увидеть, что каковы бы ни были мотивы, результат, как заявил мистер Рот в клубе Лиги Союза, был жалким провалом, катастрофическим для обеих рас. Юг был опустошен и унижен до невероятия; негры были безнадежно введены в заблуждение в вопросах, где правильное направление было жизненно необходимо для их постоянного прогресса. Следствием этого стало буйство гражданского разврата, которое должно принести позор каждому честному человеку африканской расы и всегда будет препятствовать возможности негритянского господства в будущем". [50]

Независимо от того, признается это или нет, вся страна в долгу перед южным народом, который до конца противостоял политике заблуждающихся фанатиков и политиков, которые хотели окончательно поставить Юг под негритянское господство. Если бы не решимость и постоянство белых южан, шестая часть существовавших тогда штатов Союза стала бы негритянской, и, возможно, к настоящему времени мы имели бы несколько штатов Союза, по сути, таких же, как Санто-Доминго сегодня.

По мере того, как все чаще приходит осознание того, что "эксперимент", на который с таким энтузиазмом пошли поколение назад, вооружив негров "оружием" избирательного права, оказался катастрофически неудачным, постепенно приходит и понимание того, что образование, на которое было потрачено столько денег, как государственных, так и частных, и столько заботы, не только не принесло ожидаемых результатов, но и оказалось абсолютно провальным, если говорить о широких слоях населения. Негры в целом и доктринеры не согласятся с этим, но, тем не менее, это признают те, кто лучше всех знает негров и обладает достаточной широтой знаний, чтобы смотреть на вещи так, как они есть. Самый здравомыслящий и широко мыслящий из негритянских лидеров современности признал

это, и основой его успеха является признание этого - признание этого им самим и признание этого белыми Юга, которые, благодаря этому, поддерживают его своей симпатией и помощью. Именно благодаря этому Букер Т. Вашингтон стал лучшим доказательством того, что может дать негритянская раса в ее лучших проявлениях, и самым неоспоримым аргументом, приведенным со времен войны, в пользу ценности негритянского образования.

Он считает, что негров в целом нужно учить, прежде всего, работать; что для начала их нужно сделать квалифицированными рабочими и ремесленниками, и тогда они смогут развиваться сами. Этот принцип, хотя и здравый, решительно отвергается значительным элементом среди более продвинутых негров. А беспорядки в бостонской церкви в июле 1903 года, когда директор Таскиги выступал с речью о промышленном обучении негров, были спровоцированы образованным элементом, который верит в агитацию, а не в мирные и рациональные методы директора Вашингтона. Последние исходят из теории, что в целом образование негров, проводившееся до сих пор, не было успешным. Приверженцы другой точки зрения, напротив, утверждают, что образование было заметно успешным и что негр во всех отношениях равен белому. А для доказательства своей правоты они используют красный перец и бритвы.

В рамках данной статьи невозможно даже бегло обсудить сравнительное равенство двух рас. Однако можно утверждать, что, несмотря на исключительные случаи, аргументы Юга основываются на очевидной неполноценности негритянской расы по отношению к белой. Ее превосходство - догма белой расы, где бы она ни утвердилась, и, без сомнения, как недавно отметил мистер Чемберлен в своем выступлении в Бирмингеме, это глубокое убеждение было одним из источников ее силы.

Негритянской расе был нанесен большой вред из-за неверно направленного рвения тех, кто постоянно твердит о своем праве на равенство с белыми.

В 1865 году, когда негр был освобожден, он безраздельно владел всей сферой промышленного труда на Юге. Девяносто пять процентов всей промышленной работы южных штатов находилось в его руках. И он был полностью компетентен в этом деле. Каждый взрослый был либо квалифицированным рабочим, либо обученным механиком. Это было ложное учение о равенстве, которое заставило его отказаться от сути ради тени. Сегодня их мудрейший лидер пытается подражать своему великому учителю, Армстронгу, и вернуть их на поле, которое они так легкомысленно покинули. Люди, которые равны с другими, не пытаются постоянно утверждать это. Они доказывают свое равенство плодами своего интеллекта и характера. Среди белых бедный класс не постоянно твердит и принимает резолюции о своем равенстве с другими классами, так же как и обеспеченный класс не постоянно настаивает на своем равенстве с богатым классом. Они знают, что равны, если не превосходят, и не чувствуют себя обязанными постоянно оскорбительно заявлять об этом. То же самое можно сказать и о самых образованных, самых воспитанных и самых достойных неграх. Именно откровенные демагоги и "болтливые" негры - термин, который был хорошо известен в период рабства, - в основном слышны на эту тему. К счастью для негров, большая их часть отошла от борьбы за политическую власть и, за исключением тех случаев, когда их возбуждают агитаторы, живет достаточно гармонично с белыми; а трудолюбивые элементы экономят и строят себе дома.

Однако в то время как основная масса негров занимается своими делами в добродушном довольстве, в целом находясь в хороших отношениях с людьми, от дружбы которых они больше всего зависят, так называемые "лидеры" и их так называемые "друзья" тратят свое

время на то, чтобы разжигать их, принимать громкие резолюции, утверждать свое равенство и призывать всех за пределами Юга помочь им его установить.

Обычно говорят, что у негра "отняли голос", причем эта формула одинаково применима независимо от того, лишен ли он права голоса в результате незаконного действия одного или нескольких человек или в результате самого торжественного акта, который может совершить народ, - принятия должным образом принятой конституции.

В начале обсуждения этого вопроса было бы неплохо обратить внимание на факт, который обычно упускается из виду: право голоса не является неотъемлемым правом. Оно является привилегией, предоставляемой на основании позитивного акта гражданам, обладающим определенными квалификационными характеристиками.

Кроме того, право определять квалификацию избирательного права, то есть объявлять, при каких условиях гражданин должен воспользоваться избирательным правом, принадлежит нескольким штатам; единственным ограничением этого являются прямые ограничения, содержащиеся в Конституции Соединенных Штатов, относящиеся к данному вопросу. Если штат должным образом принимает закон, он действует до тех пор, пока он не будет изменен законом или не будет признан недействительным соответствующим судом компетентной юрисдикции. До тех пор его положения являются законом.

Нет необходимости углубляться в историю Четырнадцатой и Пятнадцатой поправок. Они были порождением невежества и страсти. Они были приняты отчасти для того, чтобы наказать Юг, отчасти для того, чтобы вооружить негров оружием, которое позволило бы им держать себя в руках против белых, а отчасти для того, чтобы увековечить господство радикального крыла Республиканской партии.

До войны и даже в течение некоторого времени после нее идея наделения негров избирательным правом не вызывала серьезных опасений у значительной части американского народа.

Во время дебатов с Дугласом мистер Линкольн снова и снова заявлял о своем неприятии этой идеи. В одной из своих речей он сказал: "Я не выступаю и никогда не выступал за достижение социального и политического равенства белой и черной рас; я не выступаю и никогда не выступал за то, чтобы негры становились избирателями или присяжными, не давали им права занимать должности или вступать в браки с белыми людьми; и в дополнение скажу, что между белой и черной расами существует физическое различие, которое, как я полагаю, никогда не позволит двум расам жить вместе на условиях социального и политического равенства".

Эту декларацию он повторил в речи, произнесенной в Колумбусе. Дальше всего в пользу допуска негров к избирательному праву он зашел 13 марта 1864 года, когда в письме к своему временному губернатору в Луизиане, губернатору Хану, он сказал: "Я едва предлагаю на ваше личное рассмотрение вопрос о том, нельзя ли допустить к голосованию некоторых цветных: например, очень умных и особенно тех, кто так доблестно сражался в наших рядах".

Из тридцати четырех штатов, образовавших Союз в январе 1861 года, тридцать исключали негров из избирательного права на основании конституционных положений; в то время как в четырех штатах, конституции которых не содержали таких положений - Нью-Йорке, Вермонте, Массачусетсе и Нью-Гэмпшире - из-за малого количества негров среди их населения, а также имущественного и образовательного ценза, голоса негров были настолько малы, что их количество было ничтожно. [51]

Противодействие всеобщему избирательному праву негров было настолько велико на Севере во время агитации вопроса, который впоследствии был воплощен в Пятнадцатой поправке, что, исключая вынужденное согласие южных штатов, она была представлена на рассмотрение народа и потерпела поражение во всех штатах, кроме Айовы и Миннесоты. [52] После принятия поправки другие штаты проголосовали за нее.

Вероятно, если бы Юг не был столь непримиримым в вопросах, касающихся негров, допуск негров к избирательному праву проходил бы по линии, предложенной г-ном Линкольном губернатору Хану. Но в то время считалось необходимым усмирить Юг, хотя бы и с помощью небес. Более того, существовала серьезная опасность, что Юг может снова удержать баланс сил в Национальном собрании. С суровой и безрассудной решимостью непримиримые лидеры радикального крыла доминирующей партии создали то, что один из них назвал силой "вечных союзников".

Приученные годами рабства следовать примеру своих хозяев и достаточно хорошо умеющие подражать, эти союзники рабски следовали указаниям своих новых лидеров. Совершенно естественно, что в то время они должны были безоговорочно отдаться представителям тех организаций, которые их освободили, которые за них выступали и которые сулили им такие блестящие награды, как полное равенство с бывшими хозяевами и, наконец, господство над ними. Возможно, не было ничего противоестественного в том, что они с беспримерным легковерием следовали за самыми беспринципными из этих представителей, которые неуклонно предлагали им все большие и большие вознаграждения.

Как бы то ни было, такова была история реализации избирательного права. С помощью избирательного бюллетеня негр вскоре превзошел все ожидания самых отчаянных сторонников негритянского избирательного права. Лишь исключительная стойкость белых южан спасла южные штаты.

С этого момента каждый вопрос стал расовым, и до сих пор не возникает ни одного вопроса, который бы не рассматривался неграми с расовой точки зрения. Можно утверждать, что это вполне естественно. Но тот факт, что это так, является лучшим аргументом в пользу взглядов Юга.

Несколько любопытным, если не сказать уместным, является тот факт, что в месте, где избирательное право негров было впервые установлено законом Конгресса, - округе Колумбия (где оно было установлено законом от 8 января 1867 года), который всегда находился под прямым контролем национального правительства, - последующие условия стали настолько невыносимыми, что было сочтено необходимым полностью отказаться от избирательного права.

Все прошедшие годы сохранялось то же несчастное положение. Негры по-прежнему сплоченно выступали против белых. Эта солидарность фактически не позволяла белым разделить ни по одному из великих экономических вопросов того времени. Для решения этой проблемы использовались один метод за другим. Временами открыто прибегали к силе, чтобы предотвратить повторение условий, которые делали жизнь невыносимой; временами в моду входили изменения, которые никто не пытался оправдать, кроме как аргументами необходимости - например, система отдельных урн для голосования для каждого кандидата с целью их переноса; система "понимающих оговорок", применяемых неравномерно; система вброса бюллетеней; система подкупа, как лидеров, так и отдельных лиц.

В некоторых местах всерьез обсуждался вопрос, что хуже - сила или обман, причем необходимость того или другого просто предполагалась. В других местах некоторые негры по сути продавали свои голоса с аукциона. [53]

Результатом таких условий стал отход многих лучших людей Юга от участия в государственных делах, отказ Юга от должного участия во всех других вопросах национальной жизни, угроза разврата общественной морали.

При таком плачевном положении дел южане решили законодательно устранить, насколько это возможно, невежественный негритянский голос. Насколько всеобщим было убеждение в его необходимости, можно судить по тому факту, что попытка его осуществления была предпринята почти во всех штатах Юга. Насколько это законно - вопрос для Верховного суда Соединенных Штатов.

За новым движением следуют строгие законы, направленные против любого разврата при голосовании.

Однако, как бы ни считал Юг необходимым это движение, возможно, ничто в последнее время не способствовало пробуждению чувств на Севере больше, чем небольшое количество голосов, поданных в последней секции. Создается впечатление, что Север считает себя дискриминированным и, следовательно, ущемленным этим действием. Постоянно звучат обвинения в том, что благодаря этому лишению избирательных прав Юг имеет большее представительство, чем Север.

Эта идея была недавно изложена в статье одного из ведущих журналов, который, признавая, что закон не был нарушен, все же зашел так далеко, что предложил принять шестнадцатую поправку к Конституции Соединенных Штатов, чтобы исправить это неравенство. Это предложение, по-видимому, основано на неверном представлении об основном законе. Представительство распределяется законом в зависимости от численности населения, а не от числа избирателей, и каждый штат имеет абсолютное право устанавливать высокий или иной квалификационный ценз для получения избирательного права, подчиняясь лишь ограничениям, содержащимся в поправках к Конституции.

Создается впечатление, что Юг, не нарушая поправок, каким-то образом, доказывая, что они не распространяются на данный случай, обеспечил себе неоправданное преимущество перед Севером. Однако трудно понять, как это может быть преимуществом, когда штат, действуя в рамках закона, просто сокращает список избирателей. Каким образом Северная Каролина, в которой в 1880 году проголосовало 81% избирателей, пострадала от того, что Массачусетс на этих выборах проголосовал только 56% избирателей; или каким образом Южная Каролина, которой в том году проголосовало 82% всех избирателей, пострадала от того, что Род-Айленд проголосовал только 37%? Каким образом Делавэр, который не требует никаких квалификационных требований для получения избирательного права, за исключением того, что избиратель-резидент должен заплатить регистрационный взнос в размере 1 доллара, будет дискриминирован тем, что Калифорния предусматривает, что голосовать может только тот, кто может прочитать Конституцию на английском языке и написать свое имя; или как жители Колорадо, где женщины, так же как и мужчины, голосуют, пострадают от того, что в Массачусетсе и Вирджинии голосуют только мужчины?

И все же, как бы ни казалось это очевидным, действия южных штатов, несомненно, вызвали на Севере чувство, что северяне каким-то образом пострадали от этого.

Было предложено сократить представительство южных штатов в Конгрессе, и в Конгресс были внесены резолюции, направленные на реализацию этой идеи. Возможно, движение было не таким серьезным, как кажется. Однако по своим последствиям оно уже было достаточно серьезным, чтобы привести негров в состояние новой агрессивности.

Это предложение, которое должно быть частично монетарным, а частично карательным, горячо поддерживается большинством, если не всеми негритянскими лидерами и их друзьями-доктринерами.

Несомненно, против него решительно выступит большинство белого населения Юга и, возможно, некоторые из более дальновидных друзей негритянской расы за пределами Юга, которые, глядя немного дальше непосредственного лишения права голоса невежественных негров, видят, что конечным результатом будет создание общей и беспристрастной избирательной системы, основанной на лишении права голоса невежества и порока.

Прежде чем претворять это предложение в жизнь, его сторонникам следовало бы рассмотреть некоторые факты.

Прежде всего, возникает серьезный вопрос, является ли раздел Четырнадцатой поправки к федеральной Конституции, на котором должно основываться такое действие, действительным в настоящее время или он не был отменен Пятнадцатой поправкой к Конституции, которая запрещает лишение избирательных прав по признаку расы, цвета кожи и т.д. Последняя точка зрения была принята и умело аргументирована в недавней известной речи, произнесенной в Олбани в июне 1903 года Чарльзом А. Гардинером, эсквайром из Нью-Йорка, перед сорок первым ежегодным созывом Университета штата Нью-Йорк. Он утверждает, что "штат может дискриминировать избирательное право негров только органическим или статутным законом", и что прежде чем Конгресс сможет наказать штат, такой закон должен быть принят, и он должен быть действительным. Но (утверждает он) с момента принятия Пятнадцатой поправки ни один закон, нарушающий ее положения, не может быть действительным. Он был бы не просто недействительным, а недействительным *ab initio*. "А недействительный закон - это не закон". [54]

Но даже если предположить, что Конгресс может иметь право сократить представительство по нынешнему закону, возникает вопрос, дают ли положения новой Конституции о лишении избирательных прав в южных штатах какую-либо основу для такой попытки сокращения их представительства.

Квалификационные требования для голосования в различных штатах Юга, как представляется, не являются какими-либо неправильными с точки зрения их конституций. Обвинения в их неправильности основаны исключительно на том факте, что они лишают права голоса больше представителей одного класса граждан, чем других.

Согласно таблице "Квалификационные требования для голосования в каждом штате Союза", опубликованной во Всемирном альманахе за 1904 год, и, "сообщенной ему" и исправленной на сегодняшний день "генеральными прокурорами соответствующих штатов", во всех штатах, кроме двух Каролин, действует "Закон об австралийских бюллетенях" или его модификация, и все штаты требуют, чтобы "избиратели были гражданами штата или Соединенных Штатов, или иностранцами, заявившими о намерении стать натурализованными"; И все штаты, кроме Мэна, Массачусетса, Мичигана, Нью-Гэмпшира и

Вермонта, исключают из избирательного права лиц, осужденных за преступление или позорное преступление, если они не помилованы.

Кроме того, как правило, исключаются нищие и лица, *не являющиеся дееспособными*. Эти положения носят общий характер.

Арканзас, однако, исключает из избирательного права тех, кто не уплатил налог на голосование. Калифорния исключает всех, кто не в состоянии прочитать Конституцию на английском языке и написать свое имя. В Коннектикуте для получения гражданства требуется, чтобы человек был гражданином США и умел читать по-английски. Делавэр требует уплаты регистрационного сбора в размере 1 доллара; Джорджия - уплаты всех налогов с 1877 года. Луизиана допускает только тех, кто умеет читать и писать, или владеет имуществом стоимостью 300 долларов, оцененным на их имя, или чей отец или дед имел право голоса на 1 января 1867 года. (Последнее - знаменитая "Клаузула Скво"). В Массачусетс допускаются только те, кто умеет читать и писать. Миссисипи допускает к голосованию только тех, кто может прочитать или понять Конституцию. Миссури требует, чтобы избиратели заплатили налог за текущий год. Пенсильвания требует, чтобы избиратель, которому двадцать два года или больше, заплатил налоги в течение двух лет. Южная Каролина требует, чтобы избиратель за шесть месяцев до выборов уплатил все причитающиеся налоги, а также мог прочитать и написать любой раздел Конституции штата или доказать, что он владеет имуществом и уплатил за предыдущий год все налоги на имущество в штате, оцененное в 300 долларов и более.

Теннесси требует, чтобы избиратель уплатил налог на голосование за предыдущий год. Вермонт исключает из избирательного права "тех, кто не получил одобрения местного совета гражданской власти".

В Вирджинии до 1904 года квалификация для регистрации была следующей: "Во-первых, человек, который до принятия Конституции служил во время войны в армии или флоте Соединенных Штатов или Конфедеративных Штатов, или любом штате Соединенных Штатов или Конфедеративных Штатов; или, во-вторых, сын любого такого человека; или, в-третьих, человек, владеющий имуществом, по которому в год, предшествующий тому, в котором он предлагает зарегистрироваться, были уплачены налоги штата на общую сумму не менее 1 долл; или, в-четвертых, лицо, способное прочесть любой раздел Конституции, представленный ему должностными лицами по регистрации, и дать разумное объяснение этого раздела, или, если оно не способно прочесть такой раздел, способно понять и дать разумное объяснение этого раздела, когда он будет прочитан ему должностными лицами." Те, кто зарегистрировался до 1904 года, составляют постоянный список. После 1904 года пункт о сыне солдата и пункт о понимании отменяются, и необходимо платить налог на голосование.

Таким образом, можно увидеть, что Арканзас, Миссури, Южная Каролина и Теннесси требуют предварительной оплаты налога, в то время как Делавэр требует уплаты регистрационного сбора в размере 1 долл; В Южной Каролине и Луизиане, как и в Калифорнии, избиратель должен уметь читать и писать, а в Виргинии, как и в Миссисипи, он обязан только уметь читать или понимать Конституцию, когда ему ее читают, хотя в Виргинии это последнее требование действует только два года, а после двух лет избиратель должен уметь читать и писать.

Луизиана исключает тех, чей отец или дед имел право голоса на 1 января 1867 года, а Вирджиния до 1904 года исключала тех, кто был солдатом или моряком, или чьи отцы служили солдатами или моряками во время войны.

В Вермонте, с другой стороны, существует единственное требование, согласно которому избиратель должен "получить одобрение местного совета гражданской власти" - требование, которое, казалось бы, ставит квалификацию в полную зависимость от партии, находящейся у власти.

Несмотря на то, что представительство в Конгрессе южных штатов в настоящее время, как представляется, больше, чем им полагается по результатам голосования, это неравенство ни в коем случае не является таким реальным, как кажется, и не превышает того, которое существует между некоторыми восточными и западными штатами. [55]

Тот же уважаемый член Нью-Йоркской коллегии адвокатов, которого мы уже цитировали, хорошо показал, что "неравенство между южными штатами, где невежественное голосование негров было практически ликвидировано, и восточными штатами, хотя и является вопиющим, меньше, чем между восточными и некоторыми западными штатами". Например, "голос Род-Айленда в 1,59 раза больше, чем Алабамы, но голос Южной Дакоты в 3,39 раза больше, чем Род-Айленда. Голос Вермонта в 2,22 раза больше, чем голос Флориды, но голос Юты в 3,01 раза больше, чем голос Вермонта. Показатель штата Мэн в 2,36 раза больше, чем показатель штата Джорджия, но показатель штата Колорадо в 3,48 раза больше, чем показатель штата Мэн". [56]

Приведенные цифры не дают представления о силе голосов южан. Малое количество голосов в южных штатах отчасти объясняется тем, что господство одной политической партии настолько велико, что избиратели не считают нужным посещать избирательные участки.

Далее, хотя было откровенно признано, что мотивом пунктов о лишении избирательных прав было лишение права голоса невежественных цветных, в то время как невежественные белые голоса допускались на некоторое время, если избиратели или их отцы были солдатами, это лишь временное неравенство; а то, что невежественные цветные голоса не подпадают под дедушкину оговорку или другие спасительные пункты, - это случайность времени. Через сравнительно короткое время действие этих спасительных оговорок сойдет на нет, и избирательное право будет основываться исключительно на образовательном или имущественном цензе".

В статье "Негритянское избирательное право на Юге", опубликованной в "The Outlook" от 13 июня 1903 года, говорится: "Насколько они исключают его (негра) в действительности? Отвечая на этот вопрос, читатель должен отметить, что в трех штатах - Алабаме, Южной Каролине и Вирджинии - негр, обладающий имуществом стоимостью до 300 долларов и заплативший налоги, может голосовать. Он может не уметь читать и писать, он может не понимать Конституцию, когда ему ее читают. Но если у него есть промышленность, трезвость, бережливость, которые позволили ему накопить налогооблагаемую собственность на сумму 300 долларов, он имеет право голоса. Сколько негров на Юге допущено к голосованию в соответствии с этим положением, мы не можем знать. По оценкам, общее количество личной и недвижимой собственности негров в южных штатах достигает 300 000 000 долларов. Официально сообщается, что в Виргинии они владеют одной двадцатью шестой частью всей земли в штате. Эти факты, казалось бы, свидетельствуют о том, что в южных штатах к голосованию допускается немалое число негров по имущественному цензу. С другой стороны, значительная часть белого населения была лишена избирательных прав в соответствии с этим пунктом об имущественном цензе. Как сообщил нам корреспондент с Юга, , чьи знакомства оправдывают наше доверие к его

заявлению, в Алабаме около пятидесяти тысяч белых мужчин, согласно практическому действию Конституции, были лишены избирательных прав из-за неуплаты налогов или по другим статьям".

Не лишним будет задуматься и о том, как такая карательная мера отразится на будущем самого негра. Принятие этой меры означало бы нарушение единственного принципа, на котором должно быть основано постоянное продвижение негритянской расы. Это признание, даже в этот поздний час, негром того, что он должен стоять на своих собственных достоинствах и должен быть предоставлен самому себе в политическом, а также экономическом плане. Принятие этой идеи введет его в заблуждение, заставив думать, что он все еще является подопечным нации и должен быть поддержан ею независимо от своего поведения - идея, которая может быть отнесена к значительной части всего того, что тормозило продвижение негра в прошлом. Она вновь отвлечет его от путей развития промышленности, на которые его направляют самые мудрые из его друзей. Она вызовет новую враждебность к нему со стороны более сильной расы, от дружбы которой зависит его будущее благополучие.

Наконец, если такая мера будет принята, она может заставить белых Юга сделать то, что они до сих пор упорно отказывались делать - направить деньги, полученные от налогообложения имущества каждой расы, исключительно на образование этой расы. Публично утверждалось и, похоже, в целом считается, что недавние выборы в Миссисипи были в определенной степени реакционными. Основанием для такого предположения является то, что победивший кандидат в губернаторы заявил, что он в определенной степени выступает против продолжения преобладающей системы. Писатель, признавая неутешительные результаты, последовавшие за крупными расходами на образование негров, безмерно сожалеет о любом шаге назад в вопросе образования на Юге. Свет, пусть даже слабый, гораздо лучше тьмы. Нынешняя система образования может быть плохой, но она бесконечно лучше, чем ее отсутствие. Все соображения государственной политики, казалось бы, призывают сохранить ее до тех пор, пока не будет разработана лучшая система. И одно соображение кажется неопровержимым. У негров всегда будут свои лидеры, и лучше, чтобы эти лидеры были просвещенными, а не невежественными. Нет более прискорбного бедствия для Юга, чем в наш век развивающегося просвещения иметь великий класс изгоев, безнадежно и бесповоротно невежественный, созданный в его пределах".

Он считает, что в этом вопросе объединится большая часть вдумчивых южан. Но никто не может предсказать, какой эффект на общественные настроения может произвести крестовый поход против Юга, основанный на его отношении к неграм. Он может смести последние остатки добрых чувств, а вместе с ними и каждый доллар, собранный за счет налогов на имущество белых для образования негров. В настоящее время Юг тратит на образование негров за счет добровольного налогообложения имущества белой расы более пяти с половиной миллионов долларов в год. Было бы плохой сделкой обменять на фикцию права, которое невежество никогда не должно было иметь, оставшуюся добрую волю белых Юга и сумму, которую они ежегодно тратят из своего кармана в попытках поднять негра и подготовить его к осуществлению этого права.

По убеждению писателя, и он дает ему то, чего оно стоит, лишение избирательных прав основной части негритянской расы в южных штатах было мерой крайне необходимой. Он также считает, что это лишение избирательных прав направлено на постоянное благосостояние обеих рас. Оно устраняет на время то, что является главной причиной горечи - горечи, от которой негр страдает больше, чем белый. Она отвлечет негра от той сферы

деятельности, где в своем нынешнем состоянии он оказался неудачником, и позволит ему развиваться в той сфере, где он может быть равным любому другому человеку.

Один из тех, кто серьезно и, по общему мнению, глубоко изучал наше правительство и наш народ, недавно представил свои выводы после изучения условий на Юге, и они в значительной степени совпадают со взглядами более консервативного элемента южных белых. [Мистер Джеймс Брайс утверждает, "что те, кто управляет подвластными расами деспотическими методами... не осознают всех трудностей, возникающих при демократии. Главный пример тому - история южных штатов после Гражданской войны [57].

"Мораль, которую можно извлечь из истории южных штатов, заключается в том, что нельзя, какими бы прекрасными ни были ваши намерения и какими бы восхитительными ни были ваши чувства, принимать законы, не опираясь на факты. Подавляющая часть негров не была пригодна для избирательного права; и в условиях американской федеральной системы было невозможно (не понеся других серьезных бед) предоставить им эффективную защиту при осуществлении избирательного права. Поэтому было бы лучше отложить предоставление этого опасного блага. Верно, что вокруг каждого курса были скалы и мели; верно, что легче осознать зло, причиненное фактически выбранным курсом, чем осознать другое зло, которое могло бы последовать за другим курсом. Тем не менее, общее мнение беспристрастных людей пришло к тому, что действия, предпринятые в 1870 году, были ошибкой.

"Социальные отношения двух рас, которые не могут быть объединены, порождают проблемы еще более сложные, поскольку не могут быть урегулированы законом.

"Огромная проблема, поставленная Южными Штатами Америки, и вероятность того, что подобные проблемы придется решать и в других местах, например, в Южной Африке и на Филиппинских островах, заставляют нас задаться вопросом: каковы должны быть долг и политика доминирующей Расы там, где она не может слиться с отсталой Расой? Долг и политика едины, ибо в равной степени интересах обеих рас, чтобы их отношения были дружественными.

"Ответ, по-видимому, заключается в том, что в том, что касается политических прав, раса и кровь не должны быть основанием для дискриминации. Там, где основная часть цветной расы явно непригодна для политической власти, можно установить квалификацию, основанную на имуществе и образовании, которая позволит высшей части этой расы пользоваться избирательным правом. Такая квалификация, несомненно, исключит некоторых из самых бедных и невежественных белых, и на этом основании может встретить сопротивление. Но лучше смириться с этой трудностью, чем ранить и оттолкнуть от себя всю цветную расу, поставив ее вне поля зрения гражданских функций и обязанностей".

Одной из фундаментальных ошибок было рассмотрение негров как особого класса, который следует рассматривать, обсуждать, принимать законы, оказывать помощь и поддерживать как таковой, а не как обычных человеческих существ, которые, оцениваемые в соответствии с определенными универсальными стандартами, принадлежат к различным классам, в которые эти стандарты поместили бы других членов человеческой семьи. В этом заключалась основная ошибка доктринеров, и, к сожалению, сами негры настолько прочно закрепили эту идею в своем сознании, что уже давно считают свою расу особым видом, который следует рассматривать с совершенно особой точки зрения, судить по другим стандартам и обращаться с ним не так, как со всем остальным миром.

Ничто не может быть более неразумным, потому что ничто так не вводит негров в заблуждение относительно будущего и не способствует сохранению недопонимания, которое преграждает путь к правильному решению вопроса. Негры должны усвоить, что прежде чем претендовать на то, чтобы с ними обращались так же, как с белыми, они сами должны действовать в соответствии с нормами, которые определяют поведение белых.

Если белый человек - грубиян или черномазый, все белые не считают нужным защищать его. Если белый человек совершает преступление, все белые не вступают в сговор, чтобы защитить его и помочь ему избежать наказания закона. Если белого арестовывают, все белые не нападают на офицеров, производящих арест; его оставляют наедине с законом. Если белый человек совершил изнасилование и убийство, а толпа поймала и линчевала его, все белые, как бы они ни сожалели и ни осуждали беззаконие, не считают нужным объявить преступника невиновным и мучеником.

Большой шаг к правильному решению проблемы будет сделан, когда негры будут рассматриваться и считать себя не "единым целым", а отдельными людьми, такими же, как и все остальные члены общества; не как отдельный класс, а как часть различных классов, к которым их относит их моральное, умственное и личное положение; когда их будут оценивать по одним и тем же стандартам и управлять ими по одним и тем же правилам; когда со злодеем будут разбираться как со злодеем; авторитетного человека будут уважать за его хороший характер: иными словами, когда каждый человек будет оцениваться по своим достоинствам и будет стоять или падать на своих собственных показателях. Над этим должны работать обе расы. Это то, чего, по словам более просвещенных негров, они хотят; но, к сожалению, не многие из них, похоже, действуют в соответствии с этим. Их поступки, их речи на афроамериканских собраниях, их газеты, их статьи - все это свидетельствует о том, что те, кто претендует на роль лидеров среди них, рассматривают все вопросы исключительно с расовой точки зрения. Они требуют признания и помощи как негры, произносят подстрекательские речи, призывают Конгресс вмешаться в их дела как таковые, а иногда даже предлагают, в случае если Конгресс не вмешается, обратиться к иностранным государствам.

Стоит отметить, что большинство призывов, обращений, резолюций и других возгласов, которые стремятся взбудоражить негров на Юге, исходят от тех, кто находится за его пределами и, следовательно, не может непосредственно пострадать от угнетения и других безобразий, против которых они протестуют. Таким образом, это чувство носит исключительно расовый характер. В основном же негры на Юге, как представляется, довольно хорошо уживаются с другими своими согражданами; а резолюции и обращения, которые исходят от них, гораздо более умеренны и разумны, чем те, что приходят извне. Сравните, например, обращения и резолюции негритянского съезда, состоявшегося два года назад в Луисвилле, с теми, что были приняты в некоторых северных городах.

После недавней агитации за отмену Пятнадцатой поправки к Конституции Соединенных Штатов в некоторых районах Юга возникли определенные настроения, но они не были настолько сильны, чтобы привести к каким-либо явным, а тем более согласованным попыткам продвинуть такое движение. Напротив, лидеры южан до сих пор решительно сопротивлялись предложению о подобной мере. Одной из причин, несомненно, были практические трудности, связанные с тем, как ее осуществить; но другой причиной было то, что они, как правило, не хотели исключать из избирательного права лучший элемент среди негров.

Лично писатель не считает, что в существующих условиях необходимо отменить поправку. Он, конечно, предпочел бы, чтобы она была отменена, чем вечное продолжение тех зол, которые возникли в результате неограниченного избирательного права. Но он верит, что эти пороки в значительной степени будут устранены новыми конституциями, и считает, что при наличии соответствующих ограничений правило должно применяться беспристрастно ко всем; и те люди, будь то белые или черные, должны быть допущены к правам гражданства, которые соответствуют всем стандартам гражданственности.

Определенный элемент среди негров - хорошие граждане, и они все время становятся лучшими гражданами. Когда этот элемент оторвется от ложного учения, которое было их бичом, им не нужно будет просить помощи извне. Юг признает их ценность, и наградой им будет четкое различие между ними и невежественным элементом, который сейчас тяготит их.

Писателю уже давно кажется, что главная необходимость негров - научиться отличать негров от негров; законопослушного и уважающего себя негра от нарушителя закона и чернорабочего; честного человека от вора; порядочного человека от любителя нырять; хорошего гражданина от "крутого" - иными словами, создать для себя некий стандарт добродетели и правильной жизни для мужчин и женщин, в соответствии с которым они будут классифицироваться. Не меньшим злом от укрепления негритянской расы в период реконструкции стало уничтожение всех различий между добродетелью и пороком в качестве квалификации для продвижения в гражданском обществе. Спустя тридцать лет добропорядочный, законопослушный, консервативный негр связан этой цепью с вором и злой печенью, и, как ни странно, он в основном не желает помочь разорвать оковы, которые его держат.

Эти законы дают ему шанс освободиться от бремени, если только у него хватит ума увидеть это. Он будет способствовать разрушению плотной солидарности негров и даст лучшим среди них - консервативным, трудолюбивым, бережливым и просвещенным - возможность подняться и занять свое место в классе, где они будут освобождены от бремени невежественной массы, которая их тяготит, и смогут сформировать лучший класс, к которому смогут стремиться остальные. И это писатель считает высшей необходимостью. Он оставляет открытым путь, по которому все способные могут вернуться на прежнее поле, не как негры, которых принимают просто как таковых, какими бы слабыми и тупыми они ни были, а как мужчин, которых принимают потому, что они сильны и умны.

Негры как раса, если их рассматривать и действовать целенаправленно, могут быть обузой и угрозой; но многие негры - хорошие люди и добропорядочные граждане. Они вносят свою лепту в общественное богатство и по всем соображениям справедливости и разумной политики имеют право на рассмотрение.

Эта верхняя часть расы, освобожденная от инкубатора огромного тела, которое они вынуждены нести как бы на своей спине, неизбежно обеспечит себе политическое представительство на Юге точно так же, как они обеспечили его на Севере. Вскоре у них, вероятно, хватит ума разделить по всем экономическим вопросам так же, как делится любая другая раса, и белые, освобожденные от необходимости поддерживать солидарность, также будут свободны разделяться, и в этом случае всегда будет стимул обеспечить, а не подавить голоса негров.

Возможным шагом в решении этого вопроса может стать встреча на конференции достаточно ограниченного числа представителей Юга с разумным числом тех цветных Юга, которые лучше знакомы с реальными условиями жизни там и, таким образом, представляют наиболее просвещенную и опытную часть этой расы. Эти люди в духе доброты и справедливости могли бы провести совместную конференцию и попытаться найти общую почву, на которой будут стоять оба, и сформулировать общие меры, с которыми согласятся обе стороны и которые будут отстаивать обе стороны.

Один из руководящих принципов должен заключаться в том, что, установив закон о немедленном искоренении невежественного негра и отныне всякого невежества, этот закон должен исполняться честно, смело и беспристрастно.

Не думается, что такая конференция сможет решить этот вопрос, но, по крайней мере, она прольет на него свет и послужит двум хорошим целям. Она станет отправной точкой для получения информации, которая вызовет уважение, и покажет, что думают о ней наиболее консервативные и широко мыслящие представители Юга, как белые, так и черные, которые досконально знают предмет и не имеют никаких личных интересов, кроме тех, которые вытекают из справедливого и разумного решения этой жизненно важной проблемы, после того как у них будут все возможности для получения информации.

А пока пусть политики и доктринеры, если они действительно друзья негра, держат руки на замке. Лучшая услуга, которую может оказать негру его лучший друг, - это сказать ему правду. Самый страшный вред, который может нанести злейший враг негра, - это увековечить вражду между ним и белыми южанами. Если бы они были предоставлены сами себе, то решили бы вопрос по экономическим соображениям, и к этому, в конце концов, придется прийти.

Как бы ни догматизировала та или иная сторона, можно с уверенностью предположить, что любое окончательное решение проблемы должно быть таким, которое понравится всем разумным белым на Юге. Никакое другое решение никогда не будет окончательным.

ССЫЛКИ:

[48] Мистер Мурфилд Стори.

[49] Мистер Карл Шурц.

[50] Об условиях на Юге в тот период см. пост, главу "Расовая проблема".

[51] В 1860 г. в Нью-Гэмпшире было 149 негров избирательного возраста, в Вермонте - 194, в Массачусетсе - 2 512, а в Нью-Йорке - 12 989. Только в Нью-Йорке до 1868 г. неграм было разрешено голосовать на основании прямого положения; но к неграм-избирателям применялся имущественный ценз в 250 долларов, не применимый к белым избирателям. - Thorp's Const. Hist. of the U. S., pp. 226-7.

[52] См. "The Fifteenth Amendment. An Account of its Enactment", p. 5. A. Caperton Braxton. Everett-Waddey Co., Richmond, Va.

Закон о реконструкции, проведенный через Конгресс в августе 1864 года радикальным крылом Республиканской партии и наложенный г-ном Линкольном с помощью карманного вето, прямо ограничивал право голоса совершеннолетними белыми. Платформа Республиканской партии, на которой Линкольн был выдвинут и переизбран в ноябре 1864

года, не содержала никаких упоминаний о негритянском избирательном праве. В течение этого года (1864) народ Союза принял новые или изменил старые конституции в Арканзасе, Коннектикуте, Канзасе, Луизиане, Мэриленде, Неваде, Нью-Йорке, Пенсильвании, Род-Айленде и Вирджинии, но в них не упоминалось избирательное право негров, за исключением его исключения. *Id.*

В декабре 1865 года, когда вопрос об установлении избирательного права для негров в округе Колумбия был вынесен на рассмотрение избирателей, в Джорджтауне за эту меру проголосовал 1 человек, а против - 812, а в Вашингтоне - 35 человек, а против - 6 521. *Id.*, p. 27.

В сентябре 1865 года этот вопрос был вынесен на рассмотрение избирателей территории Колорадо. За него проголосовало 476 человек, против - 4 192. *Там же.*

В июне 1866 года народ Небраски принял конституцию, ограничивающую избирательное право белыми. В октябре 1867 года предложение о предоставлении неграм избирательных прав в Огайо было отклонено большинством в 50 000 голосов. В ноябре того же года жители Канзаса и Миннесоты "проголосовали за него значительным большинством голосов". *Id.*, p. 29.

В ноябре 1868 года жители Айовы проголосовали за исключение слова "белый" из Конституции. В этом штате по переписи 1870 года насчитывалось 289 162 белых и 1 542 чернокожих. Однако за эту меру проголосовало на 22 000 человек меньше, чем за республиканский билет". *Id.*, p. 39, ссылаясь на Tribune Almanac for 1869, p. 75.

В ноябре 1868 года жители Миннесоты снова проголосовали за эту меру, и на этот раз она была принята лишь тремя пятими от большинства, отданного за республиканский билет. По данным переписи 1870 года, в штате насчитывалось 114 344 взрослых белых мужчины и 246 взрослых негров. *Id.*, p. 40.

В 1868 году в Миссури эта мера была отклонена большинством в 18 000 голосов. *Ib.*

В Мичигане в 1868 году, когда Республиканская партия получила в штате большинство в 32 000 голосов, вопрос о негритянском избирательном праве был отклонен большинством в 39 000 голосов. *Ib.*

В 1869 году народ Нью-Йорка проголосовал против предложенной меры большинством более 32 000 голосов, и законодательное собрание этого штата отменило акт предыдущего законодательного собрания, которое большинством в два голоса ратифицировало Пятнадцатую поправку. *Id.*, p. 65.

4 марта 1869 года в Индиане семнадцать сенаторов и тридцать шесть представителей вышли из состава законодательного органа, чтобы нарушить кворум и предотвратить ратификацию поправки. Все они, за единственным исключением, были впоследствии переизбраны народом". *Id.*, p. 66-7.

Тем временем, согласно "Актам о реконструкции", поправка была навязана Югу. Семь южных штатов ратифицировали ее негритянским голосованием, при этом белые были лишены избирательных прав, а в трех из них - Вирджинии, Миссисипи и Техасе - ратификация была принята как условие возвращения в Союз. *Ib.*

См. также книгу Экенрода "Реконструкция в Вирджинии", Johns Hopkins Press, 1904.

[53] Подобный пример см. в книге д-ра Х. М. Филда "Солнечное небо и темные тени".

[54] 1 Cr. 137; 118 U. S. Rep. 142.

[55] Например, в 1880 году голосование в

Северной Каролины	было	81	процентов.	из	голосующего	населения.
Массачусетс	"	56	"	"	"	"
Южная Каролина	"	82	"	"	"	"
Род-Айленд	"	37	"	"	"	"
Миссисипи	"	49	"	"	"	"
Вермонт	"	66	"	"	"	"
Алабама	"	58	"	"	"	"
Флорида	"	83	"	"	"	"

Среднее количество голосов, отданных Мэрилендом за каждого конгрессмена на последних выборах в Конгресс (1902 г.):

Мэриленд	44,085
Иллинойс	45,275
Нью-Йорк	41,826
Пенсильвания	36,662
Северная Каролина	29,267
Вирджиния	26,409
Массачусетс	29,628
Род-Айленд	28,284
Вермонт	28,108
Мэн	26,430
Южная Дакота	96,131
Колорадо	92,167
Алабама	17,731
Флорида	12,677
Джорджия	11,155
Луизиана	9,770
Миссисипи	7,388
Южная Каролина	7,259

[56] Выступление мистера Чарльза А. Гардинера, цитируется выше.

[57] См. "Романские лекции", 1902: The Relations of the Advanced and the Backward Races of Mankind. Джеймс Брайс, доктор философии.

ГЛАВА VI

НЕГР СТАРОГО ВРЕМЕНИ

I

О том, что "негр старого времени" уходит в прошлое, часто говорят на Юге, где когда-то он был известен так же хорошо, как хлопковое растение и дуб. Действительно, он стал настолько редким, что даже сейчас, когда находят седого и морщинистого выжившего, его рассматривают как исключительный персонаж, и скоро он вымрет, как дронг. То, что он оставит после себя пустоту, которую вряд ли удастся заполнить, так же несомненно, как и то, что кавалер старых времен или отец-воспитатель романтики уже оставил свою пустоту.

Новый вопрос", на который негр старого времени, который был слугой и соратником джентльменов, когда-то воротил нос со своего обеспеченного положения и о котором он говорил в выражениях презрительного порицания, с течением времени столкнулся со своим стулом, и это уже не "новый вопрос", а общий тип, который обычно преобладает - негр с своей проблемой; проблемой, на решение которой, как хорошо сказал мистер Рот, может уйти вся мудрость. Root, потребуется вся мудрость, все терпение и вся решимость белой расы, чтобы решить ее.

Некоторые из "афроамериканцев", прикрываясь так называемым образованием, судя по последним работам, написанным некоторыми из них, позволяют себе несколько пренебрежительно смотреть на это заметное развитие их расы и с изысканным презрением относиться к отношениям, которые когда-то существовали на всем Юге между старым южанином и старым темным, и которые все еще существуют там, где последний еще сохранился.

Они не учитывают, что многие представители этого класса занимали ответственные и доверительные должности, которые они выполняли с верностью и успехом, что является сильнейшим доказательством потенциальных возможностей расы. Они не учитывают ту теплую дружбу, которая существовала между хозяином и слугой и которая, как никакая другая, обещает будущую и прочную дружбу между расами, когда им будет предоставлена возможность урегулировать свои отношения без вмешательства извне.

Тот, кто едет сейчас по Югу - даже по тем местам, где темнокожий в старые времена был обычной и привычной картиной, - если только ему не случится забрести в какой-нибудь укромный уголок, настолько далекий от течения, что его жизнь занесло, как в водоворот, никогда не узнает, какой была старая жизнь и кем были в этой жизни негры в старые времена. Память о них до сих пор хранится в сердцах тех, с кем они были связаны отношениями, которые невозможно объяснить и понять тем, кто не знал их как жизненно важную часть своей домашней жизни. Но даже они скоро сойдут со сцены, и еще через десяток-другой лет история этих отношений, корни которых уходили глубоко в самые священные жизненные связи, станет лишь традицией, сохраняемой в течение жизни одного-двух поколений, но постепенно угасающей, пока не будет окончательно размыта временем.

Любопытно, что, что бы ни думали южане о рабстве - а многие осуждали его существование, - что бы они ни думали о сегодняшнем "негре", вряд ли найдется человек, знавший негра в его прежних отношениях, который не говорил бы о нем с симпатией и не думал бы о нем с нежностью. Писатель знает людей, которые начинали яростно обсуждать новые условия, а когда переходили к разговору о прошлом, погружались в воспоминания о старых слугах и отворачивались, чтобы протереть глаза. И не в последнюю очередь горечь Юга по поводу

негритянского вопроса в том виде, в котором он существовал, проистекает из негодования по поводу разрушения того, что когда-то было отношениями теплой дружбы и нежной симпатии.

Об африканском рабстве можно сказать, что, каковы бы ни были его достоинства и недостатки, оно разделило страну на две части, с противоположными интересами, и в конце концов ввергло ее в масштабную и ужасную войну. Этого достаточно для осуждения.

Не нужно быть защитником рабства, потому что он разрушает идеи, не имеющие под собой никакой основы, и излагает факты, которые могут быть подтверждены опытом тысяч людей, знавших их не понаслышке.

II

Тем, кто был знаком с жизнью на старых плантациях, хорошо известно, что между неграми существовали заметные разногласия. Среди них существовало то, что почти можно назвать различными орденами. Они подразделялись по различным отношениям, в которых находились люди к "белым людям", то есть к хозяину, хозяйке и их семье.

Домашняя прислуга представляла собой класс, совершенно отличный от "полевых рабочих", о которых презрительно говорили как о "кукурузных ниггерах", а среди первых существовали степени, столь же четко определенные, как и в доме английского джентльмена, где экономка и дворецкий стояли выше остальных слуг, допуская к общению лишь изредка служанок.

Первыми по рангу были мамзель, дворецкий, телохранитель, извозчик, дамские служанки, повар и садовник, а через некоторое время - "мальчики", которые были прикреплены к той или иной должности в качестве помощников и готовились занять места старших. Среди "полевых людей" был, во-первых, "староста". [58]

Староста был равен любому другому слуге - это звание объяснялось, возможно, отчасти его властью, а отчасти характером, который принес ему эту власть. Он был бригадиром или помощником управляющего плантацией. Он носил ключи, он призывал рабочих к работе, руководил ими и в какой-то степени имел над ними власть. Я знал такого человека, могущественного в словах и поступках, возвышавшегося над теми, кем он руководил, - поистине "главный человек".

О жизни на южных плантациях сложилось несколько неточное представление, возможно, из-за сильно раскрашенных картин, нарисованных в книгах романтического толка, в которых романтика значительно перевешивает правдоподобие. В настоящее время принято считать, что южная плантация - это огромное поместье, кишачее черными рабами, которые стонали под ударами погонщиков, а по ночам их бичевали в темницах, в то время как их хозяева наслаждались непозволительной роскошью и погрязали в разврате, не переставая порой "торговать собственной плотью и кровью".

С самого начала следует сказать, что ничто не может быть дальше от истины.

Были большие поместья, но они не были многочисленными. Возможно, в Виргинии было несколько человек, владевших более чем тремя сотнями рабов, и десять или дюжина тех, кто владел более чем пятью сотнями. Такие поместья содержались в определенном стиле, который почти всегда сопутствует большому богатству. Но подавляющее большинство плантаций в Вирджинии и, насколько мне удалось узнать и понаблюдать, в других странах, какими бы обширными ни были земли, были скромными и простыми, а отношения между

хозяевами и слугами - тесным личным знакомством и дружелюбием, начинавшимся с колыбели и едва ли заканчивавшимся в могиле.

К началу войны, когда численность белого населения южных штатов составляла около тринадцати миллионов человек, число рабовладельцев и рабовладельцев, включая тех, кто владел или нанимал только одного раба, было, возможно, менее полумиллиона; то есть из взрослых белых, мужчин и женщин, составлявших пятую часть населения, менее чем каждый десятый владел или нанимал рабов. [59]

Таким образом, хотя рабство на больших плантациях, где рабы насчитывали несколько сотен человек, было подвержено таким злоупотреблениям, которые легко возникают из-за абсентеизма, на большинстве плантаций рабы и хозяева обязательно вступали в довольно тесный контакт, и результатом этого контакта были дружеские отношения, которые вызывали удивление и недоумение тех, кто считал рабство суммой всех злодеяний.

Главное представление об этих отношениях почерпнуто из художественного произведения, которое, будучи политическим памфлетом, написанным под влиянием глубоких чувств, какую бы правду оно ни имело в основе, конечно же, не отражает истинной картины.

Работа была распределена между "руками", "руки" были разделены на секции: rough-hands, drivers, hoe-hands, etc.

Их дома назывались "кварталами". На больших плантациях они были разделены улицами.

На плантации, которую писатель знал лучше всего, было несколько двухместных хижин на холме и три или четыре на заднем дворе. В одном из них была комната, которая была радостью его сердца и которая, спустя сорок лет, все еще тронута светом, более сияющим, чем многие дворцовые апартаменты, которые он видел. Она была известна как "комната дядюшки Баллы", и ее обитатель был для меня настолько великим человеком, что в своей области я никогда не знал ему равных. "Дядя Балла был возницей, и, по мнению писателя, ни один человек, начиная с Иеху и ниже, не мог сравниться с ним в управлении вожжами. Он был проводником, философом и другом моего детства. И никогда не было лучшего, более здравомыслящего или более правильного проводника.

В той комнате стояли "чисты", о которых я и сейчас вспоминаю с замиранием дыхания, представляя их драгоценное и неизведанное содержимое. Воистину, в них, должно быть, хранились золотые слитки! А еще была сапожная мастерская, потому что он был упряжником и сапожником, и бондарная мастерская, потому что он делал ножки, свинки и ведерки для доярок и домохозяек, получая с этого небольшой доход. А когда дело дошло до лошадей! Когда я сидел и слушал, как знатоки на скачках и конных выставках разглагольствуют о своих знаниях, меня часто охватывало внезапное желание, чтобы дядя Балла был рядом и показал, что такое настоящие знания.

После войны он прожил тридцать лет в маленьком домике на краю плантации, а когда стал слабеть, его привезли домой, где за ним лучше ухаживали. В конце концов, его похоронная служба была проведена с парадного портика, и за ним до могилы шли белые и черные.

У каждой хижины был или мог быть свой маленький дворик и сад, а у каждой семьи - курятник и двор.

На больших плантациях, где негров насчитывалось две сотни и более, почти все делалось ими самими, так что такое поместье было маленьким мирком в себе, в значительной степени самодостаточным. На нашей плантации, хотя прядение, ткачество и плотницкие работы выполнялись на месте, большая часть ткани для одежды и обуви покупалась в городе весной и осенью, а портной и сапожник приводили их в порядок. Приобретая обувь, каждый человек приносил с собой мерку - палку, точно соответствующую длине его ноги. На этой палке были определенные метки или зарубки, и негр хранил дубликат, по которому мог опознать свою обувь, когда она прибывала.

III

Ни слуги, ни прислуга ни одной расы никогда не отождествляли себя со своими хозяевами более полно. Отношения между ними были скорее отношениями прислуги, чем рабов. Она зарождалась в младенчестве как хозяйина, так и слуги, росла по мере их взросления и продолжалась всю жизнь. Сейчас, насколько я знаю, таких отношений не существует, за исключением отдельных случаев в старых семьях, переживших все перемены и перемены, когда старые слуги все еще держатся за семью. Конечно, я думаю, что такого не было нигде, кроме, возможно, загородных поместий дворянства в Англии и, возможно, во Франции и Германии.

Такие отношения на Юге не были чем-то исключительным. Это было общее, если не универсальное правило. Слуги были "моими слугами" или "моими людьми"; хозяева были для слуг "*моим* господином и *моей* госпожой" или "моими белыми людьми". В этом утверждении звучали и гордость, и привязанность.

На самом деле узы гордости были таковы, что часто отмечалось, что рабы испытывали к белым более сильную привязанность, чем к собственному потомству. Этот факт, который невозможно успешно оспорить, профессор Шалер относит к изживанию племенного инстинкта, который преобладал над семейным инстинктом. Другие, возможно, относят его к тому факту, что семейному инстинкту, в силу самой природы института рабства, не дали пустить глубокие корни. Какова бы ни была причина, похоже, что даже сейчас он не пустил глубоких корней, по крайней мере, по стандартам англосаксов, расы, чья история основана на семейном инстинкте.

Семейные узы среди негров часто кажутся сейчас едва ли такими же крепкими, какими они были при институте рабства. Супружеская верность, если верить тем, кто имел возможность наблюдать за ней, сейчас не так распространена, как тогда. Случаи ухода мужей, жен, родителей или детей, возможно, нивелируют любое разделение, имевшее место при этом институте.

Многих старых негров, которых я знаю, бросили почти все их дети. Часто, когда они вырастают, они покидают их с не меньшей беспечностью, чем любые низшие животные.

Старший сын нашего столового слуги уехал во время одного из рейдов Шеридана, и о нем больше ничего не было слышно до тех пор, пока через двадцать лет после войны не стало известно, что он был рыбаком на нижнем Джеймсе, и хотя он жил и, возможно, живет еще в пределах ста миль от своего старого дома, где жили его отец и мать, он ни разу не взял на себя труд даже пообщаться с ними. Следующий сын после войны уехал на Юг, и единственный раз, когда он писал домой, насколько я знаю, это когда он писал, чтобы уточнить свой возраст, чтобы иметь право голосовать. То же самое можно сказать и о многих других.

Мамушка была, пожалуй, самой важной из слуг, а также самым близким человеком в семье. По сути, она была настоящим членом семьи. Обычно ее выбирали в юности в качестве компаньонки детей, поскольку она была ребенком какого-нибудь привилегированного слуги и, как таковая, могла обладать умом, приветливостью, рассудительностью и качествами, дающими надежду на характер и работоспособность. Так она росла в общении с девочками семьи, а когда они выходили замуж, становилась, в свою очередь, нянькой и помощницей старой мамочки, а затем мамочкой детей своей молодой хозяйки, а после и их детей.

Ее никогда не удавалось описать адекватно. В основном, как мне кажется, потому, что невозможно было описать ее такой, какой она была.

Кто может представить себе мать? Мы можем мазать и мазать, но когда мы делаем все возможное, мы знаем, что нанесли немного краски, а вечная истина стоит, как вечная истина Святой Матери, вне нашего представления, только для того, чтобы быть воспринятой в наши самые высокие моменты, и никогда не может быть по-настоящему изображена пером или карандашом.

Поэтому никто не может описать, какой была Мамочка, и только те могут понять ее, кто качался на ее щедрой груди, спал на ее кровати, питался за ее столом, был под ее руководством и контролем, наблюдал за ней ее недремлющим оком и вел ее наставлениями по пути истины, справедливости и человечности.

Она была не просто служанкой. Она была членом семьи с высоким положением и непререкаемым влиянием. Она была сожительницей своей хозяйки и ее мудрым советчиком, а когда дело касалось детей, она была рядом с ней в авторитете.

Про маму моего отца, старую Кренду, говорили, что она была африканской принцессой, и было ли для этого какое-то другое основание, кроме ее властного присутствия и характера, я не знаю; но это было неоспоримо. Ее афоризмы передавались в семье с ее времен. Среди них был один, который имеет привкус старины и, по крайней мере, указывает на то, что она не посещала некоторые современные города: "Хорошие манеры помогут вам там, где не помогут деньги".

Я хорошо помню свою маму, хотя она умерла, когда я был еще ребенком. Ее звали Лидия, и она была дочерью старой Бетти, которая была горничной моей прабабушки. Бетти читала своей хозяйке в последние годы ее жизни, когда та ослепла. Лидия была мамой моей матери еще до того, как стала мамой для меня и моего брата, и она пользовалась авторитетом и престижем.

Спустя сорок пять лет я со смешанной любовью и благоговением вспоминаю достоинство, силу и доброту моей мамочки; ее белоснежную кровать, куда меня укладывали спать в маленькой комнате на верхнем этаже, завешанной картинками из иллюстрированных газет и модными пластинками, в которых находило выход ее художественное чувство; я вспоминаю также вкусный "бисквитный хлеб", который она пекла и который мы считали лучше, чем у всех поваров и пекарей в мире. В одном из углов стоял ее чайный столик с ее "чайными штучками", чаем и белым сахаром.

Я также помню, как она пользовалась своей властью, и припоминаю, по крайней мере, две "хорошие порки", которые она мне устроила.

Сохранилось одно любопытное воспоминание о дискуссии между ней и одной из ее молодых любовниц на тему рабства, в которой последняя опиралась на, возможно, один из самых сильных аргументов рабовладельцев - Библию - и утверждала, что Бог поставил каждого из них на свое место. Читатель может сам решить, чей аргумент оказался более весомым. Сейчас этот вопрос представляет скорее академический, чем практический интерес.

За несколько дней до смерти моей мамы она составила завещание, разделив свои "вещи", поскольку такие завещания соблюдались так же строго, как если бы они были приняты к исполнению. Среди ее завещаний - пуховая кровать и подушки, которые она оставила моему старшему брату. Она заставила мою мать принести ручку и написать его имя на кровати и подушках. И эти подушки теперь хранятся в его ректорате.

Именно от наших мам мы узнали те восхитительные истории о "Брер Фоксе" и "Брер Хайе", которые дети более позднего поколения узнали благодаря волшебному перу "дядюшки Римуса". От них же мы усвоили многие уроки морали и правды.

Следующим после мамочки по значимости был, конечно же, дворецкий. Он занимал примерно ту же должность, что и дворецкий в английских домах. Он был властным человеком и выглядел таковым на все сто. У него были свои идеи, и они обычно преобладали. Он был гувернером маленьких детей, наставником юношей и их советником даже после того, как они вырастали.

Некоторые из моих читателей, возможно, видели в каком-нибудь отеле негра-стюарда, который был образцом достоинства и серьезного авторитета - фельдмаршал в черном дереве, отдававший честь в своей столовой, как придворный камергер, и управлявший своими подчиненными с властью благодушного деспота. Такой человек, вероятно, был дворецким какого-нибудь джентльмена, который благодаря своим способностям возвысился до начальника столовой.

Не один такой персонаж встает передо мной из прошлого, а истории об их власти входят в традиционную летопись каждой семьи. Самым импозантным из тех, кого я помню лично, был "дядя Том", дворецкий кузена, чья статность произвела на мое детское воображение такое впечатление, которое до сих пор не изгладилось. Я видел и менее впечатляющих монархов. Его авторитет был настолько признан, что его часто вызывали, чтобы заставить детей принять лекарство.

Рассказывали, что одна из детей, которая теперь стала матроной с большим достоинством и бабушкой, как-то раз испуганным шепотом спросила свою бабушку, которая была хозяйкой "дяди Тома" и еще нескольких сотен слуг: "Бабушка, ты боишься дяди Тома?" И бабушка, которая рассказывала эту историю, добавляла: "И знаете, правда, боюсь".

Ее двоюродная сестра, миссис Картер из Ширли, рассказывала, что, когда она приглашала гостей, ей всегда приходилось говорить об этом Кларисси, своей горничной.

По правде говоря, все ограничения, которые накладывались на неограниченное гостеприимство Юга, объяснялись тем, что слуги всегда учитывались в таких вопросах.

Благоговение перед дворецким в его величии часто не проходило с молодостью. Он требовал и получал должное уважение даже от взрослых членов семьи. Об одном из них,

которого я знал, седовласые мужчины рассказывают, как иногда, уже после того как они выросли, он исправлял их манеры, даже за столом, слегка потрепав по голове и шепнув упрек, когда наклонялся к ним, чтобы поставить блюдо. И я никогда не знал ни одного, кто бы не сохранял свое влияние и не пользовался своим правом назидания.

Я знал дворецких, которые брали на себя ответственность говорить, каких молодых джентльменов следует принимать в качестве гостей в доме, а кому следует отказывать дамам. На самом деле каждый мудрый молодой человек старался подружиться со старыми слугами, поскольку они были мудрым сословием, и их влияние в доме было немалым. Они обладали интуитивным знанием, которое было равносильно инстинкту, чтобы "отсеять зерна от плевел", и узнавали "джентльмена" с первого взгляда. Их острые и едкие комментарии разрушали шансы многих молодых людей, не встретивших их одобрения.

IV

Существует всеобщее убеждение, что негры в рабстве не получали никакого образования. Я неоднократно встречал утверждение, что в каждом штате Юга обучение негра чтению считалось преступлением по закону. Такое утверждение не соответствует действительности. [Обучение чтению не поощрялось, и такие законы существовали в свое время в четырех штатах Юга; но в Вирджинии их не было. Несколько наших негров умели читать, и если это не было так на большинстве плантаций, то, по крайней мере, на тех, о которых мне было известно. Служанка моей прабабушки, как я слышал, регулярно читала ей, а в нашей семье дамы учили девочек, сколько те могли выучить. Но помимо обучения по книгам, у них было, особенно у домашней прислуги, образование, которое приходит от ежедневного общения с культурными людьми, и это было образование, которое не стоило презирать. Некоторые джентльмены вели переписку о домашних делах со своими дворецкими во время их отсутствия дома. Например, я слышал, что, когда мистер Абель П. Апшур был министром военно-морского флота, несколько джентльменов были у него дома и обсуждали за столом какое-то общественное дело, когда дворецкий сообщил им последние новости о нем, сказав, что утром он получил письмо от своего хозяина.

Бытует мнение, что негры находились в том состоянии волнения и мучительного ожидания свободы, в котором, по мнению англосаксонской расы, они находились бы при аналогичных обстоятельствах. На определенных собраниях много говорится о том, какой огромный вклад они внесли в спасение Союза. Обсуждение этого вопроса можно оставить в стороне как граничащее со спорным. Но нельзя оставаться в стороне от этой фазы вопроса, и она прольет некоторый свет на него, если мы вкратце расскажем, каково было отношение негритянского рабского населения к ссоре между Севером и Югом.

Общее число негров, призванных в армию и повторно призванных на федеральную сторону, составило от 189 000 до 190 000 человек. Если учесть, что в это число входил весь солдатский элемент негров на Севере и беженцев на Юге, которых побуждали вступить в армию либо уговорами, либо под давлением принуждения, будь то военный призыв или "щипки за живот", то цифра не кажется большой. После середины лета 1863 года Север занял штаты Мэриленд, Миссури, Кентукки, половину Вирджинии, Теннесси, Луизиану, Арканзас, Миссисипи и значительную часть Каролины и Алабамы. То есть она занимала треть, а то и половину всей рабовладельческой территории Юга, а проникновение ее рейдерских отрядов в районы, занятые южными войсками, давало возможность, возможно,

четвертой части молодых людей этой части бежать из рабства, если ими двигала страсть к свободе. Это одновременно и опровержение столь распространенного обвинения в жестокости рабства, и свидетельство покладистости и послушности негров, что при всех волнениях, при всех возможностях и соблазнах, окружавших их, они не только оставались верны своим хозяевам, но и, казалось, стресс того времени скреплял узы между ними.

То, что среди них был дикий и авантюрный элемент, хорошо известно. Этого следовало ожидать, и это был элемент, в котором сохранились инстинкты дикой жизни в джунглях и лесах. На каждой большой плантации был один или несколько человек, в которых остро жил дух бегства. На нашей плантации их было несколько. Они убегали, когда им мешала любовь или любое другое желание их сердец. Они убегали, если их били кнутом, а поскольку на плантациях это были халтурщики и бездельники, если кого-то били кнутом, то это, скорее всего, был один из них. И все же, как ни странно, если беглеца ловили и били, он вряд ли убегал снова, пока дух не овладевал им, и тогда ничто на свете не могло его остановить". [61]

Еще один класс, скорее всего, будет поставлять элементы, которые уходят, и это был "изнеженный класс". Домашние слуги были более склонны к этому, чем полевые работники. Их уши были как-то более настроены на песню сирены. [62]

Против тех, кто воспользовался предоставленными им возможностями вырваться из рабства домашнего рабства, можно поставить большую часть негритянской расы, которая, то ли от неспособности осознать всю необъятность открывшейся перед ними свободы, или от страха перед неведомыми им бедами, или от простого довольства жизнью, где труд не был каторгой, а горшки с плотью перевешивали идею свободы, не только держались за своих хозяев, но и переходили на их сторону с обостренным чувством и глубокой привязанностью. На каждого бежавшего на свободу приходилось, возможно, сто человек, которые поддерживали жен и детей своих хозяев.

Несомненно, среди них было много - возможно, даже больше - тех, кто остался по инерции или из-за страха уйти. Но гораздо большее число отождествляло себя со своими хозяевами, и этот союз был не на словах, а по чувству, по сердцу и душе.

По правде говоря, они были заражены тем же духом и пылом, что и белые, и если бы Юг призвал добровольцев из негров, я не сомневаюсь, что они смогли бы набрать полмиллиона человек". [63]

Рассказывают историю об одном из старых негров, принадлежавшем к семье, на которой женился генерал Скотт. Он отправился на войну, чтобы позаботиться об одном из своих молодых хозяев. Он не сомневался в справедливости дела, но генерал Скотт был для него олицетворением войны и бойни, а генерал перешел на другую сторону. Это сильно беспокоило его, и однажды ночью он услышал молитву за пределами лагеря. Помолившись за всех, он взмолился: "И, Господи, прошу тебя, убеди маршала генерала Скотта и отведи его от истинного пути".

Преданность рабов своим хозяевам во время войны - не новость под солнцем. Тот факт, что их хозяева вооружены, всегда, несомненно, играл свою роль в этом явлении. Но это не в полной мере объясняет абсолютную преданность негров. К вечной заслуге белых и негров можно отнести то, что в течение этих четырех лет войны, когда белые мужчины Юга отсутствовали на поле боя, они могли доверить свои дома, своих жен, своих детей, все, чем они владели, опеке и заботе своих рабов, с абсолютной уверенностью в их верности. И это доверие никогда не нарушалось. Негры были их верными опекунами, сочувствующими друзьями и проницательными советчиками, охраняли их имущество, с бодростью

переносили необходимые отказы и приобщались к судьбе своих хозяев с преданностью не рабов, а сородичей.

Преданность телесных слуг своим хозяевам в поле слишком хорошо известна, чтобы упоминать о ней, и то, что говорится о них в этой статье, объясняется скорее чувством, что констатация этого факта - долг перед классом, из которого они вышли, нежели необходимостью просветить читателя.

Когда южане отправлялись на поле боя, среди негров всегда шло соревнование, кто будет их сопровождать. Обычно выбор молодых людей падал на кого-то из слуг, а семьи - на кого-то из старших и более степенных членов семьи, которые были благоразумны и, следовательно, могли лучше заботиться о своих хозяевах. Поэтому у молодых негров, которые почти так же жаждали приключений, как и их хозяева, сердце разрывалось.

Из всех тысяч негров, отправившихся в качестве слуг со своими хозяевами, я не слышал ни об одном, кто дезертировал на Север, и знал многих, у кого было много возможностей сделать это. Некоторые попадали в плен, но бежали; другие, по-видимому, дезертировали, но возвращались с добычей.

Телохранитель моего отца, Ральф Вудсон, служил с ним всю войну. В Петербурге, где армии находились в миле друг от друга, его наказали за пьянство, и он сбежал. Но вместо того, чтобы направиться в сторону союзных войск и сдаться в плен союзному пикету, что он мог бы легко сделать, он отправился домой, за шестьдесят миль. Однако его арестовали как бродягу или беглеца, и мой отец, услышав о нем, отправил и привел его обратно в лагерь, где он и остался до конца.

Еще более примечательный случай, о котором мне стало известно, произошел с Саймоном, слугой моего друга. Он исчез из лагеря во время кампании в Споттсильвании, и как раз когда его хозяин выдал его, он появился снова с мешком, полным всевозможных вещей, полезных в хозяйстве, которые, как он заявил, "ему дали джентльмены с другой стороны". Он позаимствовал у египтян.

Письма и летописи того времени полны упоминаний о том необычном, но хорошо известном факте, что, хотя жители Юга с радостью отдавали своих сыновей на это дело, они очень не хотели отпускать своих негров. Причина этого была неверно истолкована. Снаружи принято считать, что они боялись потерять свое имущество. Ничто не может быть более необоснованным. Они боялись, что их слуги могут пострадать или понести какой-нибудь вред.

Отцы, которые предписывали своим сыновьям всегда быть на почетном посту, давали им четкие указания, как уберечь своих слуг от опасности. Война в какой-то мере была связана с сохранением рабства, и считалось, что не стоит подвергать рабов опасности в таких случаях.

Это же чувство сыграло свою роль в решении не призывать негров в армию Конфедерации.

В полевых условиях они проявляли и мужество, и смекалку, и известно множество случаев, когда, когда их хозяева были ранены и оставлены на поле боя, они охотились за ними, проходя через сцены, которые проверяли мужество мужчин не меньше, чем сама битва. Записи того времени полны таких примеров.

Когда война закончилась и негры получили свободу, чувства между ними и их старыми хозяевами никогда не были такими теплыми, а узы дружбы никогда не были такими тесными. Преданность, которую негры проявили во время долгой борьбы, произвела глубокое впечатление на умы белых южан. Даже между неграми и бедными белыми, которые всегда враждовали между собой, возникли лучшие чувства. Окончание войны сделало то, чего не могли добиться все прокламации об освобождении. Хозяева повсеместно сообщили своим слугам, что они свободны.

Я помню возвращение моего отца из Аппоматтокса. Несколько дней за ним следили. Аппоматтокс находился менее чем в ста милях от нашего дома. Весть о капитуляции дошла до нас сначала через одного из возчиков, который рассказывал ее, плача. Сейчас я как будто вижу это возвращение - мой отец на серой лошади, а за ним его слуга-телохранитель Ральф. Я помню, как, соскочив с лошади, он провел рукой по лицу, чтобы скрыть слезы, и простонал: "Я никогда не ожидал, что вернусь домой таким". Все плакали. Через несколько минут он вышел на крыльцо и сказал: "Ральф, ты свободен; сними седла и выведи лошадей".

Всю войну он носил с собой серебряные полдоллара, берег их до последней щепотки. Это случилось, когда он добрался до реки по пути домой. Паромщик отказался принимать деньги Конфедерации, и он заплатил ему свои полдоллара, чтобы тот переправил его через реку.

Таков был конец рабства, института, который разделил эту страну на две части, а в конце концов привел ее к судорогам и ужасной войне.

Когда наступил конец рабства, несомненно, было немного душевных терзаний, но переход произошел без вспышек, и почти без единого акта грубости или даже хамства.

Если среди негров на плантациях и было ликование, то оно не было известно белым. На самом деле негры были скорее озадачены. Внезапное пришествие того, на что они так надеялись, вместе с мраком неизвестного будущего отрезвило, по крайней мере, старших. Их хозяева, почти без исключения, передали им информацию об их свободе, которая, таким образом, имела более понятное обеспечение, чем могли бы дать акты Конгресса или приказы военных властей.

В некоторых случаях старые негры искали и проводили долгие совещания со своими хозяйками или хозяевами, на которых обсуждался весь вопрос.

В каждом случае их заверяли, что они смогут жить на старых плантациях, если захотят этого и будут готовы работать и подчиняться приказам.

Как и положено, негры в первый момент свободы покинули поместья и отправились, как говорится, "сами за себя". [64] Они стекались либо в города, либо в ближайший центр, где был размещен гарнизон войск Союза и где пайки раздавались отчасти по необходимости, а отчасти из филантропических побуждений, имевших под собой более или менее веские основания. Но через некоторое время многие из них вернулись к работе. Те из них, у кого было хоть что-то, делились с хозяевами тем, что у них было. Некоторые из них приносили яйца и кур, другие экономили часть пайка, выдаваемого правительством.

В мои намерения не входит в этой статье в целом рассматривать отношения двух рас после эмансипации негров. Некоторые аспекты этих отношений были рассмотрены мною в других работах. Хотя легко понять, какие ошибки были допущены при рассмотрении этого вопроса, никто не может с уверенностью сказать, как могла бы работать другая система. Все, что мы

можем сказать с абсолютной уверенностью, - это то, что вряд ли какая-либо другая система могла оказаться более разрушительной, чем та, которая была принята.

Один факт, как мне кажется, не может вызывать серьезных возражений: отчуждение негра от белой расы на Юге - величайшее несчастье, постигшее первого за всю его историю, не считая изгнания с родной земли.

VI

Негр старого времени почти полностью покинул землю, как и его старый хозяин и его старая хозяйка. Немногие еще остались, как последние листья на дереве, но скоро и они исчезнут. Но пока он жив, в сердцах тех, кто его знал, будет сохраняться старое семейное чувство привязанности. Каждую неделю или две в газетах появляются сообщения об уходе со сцены одного или нескольких человек, чье место в старинной семье сделало их заметными при жизни и вызвало к могиле столь же искренние скорби среди белых, как и среди черных. Но сколько из них уходят из жизни, не встречая никакого внимания, кроме искренней скорби тех, кого они так любили и кому так преданно служили!

Ни один южанин, какие бы антагонистические чувства он ни питал к негритянской расе, никогда не встретит старого негра или женщину без того чувства, которое поднимается в его груди, когда он встречает старого друга своей юности, на которого Время наложило свою карающую руку.

Ни в коем случае не угасло это чувство и в груди самого старого негра. Как белые смотрят на молодых негров с некоторым неодобрением, так и старый негр считает молодое поколение белых неполноценным по сравнению с тем поколением, которое он знал.

Не так давно один друг из Ричмонда рассказал мне следующую историю: Один из его друзей в этом городе пригласил его в сезон стрельбы поехать к его отцу пострелять куропаток. Дом сгорел, но старый Робин все еще жил там и незадолго до этого рассказывал ему, что в этом месте было очень много птиц. Так что, взяв ружья и собак, оба джентльмена отправились на старую плантацию Болла, куда прибыли на рассвете. Старый Робин колот дрова перед своей хижинкой, и мой друг стал звать его: "О, Робин! О, Робин!" Старик остановился и, подойдя к холму, возвышавшемуся над ними, позвал: "Кто знает меня так хорошо, как я его?"

"Спускайся сюда!" - позвал его хозяин.

Когда старик узнал, кто это, он пришел в восторг.

"Да, вот так, - сказал он, - здесь, на ветке, полно почек. Я вижу их каждый вечер, когда спускаюсь к своей корове. Ты иди и убей их, а я присмотрю за твоей лошастью и скажу Мэнди, чтобы она приготовила для тебя что-нибудь перекусить около двенадцати часов".

Уже уезжая, он остановился и, высунувшись из повозки, сказал: "Марс Гас, не стреляйте в старых гиахов здесь. Я беру с собой ружье, когда спускаюсь к корове. Они летают слишком быстро для меня, но я могу подстрелить старого гиа, если поймаю его, сидящего на земле".

Обещание было дано, и охотники выполняли его до тех пор, пока не собрались остановиться на обед. В этот момент перед Марсом Гасом выскочил отличный заяц и дал ему честный выстрел. В порыве страсти он выстрелил в него и сбил с ног. В этот момент старый Робин позвал их в дом, так как "закуска уже готова".

"Вот!" - сказал Гас, поднимая зайца, - "теперь я пошел и убил этого зайца, и этот старик никогда меня не простит".

"Возьми и отдай его жене", - сказал его друг.

"О, нет!" - сказал он, - "ты не знаешь старого Робина; он никогда не простит меня".

"Ну так положи его на дно своего игрового мешка; он никогда не заметит разницы", - сказал его друг. И это было бесстыдно сделано.

Старик весело приветствовал их: "У вас, должно быть, много шишек, я слышал, вы так много стреляли?"

"О да, нам очень повезло!" - ответили егеря.

"Вы не подстрелили ни одного старого гиа?" - уверенно спросил он.

Молчание вызвало у него подозрение, и, повернувшись, он бросил на хозяина острый взгляд, который устремился на хорошо набитую сумку с дичью.

"Что у тебя в карманах для дичи, чтобы они казались такими большими? Ты уверен, что за это время не настрелял столько шишек?"

Гас с осуждением запустил руку в сумку и вытащил кролика.

"Вот, дядя Робин, - сказал он в некотором замешательстве, - это единственный, которого я подстрелил. Я хочу, чтобы ты взял его и отдал Мэнди".

Но старик отказался. "Мне он не нужен, и Мэнди он не нужен, - сказал он с полупрезрением, - ты его подстрелил, и теперь лучше оставь его себе".

Он молча пошел дальше вверх по холму. Вдруг, остановившись, он обернулся.

"Так, так, - сказал он, - времена точно изменились! Марс Гас, твой отец не сказал бы мне ни слова лжи даже за мула, не говоря уже об ол хайе".

Характер негра старого времени вряд ли можно проиллюстрировать лучше, чем на примере моего старого друга Джона Дабни, которому я, как и почти все мои знакомые в Ричмонде, был очень обязан, поскольку он был лучшим поставщиком провизии, которого я когда-либо знал. В детстве Джон Дабни был наездником у известного вирджинского дерновинщика, майора Уильяма Р. Джонсона, но, возможно, благодаря своим кулинарным способностям, он вскоре стал слишком толстым для этого "тощего и голодного" призвания, а со временем превратился в знаменитого повара и кулинару. Он принадлежал одной даме из соседнего с моим родного графства, и до войны он выкупил себя у хозяйки, как это нередко делали ловкие негры. Когда война закончилась, он остался должен своей хозяйке несколько сотен долларов в счет этого долга, и как только ему удалось собрать эту сумму, он отправил ее ей. Она тут же вернула ему деньги, сказав, что он свободен и был бы свободен в любом случае, и что он ей ничего не должен. Тогда Джон Дабни взял деньги, отправился в свой старый дом и настоял на том, чтобы она их получила, заявив, что его старый хозяин воспитал его так, чтобы

он платил свои долги, и что это справедливый долг, который он предлагает выплатить. И он его выплатил.

Нередки случаи, когда старые семейные слуги, работавшие в новых условиях более успешно, чем их прежние хозяева, проявляли старые чувства, оказывая им такие акты доброты, которые могли возникнуть только от глубокой и неизменной привязанности.

Кто бы ни пришел в Белый дом, у дверей кабинетов руководителей он встретит пожилого и очень крепкого негра-привратника с безупречными манерами, мягким, как падающий лист, шагом и апломбом, который ничто не может нарушить. Его зовут Артур Симмонс, и до конца войны он был слугой джентльмена в Северной Каролине, а затем перебрался на Север. Он, возможно, самый старый служащий Белого дома: был назначен генералом Грантом во время его первого срока и занимает свою должность, за исключением одного срока - генерала Гаррисона - до настоящего времени. Говорят, что первым назначением мистера Кливленда после его возвращения на пост было назначение Артура Симмонса на его прежнюю должность. Возможно, мистер Кливленд слышал эту историю о нем: Однажды Артур, узнав, что его старая любовница выразила желание увидеть президента Соединенных Штатов, пригласил ее в Вашингтон, встретил на вокзале, позаботился о ее комфорте во время пребывания в городе, организовал для нее интервью с президентом, а затем проводил ее обратно, чтобы она могла сесть на поезд домой.

На части старой плантации, которую я попытался описать, последние тридцать лет жил, не снимая жилья, ведущий негритянский политик в верхней части округа Ганновер. Его жена, Ханна, была старой служанкой моей матери, которая после войны, как и до нее, служила нам с верностью и рвением, о которых я не могу составить никакого представления. Однако в качестве иллюстрации могу сказать, что, хотя она жила в миле с четвертью от дома и должна была переходить ручей, через который во время половодья ей иногда приходилось пробираться почти до пояса, она в течение тридцати лет не пропускала утренний пост более полусотни раз.

Ханна отправилась в свой долгий дом, и, возможно, это прольет свет на старые отношения между хозяйкой и служанкой, если рассказать, что по случаю золотой свадьбы ее прежних хозяина и хозяйки, поскольку Ханна в то время была слишком больна, чтобы покинуть свой дом, они взяли все подарки в карете и понесли их, чтобы показать ей. И действительно, последней мыслью Ханны была ее старая хозяйка. Однажды утром она внезапно умерла, а перед самой смертью сказала мужу: "Открой дверь, это мисс..." Дверь открыли, но хозяйки там не было, если не считать предсмертного взгляда Ханны. Для нее она стояла у постели, и ее последние слова были обращены к ней.

У тех, кто не знаком с Югом близко, постоянно вызывает удивление тот факт, что южане так любят старых негров и при этом так нетерпимы к вещам, к которым северяне относятся с безразличием. Это трудно объяснить, но если кто-то поедет и будет жить на Юге, он быстро поймет, что впал в южный образ жизни. Поезжайте на плантации, где нет политиков и неизвестны газеты "кровавая рубашка", и вы увидите, что там все еще сохранились старые отношения.

Я видел, как один молодой человек (он был лейтенантом в добровольческой роте) целовал свою старую маму на парадном плацу на виду у всего полка.

Несколько лет назад, когда генерал Фицхью Ли был губернатором Виргинии, в особняке исполнительной власти в Ричмонде состоялась свадьба. В последний момент, когда компания была в сборе и все заняли свои места, ожидая появления невесты, обнаружилось,

что мамочка Селия, мама невесты, не вошла, и не кто иной, как генерал Ли, губернатор Вирджинии, пошел и привел ее на руках, чтобы она заняла место рядом с матерью невесты.

VII

К несчастью, что бы ни сулило будущее, учения доктринеров и неосмотрительных друзей лишили негров нынешнего поколения хороших манер и стоили им дружбы белых.

Никто из нас не знает, какие отношения могут возникнуть в будущем между двумя расами на Юге, но, возможно, когда самодовольных будет меньше, чем сейчас, а учения, отдалившие расы друг от друга, станут более разумными, великая англосаксонская раса, которая является доминирующей, и негритянская раса, дружелюбная, если не покорная, будут регулировать свои разногласия в соответствии с законами, которые должны в конце концов возобладать, и старое чувство доброты, которое, кажется, в условиях антагонизма угасает, вновь заявит о себе.

ССЫЛКИ:

[58] Название "водитель" было неизвестно в Виргинии, как бы оно ни звучало на Юге. А "водитель" в романах об ужасах рабов был таким же порождением воображения, как Цербер или Химера.

[59] В Джорджии, например, как показало исследование профессора Дю Буа, одного из самых образованных и воспитанных цветных на Юге, в 1860 году насчитывалось 455 698 негров и 591 550 белых. Из них было 3 500 свободных негров и 462 195 рабов, которыми владели 40 773 рабовладельца, то есть примерно по 10½ на каждого рабовладельца.

Из этих рабовладельцев,

16	процентов.	из всех	6,713	владели	1	раб.		
10	"	"	4,353	"	2	рабы.		
8	"	"	3,482	"	3	"		
			2,984	"	4	"		
			2,543	"	5	"		
			2,213	"	6	"		
			1,839	"	7	"		
			1,647	"	8	"		
			1,415	"	9	"		
			4,707	"	10	или меньше	15	рабы.
			2,523	"	15	"	20	"
			2,910	"	20	"	30	"
			1,400	"	30	"	40	"
			739	"	40	"	50	"
			729	"	50	"	70	"
			373	"	70	"	100	"
			181	"	100	"	200	"

23	"	200	"	300	"
7	"	300	"	500	"
1	"	500	"	1,000	"

Из этой таблицы видно, что 6 713, или около 16½ процентов, владели только одним рабом, 10½ процентов - двумя, 50 процентов - пятью или менее рабами, в то время как 66 процентов (27 191) владели менее чем десятью рабами; 1 102 - от пятидесяти до ста, а 212 - более ста, в то время как только двадцать три - более ста. (27 191) владели менее чем десятью рабами; 1 102 владели от пятидесяти до ста, а 212 владели более ста, в то время как только двадцать три владели более двухсот.

[60] Что касается образования негров: см. ценную статью профессора Келли Миллера, одного из самых умных цветных людей в стране, в докладе комиссара образования США за 1901 год, том I, стр. 745 и далее. Ссылаясь на отчет комиссара образования США за 1868 год, он показывает, что такие законы были приняты в Алабаме, Джорджии, Луизиане и Южной Каролине примерно в 1830-34 годах. В Вирджинии в 1831 году, как и в Делавэре в 1863 году, публичные собрания были запрещены. Эти законы появились в результате восстания Ната Тернера. V. Приложение.

[61] У нас на плантации было три или четыре таких молодых человека, и хотя плантация находилась в двух или трех милях от дорог, по которым прошли Шеридан и Стоунман, и в двенадцати или пятнадцати милях от тех, по которым прошел Грант, это были единственные негры из наших мест, ушедшие во время войны. Всего нас покинули четверо молодых людей.

Если кто-то хочет получить представление об этой стороне негритянского характера и заодно приятно провести полчаса, пусть прочтет рассказ Гарри Стилуэлла Эдвардса "Два беглеца".

[62] Тот самый "дядя Том", о котором я говорил как о суровом и ужасающем зрелище, покинул свой дом и отправился в Филадельфию.

[63] В начале войны было набрано несколько полков, но план был изменен, и они были расформированы.

[64] Князь Кропоткин в своих мемуарах упоминал, что русские крепостные, желавшие показать свое освобождение, поступали так же.

ГЛАВА VII РАСОВЫЙ ВОПРОС [65]

I

Для всякого спокойного наблюдателя нынешнего состояния нашей страны должна быть болезненно очевидна разница между состоянием того, что мы с давних пор привыкли называть "двумя секциями".

У нас одна кровь, один язык, одна религия, одна общая цель, одно правительство; но Север и Юг все еще "две части", как и сто лет назад, когда полосы Конституции едва остыли от сварки, или как в 1860 году, когда они стояли, вооруженные до зубов, лицом друг к другу, и

тучи революции висели над ними, чтобы вскоре разорваться в страшном громе гражданской войны.

Если бы кто-нибудь, услышав фразу "две части", взял карту Американского Союза и изучил ее основные черты, он бы заявил, что "две части" - это естественное географическое деление на Восток и Запад; если бы он изучил торговлю страны с ее огромными течениями и приливами, ее поля сельского хозяйства и производства, он был бы вынужден заявить, что по всем неумолимым законам интересов они - Восток и Запад. И все же мы, стоящие перед неопровержимыми свидетельствами событий, знаем, что вопреки всем законам, вопреки всему разуму, вопреки всему праву, в этой стране есть две части, и это не Восток и Запад, а Юг и остальная часть Союза.

Предлагается вкратце объяснить, почему существует это несчастное положение, и предложить несколько вещей, которые, если их серьезно рассмотреть и терпеливо отстаивать, могут, по Божьему провидению, способствовать решению стоящих перед нами печальных трудностей.

Расхождение "двух секций" было неизбежным с момента заселения континента; оно предшествовало становлению нации. Оно неуклонно нарастало, пока неудержимый конфликт не стал неизбежным; и только после того, как этот конфликт исчерпал себя, стало возможным примирение.

Причины этого расхождения, за исключением одной, здесь обсуждать не стоит. Эта причина пережила даже прижигание войной. Другие причины канули в лету. Право на отделение больше не является активным вопросом. По нему вынесено судебное решение. То, что оно когда-то существовало и иногда использовалось другими государствами, а не теми, которые его фактически реализовали, не вызывает сомнений; то, что оно исчезло вместе с армией Конфедерации в Аппоматтоксе, также не подлежит сомнению. Те самые люди, которые когда-то утверждали это и проливали свою кровь для его установления, теперь, продолжая отстаивать правоту своей прежней позиции, признают, что в свете изменившихся условий Союз больше не является нерушимым. Если понадобится, они готовы подтвердить этот факт. Однако важно прояснить, что право существовало, потому что от этого во многом зависит место Юга в истории. Без него мы были простыми повстанцами и бунтарями; с ним мы были великим народом, совершившим революцию во имя своих прав. В 1861 году Юг выступал против Союза и, очевидно, за сохранение рабства. Настроения всего мира были против этого. Мы потерпели поражение, нас одолели. Если мы не будем обладать достаточной силой, чтобы сохранить себя даже перед лицом этого, вердикт потомков будет против нас. Не исключено, что через пятьдесят лет защита рабства будет признана во всем мире таким же варварством, каким мы сейчас считаем работорговлю. Есть только один способ предотвратить надвигающуюся катастрофу: установить реальный факт, что, каковы бы ни были непосредственные и очевидные причины, истинной и конечной причиной действий Юга была ее твердая и непоколебимая приверженность принципу самоуправления и ревностная преданность своим неотъемлемым правам.

Но если другие причины, удерживавшие страну в состоянии раскола, ушли в прошлое как практические вопросы, то одна все еще сохраняется и, в измененной форме, является столь же жизненно важной сегодня и столь же чреватой злом, как и в 1861 году.

Это вопрос, который всегда стоит перед Югом; вопрос, который после двадцати пяти лет мира и процветания все еще держит Юг "одной частью", а остальную часть нации - другой. Это вечно присутствующий, вечно угрожающий, вечно растущий негритянский вопрос.

На сегодняшний день он является самой грозной и самой опасной проблемой, которая стоит перед американским народом.

Этот вопрос настолько неправильно понимается, что даже терминология для него в двух частях света непримиримо различается. Север называет его просто вопросом гражданского равенства всех граждан перед законом; Юг называет его вопросом негритянского господства. Более точно его следует называть расовым вопросом.

Как бы он ни назывался, от его правильного решения зависит прогресс и безопасность, если не само существование, американского народа.

Для того чтобы его решить, необходимо, во-первых, понять его реальную серьезность и осознать его истинные трудности.

Мы так долго жили в тишине и спокойствии, так привыкли к положению дел, что не испытываем никаких опасений, а перед лицом этой, как и других опасностей, отдыхаем спокойно и безмятежно. Так отдыхают жители Альп, которые спят под массами снега, копившимися годами, но которые, спокойно лежащие на склонах гор, могут в любой момент без предупреждения, от одного лишь сломанного прутика или упавшего камешка, превратиться в неудержимую и непреодолимую лавину.

Вокруг нас есть признаки надвигающейся опасности.

Во-первых, это опасность, связанная с тяжелым положением, в котором оказался Юг, - подмять, а то и подмять писанный закон под то, что она считает неумолимыми требованиями своего положения.

Часто обвиняют, что писанный закон не полностью и не свободно соблюдается на Юге в вопросах, связанных с осуществлением избирательного права. Защита заключается не столько в отрицании обвинения, сколько в признании и уклонении от него. На обвинение отвечают, что писанный закон, если он вообще нарушается, нарушается только в повиновении высшему закону, основанному на инстинкте самозащиты и самосохранения.

Если признать, что это так, то разве для нас нет ничего страшного в том, что существует условие, требующее ниспровержения любого закона? Разве не оскорбительно для нашего народа, что существует случай, который ставит его в противоречие с законом и заставляет его утверждать существование более высокого долга? Можно ли отменить закон, не создав дух, который отменит закон? Дух, готовый считать себя судьей того, что должно и что не должно считаться законом; дух, который в конце концов подменит свою волю законом и спутает свои интересы с правом? Разве незначительно, что наш народ или какая-то его часть должны быть вынуждены, в силу каких-либо обстоятельств, вооружаться в любое время в любом месте вопреки закону?

Это серьезный вопрос, и его следует рассмотреть с должным размышлением, поскольку от его правильного решения зависит многое. Первый шаг к излечению - это осознание болезни. Первый шаг к правильному решению нашей проблемы - это ее полное понимание. Для этого мы должны сначала постичь ее сами, и только тогда мы сможем надеяться просветить других.

Повиновение закону, добровольное и неизменное подчинение ему - одно из самых высоких качеств нации и один из главных факторов ее возвышения. Антагонизм к закону, дух,

отвергающий ограничения закона, разлагает индивидуальную совесть и тормозит национальный прогресс.

Можно ли практиковать какие-либо мошенничества, уклонения или ухищрения, не нанося тем самым ущерба нравственному чувству и характеру как народа, так и отдельного человека? Можно ли допустить любое отклонение от пути абсолютной правильности, каким бы неумолимым ни был повод, не нанеся ущерба тому чувству справедливости и права, которое, в сочетании с непоколебимым мужеством, составляет добродетель нации? Кто скажет, что моральное чувство нашего народа сейчас столь же возвышенно, как во времена наших отцов, когда люди с поднятыми лицами голосовали за выбранного ими кандидата?

Пресса некоторых стран пестрит обвинениями в нанесении вреда негру. На самом деле вред наносится не ему, а белым. От противодействия закону до фактического беззакония всего один шаг. Это и есть первая опасность.

Физическая опасность от перенаселения нашего народа невежественной и враждебной расой не более реальна, чем та, что угрожает нашей моральной чистоте; но она более очевидна.

Сенатор Хоар из Массачусетса, выступая на заседании Сената Соединенных Штатов 23 февраля 1889 года, говоря о Юге, сказал:

"Я делаю эти замечания, полностью осознавая трудную проблему, которая стоит перед нами, и проблему, которая особенно волнует наших друзей к югу от линии Мейсона и Диксона; но я помню, когда я делаю их, что человек, который слышит звук моего голоса в эту минуту, увидит пятьдесят миллионов негров, живущих в этих штатах".

Может ли язык передать в более ярких красках ту опасность, которая стоит перед нами? Сенатор продолжил изображать зло, которое может последовать за этим. "Если вы продолжите, - сказал он, - использовать эти методы, о которых нам сообщают довольно веские доказательства, вы посеете в груди этой расы семена, из которых вырастет урожай ужаса и крови, по сравнению с которым Французская революция или Сан-Доминго покажутся ничтожными".

Сенатор Хоар, как и большинство других людей его круга, думает, что он знает негров и понимает, как решается вопрос. Это не так. Если бы он понимал истинную серьезность этой проблемы, его щеки, когда он уловил эхо собственных слов, покраснели бы при мысли об опасности, которую он передает своим детям и внукам; не об опасности, возможно, пожаров и резни, но об опасности столь же смертельной, об опасности заражения в результате перенаселения низшей расы. Все остальные беды - лишь следствия; зло расовых конфликтов, хотя и не столь ужасное, как Французская революция или Сан-Доминго; зло растущих армий с их угрозой свободе; зло вырождения расы от принудительного и постоянного общения с низшей расой: вот некоторые из опасностей, которые вытекают из такого положения дел и противостоят нам. Еще на одном шаге они стоят перед остальным англо-американским народом. Ведь единственное, что сегодня стоит между людьми Севера и неграми, - это люди Юга. Возможно, придет время, когда единственное, что будет стоять между неграми и людьми Севера, - это люди Юга.

II

Главная трудность в решении этого вопроса заключается в различии взглядов на него двух секций. Они понимают его по-разному. Сегодня они расходятся во взглядах на этот вопрос так же широко, как и сорок лет назад. Их конечные интересы идентичны; их нынешние интересы не очень сильно расходятся. Следовательно, их противоположные взгляды на нее должны быть обусловлены ошибкой. Одна или другая секция должна заблуждаться в этом вопросе; возможно, ни одна из них не может быть точно права.

Это мы знаем и можем утверждать: должна существовать абсолютно правильная позиция. Нам крайне необходимо найти ее; ведь от того, как мы ее обнаружим и прочно на ней утвердимся, зависит наша безопасность. Если мы не нашли ее, то чем скорее мы осознаем этот факт, тем лучше для нас и для тех, кто придет после нас; если мы нашли ее, то чем скорее мы это поймем, тем лучше.

Одно можно сказать с уверенностью: молчание - не безопасность, бездействие - не безопасность. Если пятьдесят миллионов негров, или даже гораздо меньшее число, придут с Сан-Доминго и Французской революцией на своем поезде, белая раса должна проснуться и набраться сил.

Недавняя перепись населения с радостью показала, что сенатор Хоар и ему подобные переоценили коэффициент прироста. [66] Но проблема и так достаточно серьезна.

Первый шаг, который необходимо сделать, - пролить свет на эту тему. Пусть она будет изучена, измерена, осмыслена, а затем решена так, как будет сочтено справедливым и правильным. Старый метод уничтожения и попраiania уже не поможет; мы должны подойти к вопросу спокойно, рационально, философски. Мы должны отказаться от всех несостоятельных позиций, встать на неприступную почву права, и тогда, что бы ни случилось, мы сможем спокойно ожидать неизбежного оправдания событий.

Прежде всего, давайте развенчаем себя, отбросив все несущественные и посторонние вопросы. Отбросив все предрассудки, будь то проистекающие из прежнего подневольного состояния негра или из других причин, давайте основывать наши аргументы на фактах, и конечный вопрос не будет вызывать сомнений.

Какие бы предрассудки ни существовали, постоянное, твердое и философское изложение фактов дела должно в конце концов установить истину и обеспечить правильное средство защиты. Дух цивилизации должен в конце концов победить, и какие бы препятствия он ни встретил, право в конечном итоге должно восторжествовать.

Север считает, что вопрос, стоящий на повестке дня, сводится к исполнению или подрыву закона о выборных правах; он никогда не принимал утверждение, что это великий расовый вопрос, от которого зависит сохранение Союза, безопасность людей, как белых, так и черных, и прогресс американской цивилизации. Пожалуй, нет более четкого и авторитетного изложения взглядов, которых придерживается Север по этому вопросу, чем то, что было изложено в недавней речи мистера Г. У. Кейбла, произнесенной перед Массачусетским клубом в Бостоне 22 февраля 1890 года. Благосклонность, с которой оно было принято классом, которому оно было адресовано, свидетельствует не о враждебности этого класса, а о том, насколько неправильно понимают этот вопрос в этой части.

Мистер Кейбл, отвергнув южную идею вопроса, заявляет: "Проблема заключается в том, не должны ли американские граждане пользоваться равными правами в выборе своих правителей. Это не вопрос права негра на власть. *Это просто вопрос их права выбирать*

правителей; и как во времена реконструкции они выбирали на должности больше белых, чем людей своей расы, так, вероятно, они будут делать это и сейчас". Эти слова с одобрением цитирует даже такой либеральный и хорошо информированный мыслитель, как преподобный Генри М. Филд, который, безусловно, питает к Югу только добрые чувства, как и ко всему остальному человечеству. Поддержка этих взглядов таким человеком доказывает, что Север совершенно неправильно понимает истинный вопрос, который стоит перед нацией в это время. Он постоянно принимает за факты некоторые утверждения, подобные процитированным, и они являются его предпосылками, на которых он строит все свои рассуждения и все свои действия.

Проблема в том, что первая предпосылка ошибочна. Ее учителя, ее проповедники, ее писатели, ее ораторы, ее философы, ее политики в один голос, и этот голос могуч, в течение ста лет вдалбливали в умы неопровержимую доктрину, что Юг привез сюда негра и связал его рабством; что Юг держит негра в рабстве; что для увековечивания этой чудовищности Юг вверг нацию в войну и попытался разрушить Союз; что Юг по-прежнему стремится к восстановлению рабства и что тем временем он угнетает негра, бросает вызов Северу и представляет постоянную угрозу для Союза.

Большая часть северян, воспитанная на этой пище и никогда не слышавшая ничего другого, безоговорочно верит в это, и тем более опасно, что искренне. Если они ошибаются, а мы правы, то нам следует просветить их.

Несомненно, есть и такие, кого ничто не может просветить; они не поверят, даже если кто-то воскреснет из мертвых. Они не ограничены одной широтой. С такой же уверенностью можно сказать, что есть и такие, кто ради места и выгоды торгует кровью брата и держит открытыми раны, которые мир, если бы не они, давно бы залечил; кто за кусок похлебки готов продать право первородства нации. Профессиональный Хаман никогда не уснет, пока Мордекай сидит у ворот; но мы можем иметь твердую веру в конечный здравый смысл и здравые принципы великой англосаксонской расы, где бы она ни жила; и к этому мы должны обратиться.

Второе, что необходимо для решения вопроса, - это просвещение народа Севера. Если мы сможем показать, что вопрос не сводится, как утверждает мистер Кейбл и как считают на Севере, только к тому, имеет или не имеет негр право выбирать себе правителя, а является великим расовым вопросом, от которого зависит как будущее, так и настоящее спасение нации, нам не нужно опасаться за конечный результат; здравый смысл и правильное суждение возобладают.

То, что существует какой-то расовый вопрос, должно быть очевидно для каждого, кто проезжает через Юг. Там, где шесть миллионов людей одного цвета кожи и одной расы живут в контакте с двенадцатью миллионами людей другого цвета кожи и другой расы, по необходимости должен существовать расовый вопрос. Негр не вел себя неестественно: он, действительно, в основном вел себя хорошо; но расовый вопрос существует и растет. Это чувство еще не дошло до личной враждебности - по крайней мере, со стороны белых; но по мере того, как уходит старшее поколение, знавшее связь между хозяином и слугой, расовое чувство становится все сильнее. Негры становятся все более напористыми, белые - все более твердыми.

На Севере есть множество мужчин и женщин, которые не знают, что рабство когда-либо существовало на Севере. Они могут принимать его исторически, в тусклом, теоретическом смысле, как мы принимаем тот факт, что мужчин и женщин когда-то вешали за подлог или за кражу шиллинга; но они не воспринимают его как жизненно важный факт.

Возможно, решению нашей проблемы поможет доказательство того, что Новая Англия имела такое же отношение к установлению африканского рабства на этом континенте, как и Юг, хотя оно дольше всего просуществовало в последней части страны; что рабство на Севере, пока оно продолжалось, было такой же жесткой системой, как и на Юге; что отмена рабства на Севере в основном считалась незаконной, а ее сторонники встречали там такое же омерзение, как и на Юге; Что эмансипация рабов была осуществлена не всем северным народом, а ограниченной группой энтузиастов и по мудрому провидению Божьему; что прокламация об эмансипации не была основана на высоком моральном принципе всеобщей свободы, которому было принято ее приписывать, а была военной мерой, к которой прибегли только по "необходимости войны" и как к средству восстановления Союза. Далее, что наделение негра избирательным правом не было результатом высоких моральных чувств, основанных на правах человека, а было осуществлено в духе жажды, если не мести, и при неправильном понимании истинного значения такого акта; что негр использовал предоставленную ему власть не для выгоды себя или кого-либо еще, а безрассудным, неразумным и опасным образом; Что, хотя и были случаи несправедливости по отношению к нему, в основном ограничения, наложенные на него на Юге, были лишь такими, которые были необходимы для сохранения Юга от абсолютного и безвозвратного разорения; что те же инстинкты, под влиянием которых действовал Юг, преобладают на Севере; что негр получил и получает образование на Юге в объеме, намного превышающем его право требовать или способность белой расы способствовать этому; что он еще не способен, как раса, к самоуправлению. И, наконец, что если белая раса не продолжит утверждать себя и сохранит контроль, большая часть нации станет безнадежно африканизированной, а американская цивилизация откатится назад и, возможно, погибнет".

Рабство до недавнего исторического времени было в равной степени как северным, так и южным институтом; оно существовало в полной мере во всех первоначальных тринадцати колониях, и пока оно существовало, оно было столь же строгой системой на Севере, как и на Юге. Каждый закон, составлявший кодекс Юга, имел свой аналог на Севере, и не без оснований; ведь если на Юге насчитывалось не менее 600 000 рабов - в Вирджинии, по переписи 1790 года, 293 427, - то на Севере, по переписи 1790 года, их было менее 42 000.

Правила, не вполне совместимые с абсолютной свободой воли, являются необходимыми сопутствующими элементами любой системы рабства, особенно там, где рабы многочисленны; и сердца наших братьев на Севере должны быть более терпеливы к нам, поскольку они тоже не "без греха".

Массачусетсу принадлежит честь быть первым населенным пунктом в Америке, который узаконил работорговлю и рабство законодательным актом; первым, кто отправил корабль с рабами, и первым, кто принял закон о беглых рабах.

Рабство было посеяно на этом континенте (не Югом, как повторялось до тех пор, пока это не стало общепринятой доктриной, а голландским кораблем, который в 1619 году высадил груз из "двадцати негров" в голодном состоянии в Джеймстауне), вскоре оно пустило общие корни и через некоторое время начало процветать. Действительно, она процветала и здесь,

и в других местах, так что в 1636 году, всего семнадцать лет спустя, в Марблхеде был построен и оборудован корабль "Желание", ставший первым американским рабовладельческим судном, но отнюдь не последним. В ранний период существования этого института предполагалось, что, поскольку он оправдывался тем, что рабы были язычниками, обращение в христианство может привести к их освобождению. В Вирджинии, ведущей колонии Юга, было решено, что это не действует; но задолго до этого, и пока эта теория была общепринятой, негры, как показывают церковные записи, были крещены. В то время в Массачусетсе крещение было категорически запрещено.

Закон о беглых рабах, который в конечном счете оказался столь мощным возбудителем в истории рабства и который, как принято считать, был продуктом исключительно южного корыстолюбия и жестокости, имел своим прототипом Статьи конфедерации Соединенных колоний Новой Англии (19 мая 1643 года), в которой Массачусетс был правящей колонией.

Многие из добрых жителей Массачусетса в своем рвении и неправильном понимании фактов привыкли считать свои собственные юбки свободными от всякого пятна проклятой доктрины собственности на людей и хвастаться тем, что рабство никогда не существовало в силу закона в этом великом старом Содружестве, и что, конечно, ни одно человеческое существо никогда не рождалось рабом на ее священной земле. Для опровержения этого утверждения необходимо обратиться к работе мистера Джорджа Х. Мура, озаглавленной "История рабства в Массачусетсе". [67] Мистер Мур был библиотекарем Исторического общества Нью-Йорка и членом-корреспондентом Исторического общества Массачусетса. Он пишет на странице 19, ссылаясь на дело "Содружество *против* Авеса", 18 Pick., Shaw, C. J.: "Всевозможные авторитеты, исторические и юридические, вплоть до главного судьи Верховного суда Содружества, настойчиво утверждали и повторяли, что "рабство в определенной степени, похоже, прокралось сюда; вероятно, не в силу какого-либо закона, поскольку ни один из них не найден и не известен". В знаменитой речи мистера Самнера в Сенате 28 июня 1854 года он смело утверждал, что "за всю историю существования Массачусетса ни один человек не родился рабом на его земле"; и, по его словам, "если в действительности потомство рабов иногда удерживалось в рабстве, то это никогда не происходило с санкции какого-либо статутного закона колонии или содружества"".

"И, - говорит далее мистер Мур, - недавние авторы истории Массачусетса придерживаются такого же возвышенного и позитивного тона в этом вопросе. Мистер Палфри говорит: "На самом деле, ни один человек никогда не рождался в законном рабстве в Массачусетсе". [68] Г-н судья Грей в подробной исторической справке к делу "Оливер *против* Сейла", Quincy's R. 29, говорит: "До принятия Конституции штата в 1780 году негритянское рабство существовало в некоторой степени, и негры, содержащиеся в рабстве, могли быть проданы; но все дети рабов по закону были свободными".

Стоит ли удивляться, что, имея перед собой эти, казалось бы, авторитетные заявления, которые постоянно повторялись и повторялись, жители Массачусетса действительно должны были верить, что на священной земле Массачусетса ни один ребенок никогда не рождался в рабстве и что само рабство существовало лишь "в некоторой степени"?

Мистер Мур, опираясь на авторитеты, показывает, что эти заявления необоснованны, и излагает неудобные, но реальные факты. Он цитирует девяносто первую статью "Свода свобод", которая появляется в первом издании под заголовком "Свободы чужеземцев", а во втором издании 1660 года - под заголовком "Кабальное рабство".

"91. Не должно быть среди нас никакого кабального рабства, виллинажа или неволи, кроме законных пленников, взятых в справедливой войне, и таких чужеземцев, которые

добровольно продают себя или продаются нам. И эти должны иметь все свободы и христианские обычаи, которых закон Божий, установленный в Израиле в отношении таких людей, нравственно требует". Это не освобождает никого от рабства, кто будет осужден властью". [69]

Показав эволюцию этого закона, мистер Мур на странице 18 заявляет:

"Основанный на Моисеевом кодексе, он представляет собой абсолютное признание рабства как законного статуса и права одного человека продавать себя, равно как и другого человека покупать его. Он санкционирует работорговлю и вечное рабство индейцев и негров, их детей и детей их детей, и дает Массачусетсу право первенства над всеми другими колониями в принятии подобного законодательства. Он на много лет опережает все, что можно найти в статутах Вирджинии, Мэриленда или Южной Каролины, и ничего подобного нет в современных кодексах ее родственных колоний в Новой Англии". [70]

Главный судья Парсонс в ведущем деле Массачусетса "Уинчендон *против* Хэтфилда по ошибке", ссылаясь на сентенцию К. Дж. Даны в предыдущем деле, что негр, родившийся в этой колонии до принятия Конституции 1780 года, был свободным, хотя и родился от родителей-рабов, откровенно признает: "Совершенно точно, что общая практика и общепринятые обычаи были противоположны этому мнению".

Эти и другие авторитеты, приведенные мистером Муром, казалось бы, ставят этот вопрос вне всяких сомнений.

IV

Теперь что касается отмены рабства.

Каковы исторические факты в этом вопросе? Верно, что рабство было отменено на Севере; но это произошло на условиях, которые, если бы они преобладали на Юге, были бы использованы и там; и когда этот институт был отменен в северных штатах, он стал настолько невыгодным, что акт отмены не может заслуживать большого доверия. [71] Верно и то, что на всем Севере существовало значительное число мужчин и женщин, которые с давних пор искренне верили, что рабство человека - преступление против природы, и рьяно и настойчиво стремились к его отмене. На Юге также было много тех, кто с не меньшим усердием трудился для достижения той же цели; хотя, в силу различных условий, те же средства не могли быть использованы; и, стоя лицом к лицу с огромным количеством рабов, которое существовало на Юге, они видели ту же опасность, которая стоит перед нами сегодня, и искали в колонизации средства, чтобы сразу отменить рабство, освободить Америку и христианизировать Африку.

Однако, что касается фактического, непосредственного освобождения, то оно было не в большей степени намеренной работой Севера как народа, чем Юга.

Ее заслуга, даже в части создания общественного мнения, которое сделало ее в конечном итоге возможной, принадлежит группе эмансипаторов, которые, долгое время совершенно незначительные по численности и еще более малочисленные по сравнению с огромным количеством людей Севера, посвятили свои силы, свои труды, свои жизни достижению этой цели. Во время своей деятельности они сталкивались с не меньшим злословием и подвергались не меньшей опасности на Севере, чем на Юге, с той лишь разницей, что на Севере возмущения, совершаемые против них, вдохновлялись простыми чувствами, в то время как на Юге огромное количество рабов делало любое вмешательство в их жизнь

нетерпимым, и обращение с аболиционистами было основано на признании того факта, что провозглашаемые ими доктрины могут в любой момент ввергнуть Юг в ужасы восстания.

Не на Юге, а на Севере, в Коннектикуте, Пруденс Крэндалл за обучение цветных девочек подверглась преследованию, столь же варварскому, сколь и упорному. После того как на нее подали в суд и преследовали по всем инстанциям, какие только могла придумать община Новой Англии, она была изгнана в Канзас.

Она открыла свою школу в Кентербери, штат Коннектикут, в апреле 1833 года и сразу же подверглась самому жестокому преследованию, какое только можно себе представить. Достаточно хорошо придерживаться теорий о равных правах всего человечества; достаточно хорошо злоупотреблять институтом рабства в Вирджинии, Южной Каролине, Джорджии или Луизиане; но на самом деле открыть "школу для негров" в Кентербери, штат Коннектикут, было чудовищно. Городское собрание немедленно проголосовало за "принятие закона, запрещающего привоз цветного населения из других городов и штатов с любой целью, и особенно с целью распространения принципов и доктрин, противоположных благожелательной колонизационной схеме". "В мае в законодательном собрании был принят закон, запрещающий частные школы для цветных, не являющихся резидентами, и предусматривающий высылку последних, что вызвало величайшее ликование в Кентербери, вплоть до звона церковных колоколов". Против преступницы были приняты самые мстительные и бесчеловечные меры; магазины и дома собраний были закрыты против нее и ее учеников. [72]

Не на Юге, а в Ханаане, штат Нью-Гэмпшир, 10 августа 1835 года здание академии Нойеса, открытое для учеников обоих цветов, во исполнение официального решения городского собрания о его "демонтаже", было стащено сотней волов с земли, принадлежащей корпорации, и оставлено на общей территории, в чем участвовали триста йоменов округа. Учителю и цветным ученикам дали месяц на то, чтобы покинуть город. [73]

По всей Новой Англии менее чем за тридцать лет до обнародования прокламации об освобождении аболиционисты сталкивались не только с осуждением, но и с насилием. Когда в 1835 году английский аболиционист Джордж Томпсон отправился на Север, в Огасте (штат Мэн), где проходил съезд против рабства, ему разбили окна, а комитет граждан потребовал немедленно покинуть город под страхом побоища, если он вновь прибудет на съезд. В Конкорде, штат Нью-Гэмпшир, его прервали ракетами, когда он выступал на женском собрании. В Лоуэлле, штат Массачусетс, во время его второго визита, в ратуше кирпичная бита, брошенная извне в окно, едва избежала его головы, и, несмотря на мужественность членов избирательного совета, собрание на следующий вечер было отменено в уверенности, что нападения будут новыми и смертоносными. [74]

В письме мистера Уильяма Ллойда Гаррисона говорится, что Томпсону удалось спастись от толпы в Конкорде, а Уиттиера забросали грязью и камнями. [На съезде в Линне Джорджа Томпсона забросали камнями. На следующий вечер на него набросились триста человек.

И все это в Новой Англии. В конце концов, английского миссионера изгнали из страны, подвергаясь опасности, как писал Гаррисон, "быть убитым даже на улицах Бостона". [76] Действительно, в тот период в Новой Англии толпы были столь же часты, как и в Виргинии или Южной Каролине, если бы аболиционисты попытались проповедовать здесь свои доктрины. Сам Уильям Ллойд Гаррисон подвергался нападкам и доносам, и даже в городе Бостоне он подвергался самым жестоким и упорным преследованиям. Ему было приказано закрыть офис своей газеты "Либератор" под страхом смолы и перьев. Был распространен плакат, в котором говорилось, что собран кошелек в сто долларов для вознаграждения

первого человека, который наложит руку на "позорного иностранного негодяя Томпсона", чтобы он был доставлен в котел с дегтем до наступления темноты.

Наконец, самого Гаррисона схватили в Бостоне, вырвали из дома, в котором находился офис Антирабовладельческого общества, где он присутствовал на собрании женщин, протащили по улицам Бостона, обвязав веревкой, и, если бы не сообразительность двух здравомыслящих людей, которые привели его в мэрию, он был бы убит. Даже там ему грозила такая опасность, что его посадили в тюрьму, чтобы оградить от толпы, которая чуть не завладела им во второй раз.

Эта толпа не была, как можно предположить, толпой существ, которые обычно составляют такое сборище, но, как говорят, состояла из респектабельных и хорошо одетых людей. Гаррисон, нападая впоследствии в прессе на мэра за то, что тот не принял более решительного участия, заявил, что если бы это была толпа рабочих, напавшая на собрание торговцев, он, несомненно, действовал бы энергично, "но широкая одежда и деньги меняют дело". [77] Более того, по его словам, мэр признал, что "городские власти не очень-то одобряют использование толпы для усмирения таких агитаторов, как Гаррисон и ему подобные". [78]

Примечательно, что вся пресса Бостона, за одним-двумя исключениями, одобряла действия толпы и порицала Гаррисона.

Вот что сказал об этом сам Гаррисон:

"1. Бесчинство было совершено в Бостоне, колыбели свободы, городе Хэнкока и Адамса, штаб-квартире утонченности, литературы, интеллекта и религии. Никакие комментарии не могут дополнить позорность этого факта.

"2. Он был совершен при свете дня, открытого небесам, и поэтому был наиболее неприкрытым и дерзким в своих чертах".

"3. Оно было беспримерно подлым, поскольку представляло собой нападение тысяч людей на небольшое скопление беспомощных женщин. Чарльстон и Новый Орлеан никогда не действовали так жестоко".

"4. Оно было спланировано и осуществлено не сбродом или рабочими, а "джентльменами, обладающими собственностью и положением, со всех концов города" - и теперь (25 октября), когда появилось время для размышлений, оно все еще либо открыто оправдывается, либо холодно осуждается "высшими классами", и ликование среди них наблюдается по всему городу....".

"5. Городские власти явно не обращают на это внимания. Не было предпринято никаких усилий, чтобы арестовать главных участников беспорядков...."

Все это происходило в течение трех лет после того, как законопроект об отмене рабства в Виргинии провалился в Генеральной Ассамблее всего одним голосом, и этот голос был решающим для спикера.

Безусловно, нет необходимости приводить дополнительные авторитеты по этому вопросу. Если бы она была, это можно было бы сделать; ведь не только в Новой Англии, но и в других странах Севера можно привести примеры, когда происходило насилие, а однажды даже убийство. Элайджа П. Лавджой, после того как его типографию трижды разграбили, пал мучеником от свирепости толпы в Иллинойсе за то, что, руководствуясь инстинктом

гуманности, помог беглому рабу скрыться. Однако в одном Север может по праву гордиться: в том, что в конце концов в нем пробудились общие настроения в пользу эмансипации. Этим он был обязан гениальному произведению, созданному женщиной; роману, который тронул сердце христианства. "Хижина дяди Тома" отменила решение Верховного суда Соединенных Штатов и отменила Конституцию. Вызвав всеобщее неприятие рабства, она больше, чем что-либо другое, способствовала его отмене в том поколении.

Но и тогда Север не ставил перед собой задачу отменить рабство. Президент Линкольн получил всеобщее признание как освободитель африканцев. Именно его рука изображена в бронзе и мраморе, сбрасывающая оковы с раба. Он был избранным и великим знаменосцем самого передового элемента Севера, великим представителем их идей, боготворимым главным судьей и доверенным командующим их армий.

Его слова по этому вопросу должны быть авторитетными.

22 декабря 1860 года, после отделения Южной Каролины, он говорит: "Действительно ли южане опасаются, что республиканская администрация будет прямо или косвенно вмешиваться в дела рабов или в их отношения с рабами? ... В этом отношении Юг будет в не большей опасности, чем во времена Вашингтона".

4 марта 1861 года в своем официальном выступлении, инаугурационной речи, он говорит: "У меня нет цели прямо или косвенно вмешиваться в институт рабства в тех штатах, где он сейчас существует. Я считаю, что у меня нет законного права делать это, и у меня нет к этому склонности".

Если и может быть более авторитетное заявление, чем это, то оно содержится в резолюции, принятой Конгрессом Соединенных Штатов и подписанной Линкольном в качестве президента в июле 1861 года, после битвы при Манассасе:

"Решено... что эта война ведется с нашей стороны не в духе угнетения, не с целью завоевания или подчинения, не с целью свержения или вмешательства в права или установленные институты этих штатов, а для защиты и поддержания верховенства Конституции и сохранения Союза со всеми достоинствами, равенством и правами нескольких штатов без ущерба" и т. д.

Рабовладение даже на федеральной территории не было запрещено до 19 июня 1862 года, то есть всего за месяц до принятия законопроекта, согласно которому все "рабы упорных мятежников, найденные в любом месте, занятом войсками Союза, не должны быть возвращены своим хозяевам [как это было до сих пор по закону], и предусматривалось, что они могут быть призваны на службу для борьбы за Союз".

Поправка к Конституции (Тринадцатая), отменяющая и запрещающая впредь порабощение людей, не прошла в Палате представителей на сессии 1864 года и провалилась бы совсем, если бы один из членов от Огайо не изменил свой голос, чтобы предложить повторное рассмотрение и сохранить ее до следующей сессии, когда мистер Линкольн был переизбран и рекомендовал принять ее, а война, очевидно, была близка к концу, она была принята 119 голосами "за" против 57 "против".

Действительно, прежде чем мистер Линкольн издал свою прокламацию об освобождении, он за сто дней предупредил революционные штаты сложить оружие, а в прокламации он навсегда поставил точку в этом вопросе, заявив в выражениях, на том безошибочном

английском языке, которым он владел, что эта мера была принята "по военной необходимости".

Никто не может прочитать эту запись и не признать, что рабство было отменено по Божьему промыслу, вопреки намерениям как Севера, так и Юга, потому что его цель была достигнута, и пришло время покончить с ним.

V

Следующий шаг - обсуждение отношения, в котором мы, белые люди Юга, находимся к неграм. Это отношение слишком поразительно, если не сказать аномально, чтобы не привлечь широкого внимания. Раса с историческим и славным прошлым, находящаяся на высокой ступени цивилизации, сталкивается с расой своих бывших рабов, наделенных всеми гражданскими и политическими правами, которыми обладают они сами, и поддерживаемых внешними общественными настроениями, которые если и не враждебны доминирующей расе, то, по крайней мере, несимпатичны. Эти две расы нельзя с точностью назвать враждебными - во многих отношениях даже недружественными; но они с подозрением относятся друг к другу; их интересы в некоторых существенных чертах противоречат друг другу, а в других могут быть легко сведены к этому; бывшая раса рабов более тридцати лет была политически полезна для посторонних, чьи настроения их поддерживают, а бывшая доминирующая раса непреклонно утверждает настоятельную необходимость того, что она должна управлять низшей расой, а не быть управляемой ею.

В чем же теперь заключается вопрос? Просто ли это вопрос, "не имеет ли негр права выбирать себе правителей", или это великий расовый вопрос между неграми и белыми?

Если речь идет о простом извращенном навязывании белых черным, более сильных слабым, об отказе признать их справедливые права, то правы сторонники этой стороны. Если же дело обстоит иначе, то более сильная раса должна быть поддержана, иначе жители Севера виновны в фатуме, который разрушает нации.

Главная сложность в этом вопросе возникла из-за обладания избирательным правом недавно эмансипированным негром и особых обстоятельств, которые окружают это обладание. Сам метод предоставления этого права был чреват пагубными последствиями. Оно было дано ему не как праведный и разумный акт; не потому, что он считался способным выполнять высшую функцию гражданства: создавать законы и исполнять их; не с философским размышлением, которое должно характеризовать акт, посредством которого четыре миллиона новых граждан отдельной и низшей расы внезапно добавляются к нации; но в пылу, в духе мести, и главным образом потому, что кабала, которая тогда контролировала Республику, думала, что с негром в качестве союзника она сможет доминировать на Юге и увековечить свою собственную власть. Юг, только что вышедший из яростной борьбы войны, физически сломленный, но с несгибаемым духом, уверенный в целостности своих целей и тщетно полагавший, что, поскольку Конституция была эгидой, под которой Север претендовал на борьбу, конституционные права, за которые он сам боролся, будут соблюдаться и уважаться, принял эмансипацию негров, но не без основания обнаружил, что не желает, более того, не способен, принять все, что эта эмансипация может повлечь. Север, отчасти не доверяя искренности даже той меры согласия, о которой заявлял Юг; отчасти веря в то, что в сознании значительной части своего народа негр может быть возвышен и что он, по крайней мере, будет иметь возможность защитить себя; но главным образом для того, чтобы управлять неустрашимым и трудным Югом, по примеру партизанских лидеров, которые тогда управляли судьбами Республики, разрушил

конституционное правительство на всем Юге и восстановил его только тогда, когда передал его в руки негров.

Ни одна нация никогда не совершала подобного рокового поступка. Оправдания ему нет; лучшим оправданием может служить то, что он был совершен под влиянием энтузиазма, сразу после ожесточенной войны и до того, как страсти достаточно остыли, чтобы разум вновь обрел силу. Это было народное безумие. Реконструкция Юга" была, со стороны жителей Севера в целом, просто тем, что в национальной жизни хуже, чем преступление, - промахом; Со стороны лидеров, спланировавших и осуществивших ее, это был хладнокровный, преднамеренный, рассчитанный акт, нарушающий условия, на которых Юг сдался и распустил свои разбитые армии, и совершенный целью обеспечения - не мира, не безопасности, не праведного признания законно установленной власти, а личной власти лидеров партии, которая в то время была доминирующей, власти со всеми вытекающими отсюда выгодами и местью. Для этого они забрали восемь миллионов представителей кавказской расы, народа, который своей преданностью и самопожертвованием, своей запредельной энергией интеллекта, своей бесстрашной доблестью на поле боя и стойкостью в поражении только что возвысил свою расу в глазах человечества, и отдали ее под власть своих бывших рабов. В современной истории нет ничего подобного.

В течение двух месяцев после капитуляции Ли при Аппоматтоксе в пределах южных штатов не было ни одного конфедерата, который бы честно не принял положение дел.

18 декабря 1865 года генерал Грант, который был послан через Юг, чтобы проинспектировать и составить отчет о его состоянии, в своем докладе президенту сказал:

"Я убежден, что большинство мыслящих людей на Юге добросовестно принимают нынешнее положение дел. Вопросы, которые до сих пор разделяли настроения людей двух секций - рабство и права штатов, или право штата на выход из Союза - они считают навсегда решенными высшим трибуналом, к которому может прибегнуть человек, - трибуналом оружия".

Вскоре после собрания Конгресса в декабре 1865 года президент смог заявить, что жители Северной Каролины, Южной Каролины, Джорджии, Алабамы, Миссисипи, Луизианы, Арканзаса и Теннесси реорганизовали правительства своих штатов. Все съезды отделившихся штатов отменили или объявили недействительными ордонансы об отделении. Законы действовали в полном объеме, и штаты фактически вернулись в Союз, с должным образом избранными представителями, как правило, людьми, бывшими членами Союза, ожидающими приема в Конгресс, когда он соберется. [79]

Если бы Линкольн был здесь, как изменилась бы история! Его мудрость, его здравый смысл, его католический дух, его гордость за восстановленный Союз, который он сохранил, его патриотизм управляли бы страной. В течение двух лет влияние его взглядов оставалось слишком сильным, чтобы его можно было преодолеть. Джонсон, не питавший особой любви к Югу, уловил достаточно его либерального и патриотического духа, чтобы попытаться продолжить его мирную, конституционную и мудрую политику. Но ему не хватило мудрости, и к концу двух лет доминирующая воля Тада. Стивенса и его лейтенантов достаточно исказила общественное мнение, чтобы склонить его к своему удовольствию и поднять под свои цели. Тад. Стивенс дал ключевой сигнал. 14 декабря 1865 года он сказал: "По моему мнению, они (мятежные штаты) никогда не должны быть признаны способными действовать в Союзе или считаться действительными штатами, пока Конституция не будет изменена таким образом, чтобы сделать ее такой, какой задумали ее создатели, и чтобы *обеспечить вечное господство партии Союза*".

Чарльз Самнер не отставал от него. В январе 1867 года он заявил, что если не предоставить всеобщее избирательное право всем неграм в дезорганизованных штатах, то "вы не получите новых союзников, которые необходимы для национального дела".

Во исполнение плана Стивенса в марте 1867 года Конгресс принял акты, практически уничтожившие штаты Вирджиния, Северная и Южная Каролина, Джорджия, Алабама, Миссисипи, Луизиана, Арканзас, Флорида и Техас и разделившие территорию на военные округа под управлением военных правителей, которые должны были иметь абсолютную власть над жизнью, имуществом и свободой, с той лишь оговоркой, что смертные приговоры должны быть утверждены президентом.

Когда эти штаты были вновь созданы и возвращены в Союз, белые были лишены избирательных прав, а негр стал избирателем, был призван в Лигу Союза, пройден курс обучения под руководством офицеров с коврами мешками и принят в качестве нового союзника, с помощью которого должно было быть обеспечено "вечное господство партии Союза".

Линкольн в своей мудрости и патриотизме и не мечтал о подобном. Его единственным "предложением" было впустить "некоторых цветных людей, ... как, например, очень умных".

[80]

История того периода, периода восстановления Юга, никогда не была полностью рассказана. Она только начинает писаться. [81] Когда эта история будет рассказана, она станет самым темным пятном на истории американского народа. Единственное оправдание, которое можно привести перед потомками, заключается в том, что система была введена в действие в период волнения, которое было не менее чем бешенством.

С тех пор как негр получил право голоса, он, верный своему учению, неуклонно оставался союзником партии, которая его дала, следуя ее примеру с большей, чем послушание раба, и по всем вопросам, во все времена, противостоя респектабельному белому элементу, с которым он жил, со стойкостью, объяснимой только на основании твердой цели. Это явление было слишком заметным, чтобы его можно было не заметить. Север сделал из него неестественный вывод, что негр угнетается белыми, и таким образом сразу же заявил о своей независимости и попытался добиться своих прав. Юг, зная, что его не угнетают, делает из этого более справедливый вывод, что он естественно, умышленно и неизбежно вступает в союз с белыми просто по расовому признаку и выступает, независимо от причин, в упорной оппозиции ко всем мерам, которые отстаивают белые.

Север видит в позиции негра только правильное и похвальное стремление гражданина и человека; Юг обнаруживает в ней желание доминировать, угрозу всему, что англо-американская раса создала на этом континенте, и надеждам, на которых эта раса основала эту нацию.

VI

Чтобы понять, какая точка зрения является правильной, было бы неплохо рассмотреть историю негра и его возможности как гражданина.

Обсуждая этот вопрос, мы, к счастью, не уходим в теневую и неопределенную область простой теории; аргументы могут быть основаны на твердом и надежном фундаменте реального опыта.

Прежде всего, что бы ни говорила сентиментальная филантропия, что бы ни заявлял современный и ошибочный гуманизм, в основе всего лежит неопровержимый, мощный и таинственный принцип расового качества. Этнологически, исторически, врожденно белая раса и негры сильно различаются.

Рабство само по себе не объясняет всего этого. В зафиксированном опыте человечества рабство - просто рабство - не подавляло интеллект; узы личности, какими бы тесными они ни были, не служили для сковывания разума. Рабство существовало у греков, римлян, финикийцев, у наших собственных предков из тевтонской расы: рабство столь же абсолютное, столь же неумолимое, как и африканское. Действительно, при некоторых из этих систем существовало абсолютное рабство, которого никогда не было у нас, ибо греки и римляне обладали абсолютной властью над своими рабами: они могли зарезать их для показа гостям или бросить в свои рыбные пруды как корм для миног.

И все же при этих системах, отличавшихся от африканского рабства двумя условиями - расовым сходством и интеллектуальным потенциалом, рабы нередко достигали высокого положения, и от них исходили одни из самых выдающихся литературных произведений тех времен. Эзоп, Теренций, стоик Эпиктет были рабами. Эти и многие другие люди доказали, что при наличии интеллектуального потенциала он прорвется сквозь обременяющие ограничения рабства и подтвердит истину, что рабство не может подчинить себе разум.

Что ценного для человеческой расы создал негритянский разум? В искусстве, в механическом развитии, в литературе, в умственных и моральных науках, во всем диапазоне умственных действий, ни одна заметная работа до сих пор не исходила от негра.

В самых ранних записях о человеческой расе, на памятниках Египта и Сирии, он изображен как раб, несущий бремя; спустя десятки веков он все еще остается подсобным рабочим. Четыре тысячи лет не отбелили пигменты каркаса и не развили силы интеллекта. Леопард не может изменить свои пятна сегодня, а эфиоп - свою кожу, так же как и во времена Иеремии, сына Хилкии.

Мы не утверждаем, что, поскольку негр - это негр, он не способен к какому-либо интеллектуальному развитию. Напротив, наблюдения привели меня к мысли, что при определенных условиях интеллектуального окружения, тщательного обучения и сочувственного поощрения со стороны представителей более сильной расы он может в индивидуальном порядке достичь достаточной, а в редких случаях и значительной степени умственного развития. Отрицать это - значит отрицать высший атрибут интеллектуальной сущности и закрывать дверь надежды для расы Божьих человеческих созданий, которым я сочувствую и желаю добра. Но неопровержимым доказательством является то, что такие случаи развития интеллекта являются исключительными, и что после долгих, тщательных и всесторонних испытаний негритянская раса не смогла обнаружить качеств, которые были заложены в каждой расе, о которой рассказывает история, которая продвинула цивилизацию или показала способность быть самой значительно продвинутой.

Там, где негр процветал, он неизменно оказывался под влиянием и с помощью более сильной расы. Там, где их не было, какие бы другие условия ни существовали, он ощутимо и неизменно возвращался к первоначальному типу. Либерия, Хайти, Конго - все это одна линия.

Его история на родном континенте таит в себе множество предположений. Как Восток далек от Запада, так и негритянская Африка далека от цивилизации. Поколения приходили и уходили, века сменяли века, народы сменяли народы, нации прививались к нациям, все

больше и больше увенчиваясь солнечным светом прогресса и цивилизации, но ни один слабый луч никогда не пронзал непроницаемый мрак "Темного континента", а последняя книга исследователя Африки - "Темнейшая Африка".

Это произошло не потому, что не было возможности. Цивилизация впервые зажгла свой золотой факел на ее границах. Когда Тибр пробирался через болота и дикую местность, когда Акрополь был диким, а семь холмов Вечного города - волчьей стаей, Фивы, Мемфис и Гелиополь содержали цивилизацию, которая в некоторых своих проявлениях никогда не была превзойдена с тех пор. Рим простирался через Средиземное море и направил свою цивилизующую силу вдоль северного побережья континента; позднее мавры создали там цивилизацию, которая до сих пор является диковинкой даже для нашей расы. В этой летописи, которую все христианство хранит как свое заветное достояние, мы улавливаем проблески торговли и даже цивилизации, расположенной где-то в границах Африки и встречающейся с цивилизацией величайшего монарха того времени. Занавес внезапно приподнимается, и перед нами открывается вид на царицу Эфиопии, пришедшую с чудесными дарами в гости к самому Соломону, еще более ослепительный, потому что такой загадочный.

С тех пор цивилизация триумфально пронеслась по большей части Земли. Только земля негров так и не поддавалась ее озаряющему и животворящему влиянию. Римлянин сменил грека; галл и франк возвысились над римлянином; тевтон, сакс и кельт превзошли галла. Только в негритянской Африке варварство властвовало безраздельно, а дикость сохраняла вечные владения.

Стэнли, Уорд, Глейв и Эмин-паша всего несколько лет назад обнаружили, что великая страна Конго была такой же варварской, такой же дикой, такой же людоедской, как и пять тысяч лет назад, провинция охотилась на провинцию, а деревня питалась деревней, такой же развратной и жестокой, как и звери в джунглях вокруг них.

Но не только в Африке негры демонстрируют отсутствие основных качеств прогрессивной расы. Это происходит повсеместно. На заре истории негр в том или ином месте, в Египте, в Риме, в других европейских странах, вступал в контакт с цивилизацией, но так и не смог принять то живительное течение, под которым в большей или меньшей степени поднимались другие расы.

VII

Здесь, в Америке, на протяжении более двухсот лет негр находился под непосредственным влиянием самой могущественной расы, которую знал мир, и в пределах охвата самого зрелого периода мировой истории.

Можно возразить, что в рабстве у него не было возможности дать своим способностям то упражнение, которое необходимо для их развития. Но ответ будет исчерпывающим. Он не был рабом во всех местах и во все времена. В Африке он не был рабом, кроме самого себя и своих собственных инстинктов; в Риме он был рабом не больше, чем тевтон, грек или галл; в Новой Англии он не был рабом более ста лет, и можно предположить, что там он получил столько же поощрения и такого же поддерживающего влияния, сколько когда-либо будет оказано на него Белым. Каков же результат даже в Новой Англии?

Доктор Генри М. Филд несколько лет назад написал книгу о путешествиях по Югу и своих размышлениях по этому поводу. Доктор Филд происходит из знатной северной семьи,

которой гордится вся страна. Он внимательный наблюдатель, честный регистратор, и друг всего человечества. Его нельзя обвинить в предвзятости. Говоря о нынешнем интеллектуальном состоянии негров в Массачусетсе, он заявляет:

"И все же здесь мы обречены на большое разочарование. Чернокожий имел все права, которые принадлежат его белому соседу; не только естественные права, которые, согласно Декларации независимости, принадлежат каждому человеку - право на жизнь, свободу и стремление к счастью, - но и право голосовать и принимать участие в принятии законов. Он может иметь свой маленький дом и сидеть там под своей виноградной лозой и смоковницей, и никто не будет к нему приставать или заставлять его бояться. Его дети могли ходить в те же общие школы, сидеть на тех же скамьях и получать те же уроки, что и дети белых.

"С такими преимуществами раса, обладающая природным гением, должна была бы добиться большого прогресса за сто лет. Но где же те люди, которых она должна была произвести на свет, чтобы они стали лидерами своего народа? Мы не находим ни одного, кто бы занял место человека действия или человека мысли, мыслителя или писателя, художника или поэта, первооткрывателя или изобретателя. Вся раса осталась на одном мертвом уровне посредственности.

"Если кто и проявил себя другом африканской расы, так это Теодор Паркер, который терпел всевозможные преследования и социальный остракизм, сталкивался с толпами, подвергался шипению и улюлюканью на публичных собраниях за свое смелое отстаивание прав негритянской расы. Но права - это одно, а возможности - совсем другое. И хотя он был готов бороться за них, он был очень удручен их способностью подняться по шкале цивилизации. В самом деле, он так многозначительно сказал: "Что касается силы цивилизации, то африканец находится на дне, а американский индеец - дальше". В 1857 году он писал другу: "Есть низшие расы, которые всегда были и будут в одинаково низком положении по отношению к остальным людям. Через два поколения как изменится состояние и характер ирландцев в Новой Англии. Но через двадцать поколений негры будут стоять там же, где и сейчас, то есть если они не исчезнут".

"Это было более тридцати лет назад. Но сегодня я смотрю вокруг себя здесь, в Массачусетсе, и вижу несколько цветных мужчин; но что они делают? Они работают в поле, мотыжат кукурузу, копают картошку; женщины стирают. Я вижу цветных парикмахеров и мойщиков, чистильщиков обуви и трубочистов; но я не знаю ни одного человека, который стал бы торговцем или банкиром, судьей или адвокатом, членом законодательного собрания или мировым судьей, или даже выборщиком в городе. Во всех этих отношениях они остались там же, где были во времена наших отцов. Лучшие друзья цветной расы, к числу которых отношусь и я, должны признаться, что разочаровывает и удручает тот факт, что при всех этих возможностях они мало чем отличаются от тех, кем они были сто лет назад". [82]

Но если предположить, что высказывания других людей, чья наблюдательность позволила им выделить обеспеченного адвоката, дантиста, врача или ресторатора, будут иными, это лишь докажет, что в отдельных случаях они могут подняться на достойный уровень; это просто подчеркнет тот факт, что это исключения из большого правила, и несколько не повлияет на аргумент, который заключается в том, что негры как раса никогда не демонстрировали большой способности к продвижению; что как раса они уступают другим расам. [83]

Нам предоставляется возможность изучить прогресс негра в двух странах, где для него была создана цивилизация, и он был окружен всеми условиями, способствующими прогрессу.

Первая - это Либерия. Там у него была образцовая республика, основанная кавказцем исключительно для его блага, с привитой свободой в названии. Она была основана в столь же великолепных надеждах, как и сама эта республика. Христианство оказывало ей помощь и молилось за нее. Как продвигался там негр? Пусть об этом расскажет один из представителей его расы, тот, кто считался компетентным представлять там Соединенные Штаты. Мистер Чарльз Х. Дж. Тейлор, покойный министр Соединенных Штатов в Либерии, дал картину жизни в Либерии, равной которой не может быть ни в одной другой стране, находящейся под тем же правлением. Он пишет в статье, опубликованной в газете "Канзас-Сити Таймс" 22 апреля 1888 года:

"Там нет ни одной фабрики, мельницы или мастерской. У них (правительства) нет ни денег, ни валюты в обращении. У них нет ни одной лодки, даже каноэ, а две канонерские лодки, которые им подарила Англия, валяются гнилыми на берегу"... "Если вы посмотрите с утра до ночи, то не увидите ни лошади, ни мула, ни осла, ни запряженного вола. У них их нет. В четырех графствах нет ни одной коляски, ни одной повозки, ни одной тележки, ни одной горки, ни одной тачки, . Туземцы все носят на своих головах".

Вся представленная картина безнадежна.

Если бы это был единичный случай, можно было бы подумать, что на результат повлияли климатические условия или близость большого дикарского континента. Но ближе к дому мы имеем еще более яркую иллюстрацию, еще более убедительное доказательство того, что истинной причиной является неспособность негра управлять, его неспособность подняться.

Вот уже сто лет негр оказывает влияние на многие Вест-Индии и единолично владеет одной. Взяв за образец республику, построенную нашими отцами, он с 1804 года манкирует управлением Хайти, одним из самых плодородных мест, когда-либо находившихся под властью Испании.

Более фантастическая махинация никогда не позорила народ и не унижала землю. Со времен Туссена Л'Овертюра и по сей день не прерывается тьма, опустившаяся на Санто-Доминго, когда он перешел под власть негров.

Кровавый Дессалин, подражающий Наполеону, с клятвой верности республике на устах, коронующий себя "императором" половины острова; жестокие Гонайв, Бойер, Сулук и им подобные, следующие друг за другом, каждый из которых так же жесток и развратен, как и другой, или со степенью, ограниченной только их возможностями, представляют такую картину, которую история не может повторить.

У нас есть рассказы о Хайти двух англичан, одного историка Фруда, другого - сэра Спенсера Сент-Джона, в течение многих лет проживавшего в Хайти, и оба они утверждают, что не испытывают никакой расовой антипатии. И какую картину они представляют! Санто-Доминго, некогда королева Антильских островов, менее чем за сто лет правления негров почти скатилась до состояния первобытного варварства.

Сэр Спенсер Сент-Джон в своей поразительной работе "Черная республика" дал картину Хайти под негритянским правлением, которой достаточно, чтобы заставить задуматься и самого дикого теоретика, и самого злопамятного партизана. Он старательно рассказывает, что прожил тридцать пять лет среди цветных людей разных рас и не имеет к ним предубеждений; что самыми частыми и не менее почетными гостями за его столом в Хайти в

течение двенадцати лет были представители черной и цветной рас. Представленная им картина - самая черная из когда-либо нарисованных: революция сменяет революцию, резня сменяет резню; страна, некогда, под властью белых, изобиловавшая богатствами и покрытая прекрасными виллами и плантациями, со "значительной иностранной торговлей, теперь находится в состоянии упадка и разрухи, без торговли и ресурсов любого рода; казнокрадство и ростовщичество главенствуют во всех государственных учреждениях"; варварство заменяет цивилизацию; поклонение Вуду вместо христианства, и случаи, когда человеческая плоть действительно продавалась на рынке Порт-о-Пренса, столицы страны.

Сэр Спенсер Сент-Джон рассказывает, что однажды испанский коллега сказал ему: "Если бы мы могли вернуться в Хайти через пятьдесят лет, то застали бы негритянок, готовящих свои бананы на месте этих складов". На что он замечает: "Более чем вероятно - если только за это время на них не повлияет какая-нибудь высшая цивилизация - что это пророчество сбудется. Негритянки действительно готовят свои бананы среди развалин лучших домов столицы".

Если тем, кто не имеет фактических знаний по этому вопросу, покажется, что я перерисовал картину, я бы отослал их к газетам, которые я цитировал, и к работам, которые я цитировал, и к большому количеству южан, которые на собственном опыте убедились, что такое негритянское господство.

Все, что было сказано, было сказано без чувства личной враждебности или даже недоброжелательности к неграм, ибо я не испытываю недоброжелательности ни к одному негру на земле; напротив, я испытываю чувство настоящей дружбы ко многим представителям этой расы и являюсь доброжелателем всего народа.

То, что содержится в этой статье, изложено из чувства долга, с надеждой и верой в то, что это может послужить привлечению внимания к реальным фактам в этом деле; что это может помочь отбросить из обсуждения все простые сентиментальности или предрассудки и основывать будущее рассмотрение этого вопроса на единственном твердом основании - основании голого факта.

Приведенные примеры, если они что-то и доказывают, то только то, что негры не обладают, в том развитии, которого они еще не достигли, основополагающими элементами характера, необходимыми качествами для управления государством, даже для самого себя, и что если бразды правления будут переданы в его неокрепшие руки, он бросит разум на произвол судьбы и приведет себя к гибели. Однако если бы речь шла только о Хайти или Либерии, мы могли бы переносить это с философским терпением, к которому нас призывает филантропия, но ближе к дому у нас есть не менее ошеломляющее доказательство этой истины. Негры контролировали правительство в южных штатах; в течение восьми лет ряд южных штатов был частично, а три из них полностью отданы под контроль негров, руководимых людьми, по крайней мере, способными и опытными, и поддерживаемых живительным влиянием всего Севера. Это был "эксперимент", к которому приступили с "энтузиазмом".

Акты о реконструкции предоставили чернокожим абсолютное избирательное право и лишили белых избирательных прав. Негр наделялся абсолютной властью и становился свободным. Он сам выбирал своих правителей. Весь вес правительства - огромная сила - по заблуждению, порожденному царившей тогда страстью, был слепо брошен в пользу негров; всему, что они утверждали, верили; все, что они требовали, делалось; им давали избирательный бюллетень, и все формы, установленные поколениями кавказских патриотов и юристов и освященные веками кавказской крови, были торжественно установлены и

торжественно соблюдались. Негр, по крайней мере, тогда сам выбирал своих правителей. Тогда у негра была такая возможность, если вообще была. Север выдвинул его в качестве гражданина вопреки протестам Юга и был вынужден поддерживать его. И каков же был результат? Такое буйство глупости и экстравагантности, такая пародия на правосудие, такая мумификация правительства, какой еще никогда не было, кроме как в тех странах, где он сам служил иллюстрацией.

В Виргинии, где негры были в численном меньшинстве и где доблесть белых только сейчас была продемонстрирована на их глазах в впечатляющей манере, которую они не могли забыть, мы избежали неудобств, связанных с ковровым мешочничеством, а Ханникаты, Андервуды и тому подобные стервятники оставили тушу для собственного разбора и вскоре были обглоданы и обращены в бегство. Но это было не так там, где негры составляли значительное большинство. В Южной Каролине, в Луизиане, в Миссисипи и в других южных штатах царил настоящий карнавал беспорядков и грабежей.

Пространство не позволяет вдаваться в подробности. Можно лишь упомянуть один или два факта, из которых можно собрать всю ужасную историю. Сначала будет упомянута Луизиана.

Вормутизм и келлоггизм в Луизиане, а также ковровый баггизм в целом, со всеми их проявлениями сутяжничества и продажности, а также нищеты и расточительности, не могут быть справедливо описаны в статье такого характера. [84] Такого соотношения воровства, разврата, и преступлений не было за пределами тех стран, где господствовал ковровый мешочник с негром в качестве своего легкого и невежественного орудия.

В Луизиане, вскоре после вступления Вормута в должность, он заявил в своем послании законодательному собранию от 4 января 1868 года: "Наш долг меньше, чем долг почти любого штата в Союзе, с налоговым фондом в 251 000 000 долларов и облигационным займом, который по желанию может быть сокращен до 6 000 000 долларов. Нет никаких причин, чтобы наш кредит не был на уровне". Это было слишком хорошее поле для Уормута и его единомышленников, чтобы упустить его. Перепись населения 1870 года показала, что долг штата вырос до 25 021 734 долларов, а долг приходов и муниципалитетов - до 28 065 707 долларов. За год долг штата увеличился в четыре раза, а местная задолженность удвоилась. Луизиана, согласно переписи населения, стояла во главе Союза по уровню задолженности". [85]

Это было только начало. Общая стоимость четырех лет и пяти месяцев правления республиканцев составила 106 020 337 долларов, или 24 040 089 долларов в год. "К этому, - говорит мистер Сейдж, - следует добавить отданные привилегии и франшизы, а также украденную государственную собственность". [86] Налоги выросли пропорционально - в некоторых местах до 7 или 8 процентов, [87] в других - до 16 процентов. [88] Это была конфискация.

В предыдущие годы государственная печать в штате обходилась примерно в 37 000 долларов в год. За первые два года *правления* Уормута газета "Нью-Орлеанская республиканка", в которой он был главным акционером, получила 1 140 881,77 долларов на государственную печать. [89]

Когда Уормут баллотировался в губернаторы, он был настолько беден, что рядом с избирательной урной ставили сундук для сбора пожертвований, чтобы оплатить его расходы на поездку в Вашингтон. Когда он пробыл на посту всего год, его состояние оценили в 225

000 долларов, а когда он ушел в отставку, то, по слухам, стал обладателем одного из самых больших состояний в Луизиане.

Лотерея штата Луизиана со всем развратом нравов и чувств, к которому она привела, была учреждена Уормутом и его бандой и является наследием, которое они оставили народу этого штата, спрутом, который они тщетно пытаются стряхнуть с себя. [Время не в силах рассказать о насилии, пороке, распутстве, когда правительство штата и муниципалитета было призом, который, как челнок, перебрасывали от одной фракции к другой; о полуночных приказах захватить власть, о карнавале коррупции и преступлений, пока белые не были вынуждены объединиться в лигу, чтобы предотвратить абсолютную анархию. Достаточно сказать, что именно в Луизиане под властью негров войска были введены в Дом штата и изгнали собравшихся представителей штата под дулом штыка, что в истории современной цивилизации случалось во время мира лишь дважды: один раз при Кромвеле и один раз при Наполеоне.

"Вампирский вармутизм" сократил богатство Нового Орлеана со 146 718 790 долларов при Вормуте до 88 613 930 долларов при Келлоге - чистое снижение на 58 104 860 долларов за восемь лет; в то время как недвижимость в сельских округах уменьшилась в цене с 99 266 839,85 долларов до 47 141 696 долларов, или примерно на половину. За этот период лидеры республиканцев растратили почти 150 000 000 долларов, не дав государству практически ничего". [91]

В Миссисипи коррупция была почти столь же велика, а результат почти столь же катастрофичен. Сборы штата в 1871 году были в четыре раза больше, чем в 1869 году; в 1872 году они были в четыре раза больше; в 1873 году они были в восемь с половиной раз больше; в 1874 году они были в четырнадцать раз больше. Шесть миллионов четыреста тысяч акров земли, составляющие 20 процентов всех земель штата, были конфискованы за неуплату налогов.

В Южной Каролине, если это возможно, ситуация была еще хуже, и в статье distinguished Джона Дж. Хемфилла, которую я уже упоминал, и которой я хочу выразить свою признательность, вкратце описывается состояние дел и дается картина, с которой должен ознакомиться каждый человек в Союзе. Генеральная ассамблея, созванная в 1868 году в Колумбии, состояла из 72 белых и 85 негров. В палате было 14 демократов, а в сенате - 7; остальные 136 были республиканцами. Один из первых принятых законов был несколько аномальным. После защиты прав цветного населения на железных дорогах, в театрах и т.д., он предусматривал, что если человек, чьи права, согласно закону, были нарушены, является негром, то бремя доказательства должно быть переложено на ответчика, и он должен считаться виновным, пока не докажет свою невиновность. Этот закон в большей или меньшей степени выражал тот дух, в котором многие люди на Севере до сих пор относятся ко всем вопросам, возникающим между белыми южанами и неграми.

Когда законодательное собрание собралось, оно приступило к мебелировке залов стоимостью 50 000 долларов, на что было выделено 95 000 долларов. С тех пор этот зал был полностью переоборудован на сумму 3 061 доллар. За четыре года они выплатили за мебель более 200 000 долларов, а когда в 1877 году было проведено расследование, выяснилось, что, даже если учесть то, что осталось по первоначальной закупочной цене, в Доме штата осталось всего 17 715 долларов; все остальное исчезло.

"Они открыли еще один счет, известный под расплывчатым, но всеобъемлющим названием "Припасы, мелочи и случайные вещи". За одну сессию эта сумма составила 350 000 долларов. В течение шести лет они держали открытый бар в одном из залов законодательного комитета, открытый с 8 утра до 3 часов дня, в котором все чиновники и их друзья угощались, экономя на несчастных и беспомощных налогоплательщиках".

Они организовывали железнодорожные махинации, фальсификации на выборах, фальсификации при переписи населения, общие махинации - все, что они организовывали, было наполнено мошенничеством. Они набрали и оснастили вооруженные силы, причем губернатор - один Скотт - отказался принимать в свои ряды только цветные роты. Девяносто шесть тысяч цветных мужчин были зачислены в армию, что стоило более 200 000 долларов. Была приобретена тысяча винтовок Винчестера, за которые со штата было взято около 38 000 долларов; 1 000 000 патронов обошлись штату в 37 000 долларов; было куплено 10 000 мушкетов Спрингфилда, которые обошлись, по их утверждению, в 187 050 долларов; все это было отнесено на счет штата в размере 250 000 долларов. Организованные войска использовались Скоттом и небезызвестным Мозесом в качестве своих приспешников и прихвостней. Вооруженные силы, или констебли, были вооружены и содержались с той же целью. [92]

Губернатор Скотт потратил 374 000 долларов из средств штата на свою агитацию. [93] В Доме штата работали восемь носильщиков, которые выдали сертификаты 238 лицам; восемь рабочих и от пяти до двадцати пажей; сертификаты были выданы 159 лицам из первых и 124 из вторых. Одна партия из 150 сертификатов была выдана сразу - все поддельные. За одну сессию было выдано платежных сертификатов на сумму 1 168 255 долларов, из которых около 200 000 долларов были чистым грабежом.

Еще одним полем для их грабежа стала государственная печать. Общая стоимость печати в Южной Каролине за восемь лет господства республиканцев, 1868-76, составила 1 326 589 долларов. Общие расходы на печать за 78 лет до этого - с 1790 по 1868 год - составили 609 000 долларов, что показывает превышение расходов на печать за восемь лет над 78 годами предыдущего правления в размере 717 589 долларов. На сайте средняя стоимость государственной печати при республиканской администрации составляла 165 823 доллара в год; средняя стоимость в год при администрации Хэмптона - 6 178 долларов. Сумма, выделенная республиканцами на печать за один год, 1872-73, составила \$450 000; сумма, выделенная за 25 лет, закончившихся в 1866 году, - \$278 251. Превышение ассигнований за один год над 25 лет - 171 749 долларов. Стоимость печати в Южной Каролине за один год превысила на 122 932,13 долларов стоимость аналогичной работы в Массачусетсе, Нью-Йорке, Пенсильвании, Огайо и Мэриленде вместе взятых.

В 1860 году налогооблагаемая стоимость в штате составляла 490 000 000 долларов, а налог - чуть меньше 400 000 долларов. В 1871 году налогооблагаемая стоимость сократилась до 184 000 000 долларов, а налог вырос до 2 000 000 долларов. В 19 графствах, взятых вместе, за один год было продано 93 293 акра земли за неуплаченные налоги. После четырех лет правления республиканцев долг штата вырос с \$5 407 306 до \$18 515 033. Не было проведено ни одной важной общественной работы, а "все тринадцать миллионов долларов представляли собой лишь ненужные и расточительные траты и хищения". [94]

Помилование губернатора было вопросом простой сделки и продажи. За два года пребывания Мозеса на посту губернатора он выдал 457 помилований, помиловав в последний месяц своего пребывания на посту 46 из 168 осужденных, которых он до этого оставлял в тюрьме.

В мае 1875 года губернатор Чемберлен в интервью корреспонденту газеты "Цинциннати Коммершиал" () заявил, что, когда в конце правления Мозеса он приступил к исполнению своих обязанностей губернатора, 200 судебных судей занимали должности по назначению исполнительной власти, не умея ни читать, ни писать. [95]

Эти заявления - лишь фрагменты, взятые из документов мистера Хемфилла, губернатора Хэмптона и других, которые ссылаются на государственные документы, и являются просто голой статистикой. Не учитывается навязывание, практиковавшееся на всем Юге в период негритянского господства; огромное, невероятное и бессмысленное унижение южан злоумышленниками, которые, используя в качестве своих орудий толпы невежественных негров, только что освобожденных от уз рабства, по своей воле разрушали некогда величественный Юг. Неудивительно, что губернатор Чемберлен, республиканец и ковровый баггер, каким он был, должен был заявить, как он это сделал в письме к Обществу Новой Англии: "Цивилизация пуритан и кавалеров, круглоголовых и гугенотов находится под угрозой". [96]

Обзор местности и тщательное рассмотрение фактов убедили меня в том, что я нахожусь в пределах истины, когда говорю, что южные штаты, за исключением, возможно, одного или двух пограничных штатов, были лучше обеспечены в 1868 году, когда реконструкция вступила в силу, чем в 1876 году, когда правительства ковровых мешков были окончательно свергнуты; и что восемь лет господства негров на Юге прямо и косвенно стоили Югу больше, чем все затраты на войну, включая потерю стоимости имущества рабов. Я думаю, что если бы мистер Кейбл и те, кто принимает его теорему, изучат историю южных штатов, даже в том виде, в каком она изложена только в статистике, не принимая во внимание, если угодно, страдания и унижения, причиненные белой расе Юга в тот период, когда Юг находился под властью правителей, выбранных неграми, они обнаружат, что не так уж велика разница между тем предложением, которое он формулирует, и тем, которое озвучивает Юг, заявляя, что нерешенным вопросом является вопрос о расовом господстве, от которого зависит будущее спасение американского народа.

VIII

Двадцать семь лет прошло с тех пор, как негр получил свободу; почти двадцать пять лет прошло с тех пор, как он получил право участвовать в управлении государством и был взят на воспитание. [97] Законы были настолько адаптированы, что сейчас нет ни одного негра моложе сорока лет, который не имел бы возможности получить образование в государственной школе. Благодаря частной филантропии эти государственные школы (многие из которых отличаются высоким уровнем) были дополнены учебными заведениями, созданными на частные средства. То, что у негров было нередкое стремление посещать школу, видно из посещаемости школ этой расы, о чем свидетельствуют статистические данные: за сессию 1878-88 годов в школах обучалось 1 140 405 негров, что составляет чуть более половины всего школьного населения.

Кроме того, все профессии, все ремесла и все сферы жизни были открыты для него так же, как и для белых; его избирателями были представители его собственной расы; он пользовался поддержкой Севера и доброй волей Юга. Но что он сделал? Чего он добился?

Юг относился к его политическому курсу с подозрением и на этом поприще противостоял ему всеми своими силами; но она не была подлой или скупой по отношению к нему. Напротив, в любом месте, в любое время, даже когда она сопротивлялась и нападала на него за его политические действия, она проявляла по отношению к нему в расходах на его образование либеральность, которая, в сравнении с ее возможностями, была равносильна щедрости.

Преподобный доктор А. Д. Майо, выдающийся просветитель и филантроп, известный педагог Севера, не так давно заявил: "Ни один народ в истории человечества не прилагал таких замечательных усилий, как народ Юга по восстановлению своих школ и колледжей. Подавленные войной и плохим правительством, они творили чудеса, и с тем интересом и рвением, которые сейчас ощущаются в государственных школах Юга, надежда на будущее ярче, чем когда-либо". "В прошлом году, - говорит он, говоря о 1888 годе, - эти шестнадцать штатов заплатили почти по 1 000 000 долларов на образовательные цели, что в соответствии с их средствами в десять раз превышает сумму, которую сейчас платит большинство штатов Новой Англии".

Виргиния потратила на свои государственные школы, включая сессию 1890-91 годов, согласно данным полковника Руффина, второго аудитора Виргинии, взятым из официальных источников, 23 380 309,97 долларов. Негритянские школы обошлись ей в 1889-90 годах, по той же оценке, в 420 000 долларов, из которых негры заплатили около 60 000 долларов. [98]

Губернатор Джорджии Гордон в своем недавнем выступлении сказал об этом штате: "Когда ее народ получил власть в штате, он обнаружил около шести тысяч цветных учеников в государственных школах, а школьная касса обанкротилась. Сегодня, вместо шести тысяч, у нас более ста шестидесяти тысяч цветных учеников в государственных школах, казна растет, а школы множатся год от года". Далее он говорит: "Негры оплачивают одну тридцатую часть расходов, а остальные двадцать девять тридцатых - белые".

Другие южные штаты не отстают от Вирджинии и Джорджии в этом вопросе.

Чего же добился негр за эти четверть века? Картина, нарисованная доктором Филдом о его достижениях в Массачусетсе, вполне сойдет для Юга.

"Они работают на полях, мотыжат кукурузу, копают картофель; женщины стирают". Они парикмахеры и мойщики, чистильщики обуви и трубочисты. То тут, то там можно встретить адвоката или двух адвокатов, у которых, к несчастью, практика находится в обратном соотношении с их принципами. Или время от времени встречается врач. Но почти всегда это люди со значительным вкраплением белой крови в жилах. И даже они ни в одном случае не достигли положения, которое среди белых считалось бы выше посредственности. Пятнадцать лет назад в Ричмонде было несколько негритянских табачных и других производителей. Сейчас их почти нет, за исключением гробовщиков.

Похоже, они не обладают способностями, необходимыми для ведения любого бизнеса, в котором необходимо применять разум не только для решения непосредственных задач.

Им, похоже, не хватает организаторских способностей, на которых зиждется все успешное деловое предприятие.

Они теряют позиции в качестве механиков. До войны на каждой плантации были первоклассные плотники, кузнецы, колесники и т. д. Половина домов в Вирджинии была построена плотниками-неграми. Где они теперь? В Ричмонде, возможно, есть несколько кузнецов и десяток-другой плотников; но где остальные?

В прошлом году на одном из крупных железоделательных заводов города Ричмонда произошла большая забастовка. Президент компании заявил впоследствии, что, хотя места у станков впоследствии были заняты добровольцами, и хотя на заводе работало много негров, которые не бастовали, ни руководству, ни неграм никогда не приходило в голову, что они могут работать у станков, и никто никогда не предлагал им этого.

Естественно, возникает вопрос: улучшилось ли их положение? Многие утверждают, что нет. Мои наблюдения привели к несколько иному выводу. Там, где они вступали в контакт с более сильной расой в условиях, в которых они получали помощь, как в городах, они в определенных направлениях улучшались; там, где им не хватало этого стимулирующего влияния, как в тех районах страны, где ассоциация неуклонно сокращалась, они не продвигались вперед. В городах, где они общаются с белыми, они, как мне кажется, становятся более достойными, более уважающими себя, более разумными; в деревне, где они предоставлены сами себе, я не вижу этого улучшения.

Однако это улучшение, каким бы оно ни было, не снимает расового вопроса. Напротив, оно скорее обостряет чувства, особенно со стороны негров, и делает отношения еще более напряженными. И все же это наша единственная надежда. Можно с уверенностью сказать, что белая раса не будет управляться неграми ни на Севере, ни на Юге. Этот день еще далек, и ни законопроекты Лоджа, ни какие-либо другие законопроекты не смогут его приблизить, пока не отменят естественный закон, не установят, что невежество должно быть выше ума, и не возвысят слабость над силой. История этой расы гарантирует, что этого не произойдет. С самого своего появления она была расой-завоевателем, подобно древним скифам,

"Твердые в решимости и стойкие в выдержке".

Та ее часть, которая населяет Соединенные Штаты, еще не выродилась. Та ее часть, которая проживает на Юге, несомненно, таковой не является. Нет необходимости вспоминать ее историю. Это одна из самых прекрасных страниц в истории человеческой расы. Пусть об этом скажет тот, кого не считают излишне предвзятым к Югу. Сенатор Хоар, говоря о народе Юга на заседании Сената в уже упомянутой речи, сказал:

Они обладают некоторыми качествами, которые я не могу даже предположить, чтобы утверждать в равной степени для людей, среди которых я сам живу. У них есть способность к командованию, которая делает южного джентльмена, куда бы он ни отправился, не просто пэром, а принцем. У них есть любовь к дому; они, лучшие из них и большинство из них, унаследовали от великой расы, из которой они происходят, чувство долга и инстинкт чести, как ни один другой народ на земле. Они любят свой дом. У них нет тех подлых черт, которые вырастают там, где главным смыслом жизни является зарабатывание денег. Они обладают, прежде всего, и ценнее всего, тем высшим и превосходным постоянством, которое, не считаясь с личными амбициями и не поддаваясь соблазну богатства, не уставая и не отвлекаясь, может преследовать великую общественную цель, из года в год и из поколения в поколение.

Именно с такой расой сталкивается негр. Это раса, которая, какие бы опасности ни грозили, всегда встречала их с непоколебимым умом.

Профессор Джеймс Брайс в своей недавней работе, посвященной негритянскому вопросу, приходит к единственному разумному выводу: оставить негров в покое и предоставить

решение проблемы ходу событий. Этого требует дружба с неграми. В последнее время у некоторых негритянских лидеров вошло в моду говорить на съездах, проводимых за пределами Юга, о борьбе за свои права. Ради себя и ради своей расы пусть они перейдут к разговорам. Одна вспышка насилия решила бы вопрос.

Нам, жителям Юга, кажется, что правильная расовая гордость - одна из самых сильных гарантий нашей нации. Без нее ни один народ не может стать великим. Без нее ни один народ не сможет остаться великим. Мы намерены стоять на ней.

Теперь остается вопрос: что будет с негром? Вряд ли он останется в своем нынешнем статусе, если, конечно, это возможно. Было предложено множество схем, но ни одна из них не отвечает поставленной цели. План депортации в настоящее время не представляется практически осуществимым. Легко предлагать теории, но гораздо труднее их обосновать. Я рискну предложить одну, основанную на долгих размышлениях на эту тему. Она заключается в том, что негритянская раса в Америке в конце концов исчезнет, причем не через поколение или столетие - это может занять несколько столетий. Средства будут естественными. Определенные части южных штатов на какое-то время, возможно, будут почти отданы ему; но со временем он будет вытеснен даже оттуда. Африка может взять часть; Мексика и Южная Америка - часть; остальные, по мере заполнения страны, по мере того, как жизнь становится труднее, а конкуренция ожесточеннее, будут рассеиваться и исчезать, часть, возможно, не очень большая, путем поглощения в более сильной расе, остаток - путем гибели в условиях жизни, не подходящих для расы. Соотношение смертности этой расы уже намного больше, чем у белых. Заболевания, связанные с потреблением и зимозкой, уже дают о себе знать.

[99]

Тем временем он здесь, и нужно что-то делать, чтобы улучшить условия.

Прежде всего, давайте получим весь свет, который может быть брошен на эту тему. Создайте организацию для рассмотрения и решения этого вопроса, но не в духе узости или вспыльчивости, а в духе философской дискуссии, какой бывает у великого народа, обсуждающего великий вопрос, который касается не только его настоящего, но и будущего положения среди народов. Тогда мы подойдем к сути вопроса.

Давайте сделаем все возможное, чтобы исключить из вопроса его политическую составляющую. Уберите из него политику, и проблема будет решена более чем наполовину". Не так давно сенатор Хэмптон заявил в статье, опубликованной им в "Североамериканском обозрении", что, чтобы убрать негра из политики, он с радостью отказался бы от представительства, основанного на его голосах. Может ли что-нибудь пролить более яркий свет на опасения, с которыми на Юге относятся к неграм в политике?

Никогда не было вопроса, более затуманенного демагогией, чем вопрос о мужском избирательном праве. Давайте приложим усилия к тому, чтобы обеспечить более разумную и лучшую основу для избирательного права. Давайте установим такую квалификацию в качестве предварительного условия для обладания избирательным правом, которая оставит право голоса только тем, у кого достаточно ума, чтобы использовать его как инструмент для обеспечения хорошего правительства, а не для его разрушения. Делая этот шаг, мы должны опираться на более широкий принцип, чем расовый ценз. Мы должны лишить права голоса не только негров, но и невежество и продажность. Если мы сможем лишить их избирательных прав, нам не нужно будет бояться избирателей, независимо от их цвета кожи. В настоящее время лишены избирательных прав не негры, а белые. Мы не смеем разделять.

Ограничив его в избирательном праве, которым он не научился пользоваться за целое поколение, продолжайте его учить. Именно от образованного негра, то есть от негра, который более просвещен, чем все представители его расы, должен исходить порядок. Невежество, продажность и суеверия среднего негра опасны для нас. Образование разделит их и возвысит. Со временем они поймут, что, если они хотят подняться, они должны обратить внимание на основные качества хорошего гражданина. Только на этом пути раса или любая ее часть может искать окончательного спасения.

Некоторым кажется, что Юг не в полной мере выполнил свой долг перед неграми. Совершенство - это, без сомнения, стандарт выше человечности; но, по крайней мере, мы, жители Юга, можем сказать, что сделали для него многое; если мы не признали его социального равенства, то это было сделано под влиянием инстинкта, который сильнее разума, и в повиновении закону, более высокому, чем записано в законодательных актах: закону самосохранения. Рабство, какими бы ни были его недостатки, не было в свое время тем безоговорочным злом, каким его принято считать. Его время прошло. Никакая сила не сможет заставить Юг вернуть его. Но для негра это было спасением. Она нашла его дикарем и каннибалом и за двести лет дала семи миллионам представителей его расы цивилизацию, единственную цивилизацию, которая была у него со времен зари истории.

Мы дали ему образование, мы помогали ему, мы поддерживали его во всех правильных направлениях. Мы готовы продолжать нашу помощь, но мы не будем доминировать над ним. Когда это произойдет, мы будем твердо убеждены, что заслуживаем той деградации, в которую мы погрузились".

СНОСКИ:

[65] Эта статья была написана несколько лет назад и опубликована в сборнике эссе автора под названием "Старый Юг". Она перепечатывается здесь в том виде, в каком была опубликована тогда, отчасти для того, чтобы автор мог полностью обсудить эту тему в одном томе, а отчасти для того, чтобы показать результат исследований расового вопроса в то время и с тех пор. Сравнение может легко провести каждый, кто достаточно заинтересован в этом вопросе, чтобы сделать это.

[66] Показано, что процент прироста негритянской расы значительно меньше, чем белой; процент смертности среди первой расы значительно превышает процент смертности среди второй. См. "Жизненная статистика негров" Фредерика Л. Хоффмана, *The Arena*, April, 1891, p. 529.

[67] "Комиссары Объединенных колоний нашли повод пожаловаться голландскому губернатору в Новых Нидерландах в 1646 году на то, что голландский агент в Хартфорде укрывал беглую индийскую рабыню, о которой они говорят в своем письме: "Такая рабыня - часть имущества ее хозяина, и более значительная часть, чем бестелесная". Положение о выдаче беглецов и т. д. было впоследствии закреплено договором между голландцами и англичанами" (Moore's "History of Slavery in Massachusetts", p. 28, цит. по Plymouth Colony Rec. IX. 6, 64, 190).

[68] "История Новой Англии", II., с. 30, примечание; Moore, с. 21.

[69] M. H. S. Coll. III, VIII. 231.

[70] Сравните Hildreth, I. 278.

[71] "К разведению рабов относились не слишком благосклонно. Доктор Белкнап говорит, что дети негров считались обузой в семье, а когда их отлучали от груди, их отдавали, как щенков" (Moore, p. 57, цит. по M. H. S. Coll. 1, IV. 200).

[72] "Им было отказано в перевозке в общественном транспорте; врачи не принимали их; родным и близким мисс Крэндалл было запрещено под страхом больших штрафов посещать ее; колодец был засыпан навозом, а в воде из других источников было отказано; сам дом был вымазан грязью, закидан тухлыми яйцами и, наконец, подожжен". ("Жизнь Уильяма Ллойда Гаррисона", I. p. 321.)

[73] *Id.* p. 494.

[74] "Life of William Lloyd Garrison", I. p. 452.

[75] *Id.* p. 517.

[76] Письмо Гаррисона жене, 9 ноября 1835 года.

[77] Lib. 5, 197.

[78] "Жизнь Уильяма Ллойда Гаррисона", II. p. 35.

[79] В Вирджинии в законодательном собрании, собравшемся в декабре 1865 года, в Палате делегатов был только один член, не принадлежавший к старым вигам, а в Сенате было "почти то же самое". ("The Political Hist. of Va., During Reconstruction", by Hamilton James Eckenrode, p. 41. Johns Hopkins Press, 1904.)

[80] Письмо Линкольна губернатору Хану, 13 марта 1864 года.

[81] Недавно вышел ценный сборник под названием "Известные люди твердого Юга", и я обязан статьями, вошедшими в него, за многие материалы в этой части моей темы.

[82] Со времени написания этой статьи определенный класс проявил заметные признаки прогресса.

[83] "Солнечные небеса и темные тени", с. 144.

[84] Я хотел бы сослаться на ценную статью, внесенную достопочтенным Б. Дж. Сейджем в уже цитированный том "Известные люди о твердом Юге".

[85] "Noted Men on the Solid South", p. 404.

[86] "Noted Men on the Solid South", p. 406.

[87] *Id.* p. 406.

[88] Dr. Henry M. Field, "Bright Skies and Dark Shadows".

[89] "Noted Men on the Solid South", p. 408.

[90] Со времени написания этой статьи, после борьбы, потребовавшей всех гражданских ресурсов правительства, эта организация была свергнута.

[91] "Noted Men on the Solid South", p. 427.

[92] "Noted Men on the Solid South", статья мистера Хемфилла, p. 94.

[93] "Noted Men on the Solid South", p. 95.

[94] "Noted Men on the Solid South", pp. 99-102.

[95] "Noted Men on the Solid South", p. 104.

[96] Губернатор Чемберлен недавно написал открытое письмо мистеру Джеймсу Брайсу, выдающемуся английскому исследователю американских правительственных условий, в котором после тридцатилетнего опыта он принимает абсолютно южную сторону расового вопроса.

[97] Это было написано в 1892 году.

[98] См. Приложение.

[99] См. "Жизненная статистика негра". Цитируется *выше*.

ГЛАВА VIII О РЕШЕНИИ ВОПРОСА

Часто задают вопрос: "Теперь, когда расовая проблема на Юге изложена и обсуждена, какое решение ее вы предлагаете - что вы можете предложить для улучшения условий, которые выросли из этой проблемы?"

Ответ прост. Никакого, только оставить все на самотек по экономическим законам, с той помощью, которую могут оказать просвещенный общественный дух и патриотизм широких взглядов. Решение, столь легкомысленно предлагаемое невежественными доктринерами, подобно ноструму шарлатана - годится только для дураков. Единственное решение, которое действительно может решить эту проблему, - это то, что только время может раскрыть - естественный и обязательный результат действия сил, представленных в двух расах. Расовые черты, инстинкты и силы, которые управляли и двигали ими с самого начала истории, по всей вероятности, будут управлять и двигать ими до тех пор, пока они существуют как расы.

Один факт, который можно утверждать с некоторой степенью уверенности, заключается в том, что не существует ни одной универсальной негритянской проблемы или вопроса, кроме одного, связанного с существованием в одной стране двух густонаселенных и плодovitых рас, существенно и, возможно, радикально отличающихся по своей истории, манерам, жизни и инстинктам. На самом деле проблемы почти столь же многочисленны и разнообразны, как и сообщества, в которых эти две расы существуют бок о бок. Например, одна проблема существует там, где расы одинаково образованы; другая - там, где они одинаково невежественны; третья - там, где одна или другая раса имеет численное превосходство; еще одна - там, где представители одной или другой расы принадлежат к тому или иному классу. Все эти вещи должны быть полностью учтены при решении различных вопросов, которые, по-видимому, присущи этой теме, и любая положительная формулировка одного набора условий может быть легко встречена созданием частично, если не полностью, другого набора условий.

Из всех этих вопросов, как уже говорилось, вырисовывается лишь один, по сути, общий для всех: Могут ли две расы, такие как белая и черная, с такой историей и такими

характеристиками, как у этих рас, продолжать постоянно жить вместе в условиях, подобных тем, которые существуют в Соединенных Штатах, с взаимной выгодой для обеих?

От правильного ответа на этот вопрос зависит наше будущее, как народа, так и нации. Наряду с вопросом о представительном правительстве, этот вопрос представляется наиболее жизненно важным и фундаментальным из всех, существующих сегодня в пределах Соединенных Штатов. От него зависят такие второстепенные вопросы, как представительство, личная безопасность, свобода слова, целостность расы, национальная сила и постоянство, и, возможно, даже национальное существование.

С начала прошлого века численность негров в Соединенных Штатах уже удвоилась в три раза, и, если условия не изменятся, возможно, что к концу века в этой стране будет от шестидесяти до восьмидесяти миллионов негров; ситуация, которая потребует от белой расы всей мудрости и постоянства, и даже больше, чем вся.

На самом деле, ситуация уже слишком серьезна, чтобы выйти из нее без затрат всего мужества, мудрости и патриотизма всей белой расы Америки, или, по крайней мере, без большего, чем они еще проявили. До сих пор к неграм относились, с одной стороны, как к покладистому и подневольному классу, полезному под контролем и управлением для обеспечения трудом большей части населения, а с другой - как к податливому классу, полезному при определенных условиях как оружие для наказания или контроля над противоположной стороной. Одна часть общества решительно склонилась к тому, чтобы держать негра в качестве простого рабочего, другая - к тому, чтобы использовать его в своих интересах. Но когда негритянская раса достигнет той численности, которую предлагает, возникнут новые вопросы. Вопрос будет звучать так: "Что делать с этим цветным населением, насчитывающим от шестидесяти до восьмидесяти миллионов душ?"

Правда, прогнозы увеличения численности населения часто не сбываются, но если судить о будущем по прошлому и принимать во внимание известные расовые особенности, то окажется, что к концу века в Соединенных Штатах, по всей вероятности, будет существовать предсказанная численность. Если оно существует, то нам, представителям нынешнего поколения, бесполезно закрывать глаза на серьезность ситуации.

В настоящее время ответ представляется альтернативным: либо они должны жить отдельно среди нас - то есть народ в народе, отдельный и самостоятельный, - либо они должны быть объединены и смешаны с белыми; либо они должны быть удалены и по-прежнему жить отдельно и самостоятельно, будь то в какой-нибудь стране за пределами Соединенных Штатов или в какой-то части этой страны, которая будет отдана им.

Те, кто лучше всего знаком с этой темой, не верят, что решение расового вопроса когда-либо будет происходить по линии слияния. То, что некоторое смешение будет, несомненно, верно, но если все наблюдения не ошибочны, то, хотя процент мулатов в общей численности негритянского населения увеличился, это увеличение происходит в основном за счет смешения белых с мулатами или мулатов с чистыми неграми, а смешение между чистыми неграми и чистыми белыми все время становится меньше.

"Общий вывод, - говорит директор Департамента торговли и труда Бюро переписи населения, приведя таблицы увеличения процентного соотношения мулатов к общей численности негритянского населения в нескольких регионах страны, - представляется обоснованным, что доля мулатов к общей численности негров была признана переписчиками высокой или низкой в соответствии с тем, как высока или низка доля белых к

неграм. То есть получается, что там, где белых много, а негров мало, доля мулатов к неграм, скорее всего, будет выше, чем там, где белых мало, а негров много".

Более того, процент мулатов в общей численности негритянского населения в городах значительно выше, чем в сельской местности.

Хотя отчеты, по общему признанию, неполны, [100] "но даже в этом случае, - говорит директор, - это шаг от невежества, когда наблюдения многих тысяч счетчиков в ходе четырех независимых опросов служат доказательством того, что в Соединенных Штатах от одной девятой до одной шестой части негров были смешанной крови, в то время как на Кубе половина, а в Порто-Рико пять шестых были отнесены к этой категории переписью".

По мере роста расовых чувств смешение двух рас будет неизбежно становиться все меньше и меньше.

Таким образом, решение вопроса должно идти по одной из предложенных линий. То есть негритянская раса должна либо оставаться отдельной и держаться сама по себе, либо должна быть удалена в какой-либо регион, будь то внутри или вне пределов Соединенных Штатов, где она будет существенно отделена.

Есть и те, кто горячо поддерживает попытку, пусть и кажущуюся геркулесовой, удалить негритянскую расу без дальнейшего промедления. То, что до этого может прийти в будущем, конечно, возможно. Однако гораздо более вероятно, что негритянская раса найдет свою лучшую безопасность в том, чтобы остаться в этой стране, народом в народе, отдельным и самостоятельным, но действующим в дружбе с более сильной расой и старающимся минимизировать, а не увеличивать разногласия по тем пунктам, в отношении которых более сильная раса настроена наиболее решительно. Если когда-нибудь наступит время, когда по какой-либо причине между двумя расами возникнет конфликт, который поставит под угрозу превосходство более сильной расы, слабая раса пойдет ко дну, чтобы никогда больше не подняться на этом континенте.

Когда писатель впервые приступил к изучению расовой проблемы, она показалась ему весьма удручающей. Однако по мере того, как он изучал все это поле, он стал больше надеяться и, конечно, более тверд в своих убеждениях относительно нескольких принципов.

Одним из этих принципов является абсолютное и неизменное превосходство белой расы - превосходство, как ему кажется, не обусловленное какими-то случайными обстоятельствами, например, превосходством образовательных и других преимуществ в течение нескольких веков, а врожденное и сущностное превосходство, основанное на более высоком интеллекте, добродетели и постоянстве. Он не верит, что негр равен белому или когда-либо мог быть равным. Превосходство расы основано на мужестве (или, возможно, лучше сказать "постоянстве"), интеллекте и внутренних добродетелях, и в этом белые превосходят все расы.

Другой принцип заключается в том, что многие, если не большинство, трудностей расовой проблемы после войны были вызваны или, по крайней мере, усугублены невежеством людей за пределами Юга, которые, будучи наиболее уверенными в своей позиции там, где они больше всего заблуждались, пытались навязать решение, противоречащее естественным и неизменным законам. Эгоистичный политик и самоуверенный теоретик одинаково ухитрялись создавать проблемы там, где их могло бы и не быть, если бы не их фанатизм и глупость.

Первый шаг к решению проблемы был бы сделан, если бы негра просто оставили в покое и предоставили ему самому распоряжаться своими ресурсами с той помощью, которую могли бы оказать справедливость или филантропия - другими словами, если бы белых и черных оставили разрешать свои трудности и проблемы в различных штатах и секциях точно так, как они были бы разрешены, если бы все были белыми или все были черными.

Среди ошибок, совершенных в первые годы, ни одна не была более фатальной, чем внушение негру, что он - подопечный нации и, как таковой, должен быть поддержан. В итоге его не поддерживали и никогда не поддержат; но из опыта того времени он вынес достаточно, чтобы понять, что правительство достаточно могущественно, чтобы растоптать белых южан. С тех пор воспоминания о том времени служат для него *ignis fatuus*, чтобы вводить в заблуждение. И постоянное навязчивое обсуждение этой темы в северной прессе и среди политиков, забывающих, что сейчас уже не десятилетие после войны, как раз достаточно, чтобы ввести их в заблуждение.

В конце концов, негры должны подняться собственными усилиями и собственным подходом к стандартам, по которым поднимаются народы. И главная помощь в этом - сочувствие тех, среди кого они живут.

Оставшись одни, белые и черные Юга разрешат свои трудности в соответствии с принципами существенной справедливости и существенного равенства.

Еще один принцип заключается в том, что окончательное урегулирование должно быть таким, с которым согласится большая часть белой расы, которая лучше всего знает негров. Никакое другое решение никогда не будет окончательным.

Комиссия Маквея, посетившая Луизиану в 1876 году, сообщила, что негритянская партия имела значительное большинство в штате, владела всеми ветвями государственной власти и поддерживалась правительством Соединенных Штатов, но белые победили и вытеснили их. Если бы те же условия существовали и сегодня, произошли бы те же результаты. Эта страна так же "фатально предназначена" для англосаксонской расы, как и тогда, когда виргинские искатели приключений заявили об этом в своем первом докладе Елизавете.

И, наконец, я убежден, что окончательное урегулирование должно происходить путем возвышения обеих рас.

В поговорке о том, что если белые не поднимут негров, то негры потащат их вниз, есть много правды, хотя она и не верна в том смысле, в котором ее подразумевали. Она верна не в том смысле, что белый должен поднять негра до своего уровня; она верна в том смысле, что он не должен оставлять его униженным - по крайней мере, не должен оставлять его здесь униженным. Если он это сделает, то негр неизбежно будет удерживать его, если не тащить вниз. Ни одна страна при нынешнем состоянии мирового прогресса не сможет долго удерживаться в первых рядах, ни один народ не сможет долго удерживаться на вершине списка народов, если ему придется вечно нести бремя огромного и плотного невежественного населения, а если это население принадлежит к другой расе, то аргумент должен быть еще более веским. Разумеется, ни одна часть населения при таком бремени не может идти в ногу с той частью населения, которая не имеет такого бремени. Как бы ни обстояли дела в прошлом, прошло, возможно, навсегда, время, когда невежество рабочего класса было преимуществом. Нации, народы и, более того, части народов сегодня сильны и процветают почти в прямой зависимости от их знаний и просвещенности.

Можно легко и неопровержимо доказать, что богатство и сила современных наций находятся в почти точной пропорции с образованностью населения. Однако для данного аргумента нет необходимости выходить за пределы Америки. Если рассматривать этот вопрос с экономической точки зрения, то негритянская раса, как и любая другая раса, должна представлять гораздо большую ценность для страны, в которой она проживает, если негр будет должным образом образован, воспитан и обучен, чем если ему позволят оставаться в невежестве и деградации. Он представляет большую опасность для общества, в котором живет, если остается в невежестве и деградации, чем если его просвещают. Если Юг рассчитывает когда-нибудь конкурировать с Севером, он должен воспитывать и обучать свое население, и, по моему мнению, не только белое население, но и все население.

Я хорошо знаю все аргументы против образования негров. Я знаю, какую борьбу вел Юг в дни своей нищеты, чтобы дать образование этой расе, даже за счет своих белых детей; потратив на них, из налогов, взимаемых белыми с имущества белых, более 110 000 000 долларов, хотя более пятой части белых оставалось в невежестве. [101] Я знаю, какое разочарование она испытала. В том, что обвиняют образованного негра в том, что он достаточно образован, чтобы сделать его бесполезным в качестве рабочего и оставить его бесполезным для чего-либо еще, часто слишком много правды. Я прекрасно понимаю, что часто молодой негр считает, что его так называемое образование дает ему право быть наглым, и что нередко оно лишь способствует его порочности. Но, несмотря на все это, экономические законы так же неизменны и так же определены в своем действии, как и любые другие законы природы.

Прежде всего, мне кажется, что наш простой долг - делать все возможное, чтобы действовать по справедливости и с широким милосердием, а последствия оставлять на волю Божию.

Но есть и другие причины для того, чтобы мы продолжали делать добро. И не по сентиментальным причинам, и не по политическим причинам, а по причинам, от которых зависит будущее Юга и южного народа; по причинам столь же несомненным, как то, что свет безопаснее тьмы, и что ум лучше глупости, или даже простого лукавства, Юг должен дать образование всему своему населению. Она должна это сделать, иначе ей придется отстать от остальной части страны. У нее нет выбора в этом вопросе. У нее есть население, и оно растет. Мне кажется, что этот вопрос не подлежит обсуждению с точки зрения экономики. Мы должны дать им образование. Это не вопрос выбора, а вопрос необходимости.

Негров среди нас десять миллионов, и их численность увеличивается на двадцать пять процентов каждые десять лет. Они здесь, и что мы должны с ними делать? Необходимо выбрать один из трех путей: Мы должны либо ухудшить их, либо сохранить их неподвижными, либо улучшить их.

Все отвергнут первый план.

Никто не сможет сделать второй осуществимым. Раса, как и класс, всегда находится в состоянии изменения, по крайней мере, в таких условиях, как в Америке.

Значит, мы должны принять третий план.

В этот момент возникает вопрос: Как их улучшить? Один элемент говорит: "Улучшить их, но только как рабочих, для чего они только и пригодны"; другой, с большей

благотворительностью, говорит: "Расширить это и дать им шанс стать хорошими механиками, поскольку они показали себя способными к совершенствованию в промышленной области"; третий класс идет дальше и говорит: "Дать им еще один шанс - шанс развить себя; просветить их и научить их обязанностям гражданственности, и они станут в значительной степени хорошими гражданами". Другая теория гласит: "Дайте ему возможность и подталкивайте его, пока он не напится идеями и знаниями, которые сделали белую расу тем, чем она является".

Последняя из этих теорий кажется писателю столь же несостоятельной, как и первая, которая, безусловно, несостоятельна. Держите их в невежестве, и умные и предприимчивые уедут, оставив на Юге тупых, глупых и деградировавших.

Вопрос уже не в выборе между негром старого времени и "новым выпуском", а между "новым выпуском", превращенным в достаточно хорошего рабочего и достаточно просвещенного гражданина, который со временем узнает свое место, каким бы оно ни было, или "новым выпуском", тупым, невежественным, грубым, над которым могут работать самые хитрые из тех, кто его использует; шумным, человеческим очагом, в котором прорастает любая форма порочности.

Возможно, лучшим аргументом в пользу всеобщего избирательного права был аргумент Джорджа Мейсона на Конституционном конвенте: благодаря всеобщему избирательному праву можно узнать, что находится под ним. У негров всегда будут свои лидеры, и лучше иметь просвещенных лидеров, чем невежественных.

Ничто не может быть более удручающим, чем та скудная отдача, которую южанин получил за свои затраты и терпение. Часто его наградой становятся никчемность и наглость со стороны тех, кто пользуется его щедростью, а также непонимание и оскорбления со стороны фарисейских критиков. Но, несмотря на все это, давайте продолжать делать то, что считаем правильным. В прошлом у нас был опыт, когда негр был достаточно хорошо обучен и находился в дружеских отношениях с белыми, когда он признавал превосходство последних. Мы располагаем высоким авторитетом одного из ведущих негритянских учителей и лидеров, который утверждает, что негр стремится к белым. Это убедительно подтверждает тот известный факт, что везде, где негры и белые Юга предоставлены сами себе и не подвержены внешнему влиянию, они, в большинстве своем, живут в гармонии. Если мы будем продолжать и решать расовый вопрос твердо и справедливо, то покажем негру, что его истинный интерес заключается в поддержании дружбы с белыми южанами. Мы никогда не сможем этого сделать, если будем выступать против его образования и предоставим северным белым отстаивать его интересы. В таком случае у северян всегда будет аргумент, а у негра - доказательство, что северянин - его друг, а южанин - нет.

Предполагаемая опасность того, что образованный негр станет большей угрозой для белых, чем необразованный, - это жупел, который не выдерживает проверки светом. То, что это может быть правдой, если белым позволят оставаться необразованными, можно с готовностью признать. Однако ответ на этот аргумент, если он имеет хоть какие-то основания, заключается в том, что мы должны давать хорошее, а не фиктивное образование и просто лучше обучать белых. Если бы на американском континенте не было ни одного негра, нам пришлось бы делать это в любом случае, если только мы не хотим, чтобы южные народы все больше и больше отставали от северных и западных. [\[102\]](#)

Образование стало талисманом, желанием и целью всего огромного потока иммигрантов, прибывающих в наши ворота. Дети иностранцев, родившихся в стране, по данным последней переписи, даже на Севере менее неграмотны, чем дети коренных жителей. Если

мы не обеспечим этих людей хорошими школами, мы никогда не сможем надеяться на то, что к нам приедет хороший класс иммигрантов. Без хороших школ, если мы их и получим, это будет только самый бедный класс. И ничто так не поможет нам на Юге, как привлечение лучшего класса.

Теперь, что касается формы образования, которая будет наиболее ценной для негров и наиболее ценной для Юга, - ведь эти две вещи, вместо того чтобы противостоять друг другу, как, по мнению наших самодовольных критиков, мы считаем, связаны в одно целое.

К несчастью, система образования, применявшаяся до сих пор в отношении негров, оказалась настолько бесполезной по своим результатам, что значительная часть южан, зная факты, вопреки всем утверждениям негритянских лидеров и всем крикам тех, кто находится за пределами Юга и не знаком с фактами, искренне считает, что образованные люди более бесполезны и более опасны для благополучия и мира общества, в котором они живут, чем необразованные.

То есть, по искреннему убеждению значительного числа просвещенных и вдумчивых белых, прекрасно знакомых с ситуацией, искренние усилия Юга по образованию негров, продолжавшиеся на протяжении целого поколения и стоившие более 110 000 000 долларов, выделенных из имущества белых южан, потерпели полное фиаско, так как бенефициары этих усилий не являются ни хорошими работниками, ни хорошими гражданами, как предшествующее им поколение, и используют данное им образование, если они вообще его используют, не на пользу себе и во вред белым.

Это достаточно серьезная проблема, требующая вдумчивого рассмотрения, и ее нужно решать аргументами, а не очернением или даже простым догматизмом.

Несомненно, правда, что очевидный результат усилий по образованию негров был разочаровывающим. Есть несколько тысяч профессиональных мужчин, значительное число выпускников колледжей и средних школ, но в большинстве своем не видно ни видимой широты взглядов, ни роста способностей, ни склонности разумно рассматривать большие вопросы. Налицо, скорее, тенденция к расовой солидарности в противостоянии с белыми по всем вопросам; постоянная неспособность здраво различать внешние дарования и характер; общая склонность отрицать преступность и вставать на сторону преступников против белых, независимо от того, насколько вопиющим может быть преступление. Кроме того, среди белых нередко бытует мнение, что проповедники и лидеры способствуют усилению этих тенденций и учат враждебности, вместо того чтобы пытаться морально поднять расу. Этому мнению искренне придерживается значительная часть хорошо информированных белых Юга.

Все это очень неутешительно, и все же единственный светильник, которым мы можем безопасно освещать свой путь, - это свет опыта. Просвещение и религия - две великие силы, которые возвышают расы и народы. На заре истории просвещение и христианство взрастили западные народы, в том числе англосаксонскую расу. При всех недостатках, которые люди демонстрируют на практике, эти две силы содержат жизненно важные принципы. Они основаны на тех заповедях, благодаря которым только и возвышаются народы и развивается цивилизация - знание, мораль и долг.

Каковы бы ни были разочарования, по крайней мере, можно утверждать следующее: Есть только два способа решить проблему негров на Юге. Один из них - удалить его; другой -

возвысить. О первом, очевидно, не может быть и речи. Тогда единственный метод - улучшить его.

Предлагая метод воспитания, который окажет наибольшую пользу, легче критиковать, чем реформировать. До сих пор идея заключалась в том, чтобы воспитывать негров так же, как воспитывают белую расу; то есть дать им книжное образование и "выпустить на свободу". Правда, не было никакой сферы, кроме любопытной политики того времени, в которой негр мог бы проявить свои способности, основываясь на таком образовании. Белые не хотели этого, негры не могли этим воспользоваться, но это не имело никакого значения для тех, кто занимался этим вопросом. Под образованием понималась способность к книжному обучению. С этим скудным набором "образованный негр" устремлялся в политику или на кафедру, что в основном было лишь другим названием того же самого. Однако чувства требовали, чтобы негр был поставлен в равное положение с белыми, а другие условия оставались без внимания, что приводило к плачевным результатам.

Аксиома заключается в том, что образование негра должно быть таким, которое принесет ему наибольшую пользу. Можно сформулировать несколько простых принципов: Его должны научить, что образование состоит из чего-то большего, чем просто умение читать, писать и говорить; что образование включает в себя моральное возвышение, а также интеллектуальное развитие; что религия включает в себя мораль и является чем-то большим, чем эмоциональное возбуждение. Его следует научить, что одним из самых сильных элементов расового развития является чистота семейной жизни; его следует научить, что обязанности гражданина - это нечто большее, чем способность проголосовать или даже занять должность; что возвышение до превосходства среди людей своей расы имеет для него сейчас гораздо большее значение, чем внешнее равенство с другой расой, и что истинное превосходство основано на характере. Его следует научить быть самодостаточным, уверенным в себе и уважающим себя. Народ, как и класс, чтобы продвигаться вперед, должен быть либо достаточно сильным, чтобы пробивать себе дорогу вопреки враждебности, либо должен заручиться дружбой других, особенно близких ему людей. Если негритянская раса на Юге намерена и достаточно сильна, чтобы одолеть белую расу, пусть она попробует этот метод - и вскоре обнаружит свою ошибку; если нет, она должна заручиться дружбой этой расы. В силу сложившихся условий дружба и симпатии южной части этой расы почти настолько же важнее для негров, чем северной, насколько дружба последней важнее, чем дружба еще более отдаленной канадской части белой расы.

Лучший способ - возможно, единственный способ для негритянской расы неуклонно прогрессировать - это заручиться симпатией и помощью белых южан. Этого никогда не произойдет, пока не будет нарушена расовая солидарность негров и пока негры не разделятся на тех же основаниях, на которых разделяются белые; пока они не объединятся с белыми и не будут действовать вместе с ними по вопросам, которые касаются блага той части, в которой они оба имеют свои самые жизненные интересы.

Негры срочно должны разделиться на классы, а их характер и правильное поведение станут стандартом для возвышения. Когда они сами сделают различия, другие признают их.

Исходя из вышеизложенных принципов, во-первых, следует, что начальное образование должно быть всеобщим. Даже самый простой рабочий, говоря в общих чертах, получает от него пользу.

Это образование должно быть такого рода, которое наилучшим образом приспособлено к большому количеству тех, для кого оно предназначено. Самый мудрый и консервативный учитель негритянской расы, следуя наставлениям своего великого учителя генерала

Армстронга, добился своего отличия во многом благодаря успеху, достигнутому им в применении методов промышленного, а не просто литературного образования. С этой точки зрения против него горько возражают многие, возможно, большинство "образованных негров", которые любят заявлять, что действуют по принципу; что цель образования - сделать людей, а не картошку или даже плотников; мало понимая, что "люди" в том смысле, в котором этот термин используется или должен использоваться, не в большей степени получают благодаря поверхностному и поддельному образованию, которое демонстрирует большинство их так называемых выпускников колледжей, чем овощи или механики. Потребовалось целое поколение и около 150 000 000 долларов, включая все вложения из государственных и частных источников, чтобы выпустить одного Букера Т. Вашингтона и - из другой школы - одного профессора Дю Буа, хотя я с удовольствием заявляю о своей уверенности в том, что существует значительное и, возможно, все возрастающее число скромных, непритязательных, верных и преданных учителей и представителей обеих школ, не столь выдающихся, но, возможно, не менее достойных, чем эти. Но возникает или должен возникнуть вопрос: сколько тысяч тех, кто, создавая их, был испорчен для жизни, для которой они были предназначены?

Может показаться, что истинным принципом должно быть начальное образование для всех, включая термин "промышленное образование", и специальное, то есть высшее образование соответствующего рода для особых людей, которые могут доказать свою пригодность к его получению и извлечению из него пользы.

Высшее образование должно быть окончательной наградой и призом только для тех, кто доказал, что способен его оценить, и кто обещает использовать его на благо общества.

Игнорировать правила, основанные на таком простом здравом смысле, хуже, чем глупость. Деньги, потраченные таким образом, не просто выбрасываются на ветер - с этим можно было бы смириться; они наносят реальный и позитивный ущерб. Они лишают получателя возможности выполнять работу, для которой он в любом случае мог бы быть пригоден, и дают ему взамен лишь безделушку для развлечения, или оружие, с помощью которого он может причинить вред себе и другим.

Наконец, как единственная надежная основа всей системы образования, негр должен быть обучен великим элементарным истинам морали и долга. Пока он не укрепит в них настолько, что будет претендовать на то, чтобы быть равным белому на этой почве, он никогда не сможет быть равным ему на любой другой почве. Когда он станет равным белым, это даст о себе знать. До тех пор он борется не с белой расой, а с законом природы, универсальным и неумолимым - расы поднимаются или падают в соответствии с их характером.

ССЫЛКИ:

[100] Двенадцатая перепись населения США; Бюллетень 8, с. 17.

[101] См. Приложение.

[102] См. Приложение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ НА ЮГЕ.

Какой бы незначительной ни казалась сумма, затрачиваемая Югом на государственное образование, те, кто не знаком с его условиями, не имеют представления о том, какую нагрузку на его ресурсы эта сумма вызвала. В книге "Современный Юг", стр. 42, 43 и далее, Эдгар Гарднер Мерфи пишет

"Цифры нашей национальной переписи показывают, что с 1860 по 1870 год оценочная стоимость имущества Юга снизилась на 2 100 000 000 долларов, а период Реконструкции в период с 1870 по 1880 год добавил к этим потерям еще 67 000 000 долларов".

"В 1860 году оценочная стоимость имущества в Массачусетсе составляла \$777,000,000, в отличие от \$5,200,000,000 для всего Юга.

"Но к концу военного периода в 1870 году в Массачусетсе было \$1 590 000 000 налогооблагаемой собственности, в отличие от \$3 000 000 000 на всем Юге".

Интересно отметить, что в 1890 году "на общественные школы было потрачено на каждые 100 долларов истинной оценки всего недвижимого и личного имущества" 22,3 цента в Арканзасе и 24,4 цента в Миссисипи, по сравнению с 20,5 центами в Нью-Йорке и 20,9 в Пенсильвании. См. доклад комиссара образования США, 1902 г., том I. стр. xci".

НЕГРАМОТНОСТЬ НА ЮГЕ.

Следующая информация взята из публикации 8 Двенадцатой переписи населения Соединенных Штатов:

"Неграмотность коренного белого населения южных штатов колеблется от 8,6 процента во Флориде, 8 процентов в Миссисипи и 6,1 процента в Техасе до 17,3 процента в Луизиане и 19,5 процента в Северной Каролине, в отличие от 0,8 процента в Небраске, 1,3 процента в Канзасе, 2,1 процента в Иллинойсе, 1,2 процента в Нью-Йорке и 0,8 процента в Массачусетсе. Однако гораздо более справедливым является сравнение, которое показывает контраст не между Югом и остальной страной в 1900 году, а между Югом 1880 года и Югом сегодняшнего дня".

ТАБЛИЦА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ МЕСТО КАЖДОГО ШТАТА В ПРОЦЕНТНОМ СООТНОШЕНИИ НЕГРАМОТНОСТИ КОРЕННОГО БЕЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВОЗРАСТЕ 10 ЛЕТ И СТАРШЕ:

1900.

1	Вашингтон	0.5	26	Огайо	2.4
2	Южная Дакота	0.6	27	Мэн	2.4
3	Монтана	0.6	28	Оклахома	2.5
4	Невада	0.6	29	Колорадо	2.7
5	Вайоминг	0.7	30	Вермонт	2.9
6	Массачусетс	0.8	31	Индиана	3.6
7	Миннесота	0.8	32	Мэриленд	4.1
8	Небраска	0.8	33	Миссури	4.8

9	Коннектикут	0.8	34	Делавэр	5.6
10	Орегон	0.8	35	Техас	6.1
11	Юта	0.8	36	Аризона	6.2
12	Округ Колумбия	0.8	37	Миссисипи	8.0
13	Северная Дакота	0.9	38	Флорида	8.6
14	Айдахо	0.9	39	Западная Вирджиния	10.0
15	Калифорния	1.0	40	Вирджиния	11.1
16	Нью-Йорк	1.2	41	Арканзас	11.6
17	Айова	1.2	42	Джорджия	11.9
18	Висконсин	1.3	43	Кентукки	12.8
19	Канзас	1.3	44	Южная Каролина	13.6
20	Нью-Гэмпшир	1.5	45	Индейская территория	14.0
21	Мичиган	1.7	46	Теннесси	14.2
22	Нью-Джерси	1.7	47	Алабама	14.8
23	Род-Айленд	1.8	48	Луизиана	17.3
24	Иллинойс	2.1	49	Северная Каролина	19.5
25	Пенсильвания	2.3	50	Нью-Мексико	29.4

НАСЕЛЕНИЕ В ВОЗРАСТЕ НЕ МЕНЕЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ, КОЛИЧЕСТВО И ПРОЦЕНТ. НЕГРАМОТНЫХ СРЕДИ НЕГРОВ И БЕЛОЙ РАСЫ: 1900 И 1890 ГГ.

НАСЕЛЕНИЕ В ВОЗРАСТЕ НЕ МЕНЕЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ.

РАСА.			Число неграмотных.		Процент.	
	1900	1890	1900	1890	Неграмотные.	
					1900	1890
Континентальная часть США:						
Негритянское население.	6,415,581	5,328,972	2,853,194	3,042,668	44.5	57.1
Белое население.	51,250,918	41,931,074	3,200,746	3,212,574	6.2	7.7
Южная Атлантика и Южно-Центральный Подразделения:						
Негритянское население.	5,664,975	4,751,763	2,717,606	2,883,216	48.0	60.7
Белое население.	12,020,539	9,456,368	1,401,273	1,412,983	11.7	14.9

"В США насчитывается 352 графства, в которых половина негритянского населения в возрасте не менее 10 лет была неграмотной в 1900 году. За исключением округа Нью-Мадрид, штат Монако, все эти округа находятся на Юге.

"Если образовательные учреждения страны останутся на прежнем уровне, а не улучшатся, и будут прививать элементы образования столь же значительной части подрастающего поколения, как это было сделано с детьми в возрасте от 10 до 14 лет в 1900 году, то к концу жизни этого поколения неграмотность среди негров в стране снизится с 44,5 до 30,1 процента; то есть почти одна треть исчезнет. В то же время неграмотность среди белых в

стране снизится, если отбросить иммиграцию, с 6,2 до 3,5 процента; то есть исчезнет примерно три седьмых процента неграмотности среди белых.

"В настоящее время почти половина негров в южных штатах не умеют писать, но если образовательные учреждения для этой расы останутся примерно такими же, как сейчас, в течение жизни еще одного поколения и будут использоваться в той же степени, эта доля сократится до одной трети. Неграмотность негров в настоящее время примерно в четыре раза выше, чем белых, как на Севере, так и на Юге; на Севере немного меньше, на Юге немного больше".

РАСХОДЫ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ШКОЛЫ ВИРГИНИИ.

Общая сумма государственных и местных налогов, израсходованных в Вирджинии на государственные школы с 1870-71 по 1890-91-20 гг.	\$22,759,249.38
Сумма, полученная из Фонда Пибоди	296,134.00
Частные взносы	324,926.59
Итого	\$23,380,309.97
Стоимость обучения негров в государственных школах, включая общие текущие расходы	\$4,792,290.06
Суммы, ассигнованные штатом Хэмптону и Виргинскому нормальному институту	471,708.72
Стоимость постоянных улучшений, участков, зданий и т.д. для цветных школ	588,223.05
Общая стоимость цветных государственных школ и нормальных институтов за 20 лет	\$5,852,222.57
Общая стоимость школ для белых за тот же период	17,528,087.60
Общая стоимость всех государственных школ за тот же период	\$23,380,310.17
Процент от всего фонда, потраченного на белые школы	\$75.00
Процент от общего объема средств, израсходованных на цветные школы	25.00
	\$100.00

Фактическая статистика за 1891 год показывает следующие факты:

	Общая сумма налогов.	Процент от общей суммы.
Белые	\$1,769,576.06	91.7
Цветные	163,175.67	8.3
Всего	\$1,959,751.73	100.0

По данным переписи населения США за 1890 год, население Вирджинии выглядит следующим образом:

Белые	1,015,123	=	61.3%
Цветные	640,857	=	38.7%
Всего	1,655,980	=	100.0%

Таким образом, видно, что, хотя негры составляют почти четыре десятых населения, на их долю приходится менее одной десятой суммы, расходуемой на государственные школы.

Количество государственных школ в 1898-90 годах составило

Белые	5,358
Цветные	2,153
	7,511

Общая стоимость государственных школ в 1889-90 гг. составила \$1,604,508.80

Стоимость негритянских школ за тот же год составила около 420,000.00

Теперь, если мы воспользуемся процентами, указанными на предыдущих страницах, и допустим, что все налоги, уплаченные неграми (как на личное, так и на недвижимое имущество), пойдут в Школьный фонд, мы увидим, что образовался дефицит в размере 256 824,33 доллара, который должен быть восполнен за счет налогов, уплаченных белыми людьми, или, другими словами, общая сумма налогов на личное и недвижимое имущество, уплаченных неграми, покрывает менее половины расходов только на их школы.

ТОМАС НЕЛСОН ПЕЙДЖ

ВЫРАЩЕННЫЙ В КОСТИ

Иллюстрированная, \$1.50

"Книга, которой стоит насладиться". "Литературный мир".

"В лучших традициях мистера Пейджа" - "Вашингтон Стар".

"Он принадлежит к старой Вирджинии; он знает жизнь народа; он знает негров и прекрасно передает их диалект; у него есть глаз на живописное, поэтическое и юмористическое; его стиль демонстрирует изысканный вкус и мастерство" - "Нэшвилл Американ".

ГОРДОН КЕЙТ

С иллюстрациями Джорджа Райта

12mo, \$1.50

"Со времени публикации "Красной скалы" мистер Пейдж не дал нам ничего столь важного, как "Гордон Кит", роман с серьезной целью и щедрыми размерами, переполненный действующими лицами и полный инцидентов..... Это сильный, искренний и глубоко интересный роман о характере и нравах" - Гамильтон В. Мейби в "The Outlook".

КНИГИ МР. ПЭЙДЖА

КРАСНАЯ СКАЛА

Хроника реконструкции

Иллюстрировано Б. Уэстом Клинединстом

12mo, \$1.50

"Одно из самых удовлетворительных произведений художественной литературы, когда-либо созданных Югом. На всем этом многолюдном полотне нет ни одной фигуры, которая не была бы взята из жизни и не получила бы характер благодаря сочувствию или проникновению в мотивы" - The Dial.

СТАРЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН ИЗ ЧЕРНОГО ФОНДА

С 8 цветными иллюстрациями Г. К. Кристи

12mo, \$1.50

"Это не только одно из самых характерных и очаровательных исследований характера Вирджинии, проведенных мистером Пейджем, но и история, которая легко поддается иллюстрированию, и особенно такому декоративному иллюстрированию, которое сделал мистер Кристи." - The Outlook.

В СТАРОЙ ВИРДЖИНИИ

Марс Чан и другие истории

12mo, \$1.25

"Ничего более прекрасного, чем эти рассказы, никогда не было написано южным писателем. Тот, кто не читал их, упустил нечто сродни потере городского ребенка, который ходит среди лесов каменных домов и никогда не знал леса природы, благоухания диких собачьих роз и незапятнанной красоты божьего солнечного света." - New Orleans Picayune.

ПОГРЕБЕНИЕ ПУШЕК

12mo, \$1.25

"Вряд ли можно читать рассказ, давший название этому сборнику, без учащения дыхания и увлажнения глаз" - Christian Register.

"Три из них - военные истории, и все они рассказаны в очаровательном стиле мистера Пейджа" - "Чикаго Интер-Оушен".

Примечания транскриптора

- pg ix Изменено: должное рассмотрение любого другого вопроса, какого бы то ни было.
на: должное рассмотрение всех остальных вопросов.
- стр. 115 Заменено: варварство, проявляющееся в преобладании
на: варварство, проявляющееся в распространенности
- стр. 218 Заменено: любое другое отношение, полагает эту неявность
на: любое другое отношение, считает это неявным
- стр. 237 Изменено: что эта война не ведется
на: что эта война не ведется
- стр. 299 Изменено: предприимчивые уйдут
на: предприимчивые уйдут